

ШКОЛА АДВОКАТУРЫ
Руководство к ведению гражданских и уголовных дел

Перевод с английского П. Сергеича

ББК 67.75 Г 20

Автор и руководитель проекта серии,
главный редактор

И. Потапчук

Художественное оформление серии А. Домбровского

Гаррис Р.

Г 20 Школа адвокатуры: Пер. с англ.— Тула: Автограф, 2001.— 352 с.— (Школа зарубежного права).

15ВЫ 5-89201-029-5 15ВЫ 5-89201-028-7

Уникальная монография английского юриста XIX века служит и сегодня блестящим руководством к ведению дел гражданских и уголовных. Правоведы девятнадцатого столетия считали это сочинение «украшением судебной литературы».

После 1911 г. книга не переиздавалась на русском языке.

ББК 67.75

15ВЫ 5-89201-029-5 15ВЫ 5-89201-028-7

© Издательство «Автограф», 2001

«Этот человек,— говорит Мирабо,— что-нибудь сделает: он верит в каждое свое слово».

Карлейль История французской революции

ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

С переводом этой книги связано одно из лучших воспоминаний моей жизни. Незабвенный Александр Яковлевич Пассовер считал сочинение Гарриса украшением европейской судебной литературы и дружески приветствовал мое намерение издать его на русском языке; по его просьбе к В. Ф. Дерюжинскому оно было первоначально напечатано в приложении к «Журналу Министерства юстиции»; ему принадлежит мысль изменить английское заглавие. Светлой и благодарной памяти о нем я посвящаю свою скромную работу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Предисловие переводчика
- Вступление
- Глава I. Вступительная речь
- Глава II. Первоначальный допрос
- Глава III. Перекрестный допрос
- Глава IV. Типы свидетелей и указания о приемах их перекрестного допроса
 - 1. Лжец
 - 2. Зубастый свидетель
 - 3. Неподатливый свидетель
 - 4. Нерешительный свидетель
 - 5. Нервный свидетель
 - 6. Веселый свидетель
 - 7. Хитрец
 - 8. Лицемер и ханжа
 - 9. Свидетель, который частью говорит правду и частью лжет
 - 10. Решительный свидетель
 - 11. Свидетель «складная душа»
 - 12. Полупрофессиональное лицо
 - 13. Представитель правительственной власти (полицейский надзиратель М)
 - 14. Полицейский
 - 15. Правдивый свидетель
 - 16. Врач
 - 17. Щетинистый свидетель
 - 18. Каторжник
 - 19. Сыщик по призванию
 - 20. Оценщик недвижимого имущества (г-н Однобокий)
 - 21. Графолог
- Глава V. Ложное алиби
- Глава VII. О вступительной речи поверенного ответчика .
- Глава VIII. О заключительной речи ответчика
- Глава IX. О возражении со стороны истца
- Глава X. Об обвинении на суде
- Глава XI. О защите на суде
- Глава XII. Примерные дела
 - 1. Дело почтальона
 - 2. Дело полицейского
 - 3. Дело переплетчика
 - 4. Решительный вопрос в деле о преднамеренном убийстве
 - 5. Дело о краже лошади
 - 6. Иск об убытках, причиненных ложным доносом
- Глава XIII. Разбор вступительной речи сэра Александра Кокбурна по делу Пальмера, обвинявшегося в отравлении г-на Парсонса Кука (1856)
- Глава XIV. Примеры возражений, заключений и т. п.
- Глава XV. Еще один необыкновенный случай перекрестного допроса
- Глава XVI. Несколько слов об учреждении должности государственного обвинителя
- Глава XVII. О сохранении обряда предания суду присяжными заседателями
- Глава XVIII. Тактика

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Печатаемая нами в переводе книга Р. Гарриса «Hints on Advocacy» была издана впервые в Англии во второй половине прошлого столетия. С тех пор она выдержала тринадцать изданий. В Англии это первая и до сих пор единственная попытка систематического изложения здравых правил ведения гражданских и уголовных дел. Если сравнить это сочинение с книгами этого рода в континентальной литературе, например с руководствами Миттермайера, Ортлофа и отчасти даже с прекрасным руководством Фридмана, нельзя не заметить разницы между ними. Эти книги написаны в кабинете по другим книгам, та — создана по заметкам, схваченным на лету в бесчисленных процессах, где умный, образованный и опытный адвокат был опасным участником судебного состязания или внимательным его наблюдателем. Можно сомневаться, чтобы даже немец мог научиться чему-нибудь по толстой книге Ортлофа или по Миттермайеру, и можно сказать с уверенностью, что каждый товарищ прокурора и каждый адвокат, будь он русский, француз или немец, научился бы многому, если бы изучил Гарриса.

Английский процесс, в общем, достаточно знаком нашим читателям и не требует предварительных разъяснений. Напомним только, что судебное следствие начинается вступительной речью обвинителя или гражданского истца, затем следует допрос выставленных им свидетелей; он называется «главным» или «первоначальным» допросом. После этого представитель противной стороны производит так называемый «перекрестный допрос» тех же свидетелей и допрашивает свидетелей со стороны подсудимого или ответчика. Последние, в свою очередь, поступают в распоряжение обвинителя или истца; после перекрестного допроса каждая сторона имеет право вторичного допроса своих свидетелей, так называемого «передопроса». По принятому правилу сторона, выставившая свидетеля, не имеет права задавать ему наводящих вопросов; со стороны противника такие вопросы допускаются, но только по второстепенным, а не по существенным обстоятельствам.

Известно, что искусство допроса доведено в Англии до совершенства, и представитель стороны иногда вовсе отказывается от прений, предоставляя присяжным разрешить иск или обвинение по данным судебного следствия. Наши судебные деятели далеки от этого мастерства, и указания Гарриса по этому предмету могут быть очень полезны для них. Нам кажется, что не менее ценны и указания его о других моментах процесса, в частности о судебных прениях.

Автор скромно назвал свое сочинение «Советами», «Намеками»; но это название не соответствует истинному характеру книги и потому заменено другим, как можно думать, более точным по ее существу. В подлиннике нет подстрочных примечаний; те, которые приложены к тексту в настоящем издании, принадлежат переводчику. Читатели найдут полезные указания в книге Дж. Стифева «Очерк доказательственного права», перевод П. И. Люблинского.

ВСТУПЛЕНИЕ

В жизни адвоката бывают два периода: первый — когда он ловит стряпчих, второй - когда его ловят стряпчие. Чтобы дожить до второго периода, надо быть настоящим адвокатом. Но у нас нет школы адвокатуры; нет лекций об адвокатском искусстве; сколько мне известно, нет и книг об этом искусстве. Вступив в сословие, молодому адвокату приходится выбираться на дорогу собственными силами ценою немалого ущерба для вверенных ему чужих нужд и достояний, ценою гибели не одного несчастного клиента. Никогда не учившись искусству защиты, он так же мало подготовлен тому, чтобы отстаивать права своих клиентов, как они сами, если не считать того, что, благодаря знанию закона, может дать ему чисто юридическая оценка дела. Мне кажется очень печальным, что искусство, требующее почти бесконечного количества знания, остается без всякого руководства для тех, кто посвятил себя ему. Нельзя научиться такту, но опытность приводит к такту, а многие указания опыта могут быть переданы в виде правил. «Я никогда так не чувствовал отсутствия старшего, как при перекрестном допросе этого врача», — сказал один талантливый молодой адвокат, уже достигший немалых успехов. Как могло это случиться? обстоятельство, о котором надо было допрашивать свидетеля, было совсем несложное, хотя спор шел о том, страдало ли известное лицо душевной болезнью или нет в определенный промежуток времени. Не имея ни правил, ни общего указания о том, как надо действовать, он оказался в совершенно беспомощном положении.

В адвокатском искусстве, как я уже говорил в другом месте, столь многое зависит от «игры», что неопытный человек может сбросить лучшие карты и потом удивляться, как мог проиграть. Многие молодые адвокаты думают, что, воздерживаясь от перекрестного допроса, они выказывают свое неумение вести дело, что потеряют доверие своих клиентов и многое другое. Адвокат, имеющий право на это звание, не станет подчиняться подобным соображениям, а будет твердо держаться того, что я называю правилами здравого смысла. Если он сомневается, о чем спрашивать свидетеля противной стороны, он не станет спрашивать вовсе. Никогда не идите на ненужный риск; и помните, что только в безнадежном положении можно рискнуть вообще.

Коль скоро мы признаем, что адвокатское искусство, как всякое другое, имеет свои общие правила, хотя бы неписанные, всякий, кто служит ему, будет стремиться найти эти правила и сообразовываться с ними в своей работе. Если перекрестный допрос не есть простое издевательство над свидетелем в целях довести его до потери самообладания и сознания, то что же такое перекрестный допрос? Это есть умение выставить в наиболее выгодном для интересов вашего клиента свете те данные, которые заключаются в показаниях свидетелей противной стороны, дополнить их, если можно, выяснением обстоятельств, которых не коснулся ваш противник, и заложить основания для опровержения этих показаний, когда это нужно. Соответственно этим положениям существуют три главных правила, из коих вытекают несколько второстепенных указаний. Можно сделать такие же указания и для других отраслей этого высокого, блестящего искусства, и только отчетливое усвоение и неизменное соблюдение этих правил могут создать настоящего адвоката.

Одна практика, без знаний, может только развить и укрепить небрежность и неискусные приемы. Как часто адвокат, не усвоивший этих правил, вызывает своими вопросами и речами как раз противоположное тому, к чему стремился!

В числе многих преимуществ, связанных с ведением судебных дел по правилам настоящего искусства, надо иметь в виду и экономию во времени и, может быть, экономию в расходовании общественных средств. Как часто в былые годы приходилось нам по целым часам слушать бессодержательную, скучную болтовню адвоката, требующего проси отсрочки дела или возражающего против нее, болтовню, наполненную многословными повторениями и пошлыми общими местами, как мы страдали за четырех истомленных судей, искупавших свое величие обязанностью выслушивать ничтожные рассуждения по ничтожнейшим вопросам.

Если рассудить, как мало фактов бывает в большинстве наших дел, нельзя не удивиться тому, как мало нужно вопросов, чтобы установить эти факты. А если подумать еще и о том, что в большинстве случаев лишь очень немногие вопросы могут быть полезны при перекрестном допросе и очень многие могут быть прямо опасными, то всякому станет понятно, как важно уяснить себе две вещи, прежде чем приступить к допросу: во-первых, о чем надо спрашивать, и во-вторых, как надо спрашивать. То же можно в большинстве случаев сказать и о речах. Говорить о многом судебному оратору не приходится; и если достоинство речи заключается в том, что вы говорите, то сила ее в значительной степени зависит от того, как вы это скажете. Сила речи, как всякий знает, заключается в ясности и краткости, а не в продолжительности и многословии.

Другое преимущество, связанное с изучением адвокатского искусства как искусства, есть умение избегать ошибок. Можно сказать вообще, что для того, кто учится только на практике, ошибки будут общим правилом, а избежание ошибок — счастливой случайностью.

Избежать ошибки значит сделать шаг вперед на пути к совершенству, и мои наблюдения

убедили меня, что практика адвокатского искусства без его теории больше приучает к ошибкам, чем отучает от них.

Есть еще одно обстоятельство, о котором может быть нелишним упомянуть. Прежде думали, а некоторые думают и поныне, что отсутствие перекрестного допроса свидетелей равносильно признанию верности их показаний. Это безусловно ложное, логически несостоятельное мнение, которое давно пора бросить.

Можно, конечно, было бы предписать такое правило, так же, как можно было бы, если бы вздумал законодатель установить, что дело должно быть решено в пользу того, кто дольше говорит. Но и само правило, и соблюдение подобного правила или подобного недоразумения были бы вопиющим нарушением здравого смысла.

Отсутствие вопросов к свидетелю с вашей стороны вовсе не значит, что вы признаете верность его показаний: в противном случае иностранец, не знающий нашего языка, будучи предан суду, подлежал бы неременному осуждению, если бы в суде не нашлось переводчика. То же случилось бы со всяким тяжущимся или подсудимым, если бы он взялся сам вести дело и не захотел бы отдавать себя на общее посмешище перекрестным допросом. Все это пережиток той нескладной старой школы, в которой адвокаты не учились ничему, кроме непристойного поведения на суде.

Я понимаю, что в известных случаях признание может быть вполне целесообразным приемом и что, как воздержавшись от перекрестного допроса, так и всяким иным способом, вам не возбраняется указать, что вы не спорите против того или иного положения обвинителя; но заключать из этого, что вы признаете все показания свидетелей противника неоспоримыми, столь же несправедливо, как логически неверно. Представим себе, что высокопочтенное лицо, например епископ, утверждает под присягой, что подсудимый, столь же почтенный человек, вытащил у него на одной из лондонских железнодорожных станций кошелек из кармана. Предположим также, что у нас обеспечено надежное алиби. Я хотел бы спросить всякого, кто хоть на десять минут когда-нибудь вдумывался в искусство адвоката, - какой вопрос мог бы он предложить этому свидетелю? Если он сумеет ответить, я могу сказать только одно. Если нет, скажу что из него выйдет настоящий адвокат.

Если мы не станем подвергать епископа перекрестному допросу, разве это будет признанием вины? Да, это признание, скажет адвокат старой школы, хотя бы вы со своей стороны привели архиепископа и лорда-канцлера в удостоверение того, что в день происшествия подсудимый был вместе с ними в самом северном уголке Англии. Ничего не значит, допрашивать все-таки надо. Так полагается. Во всяком случае вы не откажетесь, может быть, указать, о чем спросить свидетеля, ибо, признаюсь, я решительно не могу придумать разумного вопроса.

Предположить, однако, что подсудимый на самом деле был на вокзале железной дороги и стоял рядом с епископом в ту минуту, когда у него вытащили кошелек. При этих условиях перекрестный допрос имеет смысл, как всякий знает, ни отношении к одному обстоятельству, — но только к одному. Но, если бы защитник не стал допрашивать потерпевшего, в этом все-таки не было бы ничего погожего на признание; и нельзя наскокивать на присяжных с намеками, что подсудимый «положительно признал» свою вину. Всякое обращение к присяжным по этому поводу со стороны защиты, естественно, касалось бы того же обстоятельства, о котором можно было и допросить потерпевшего. Но я не уверен, что при наличии свидетелей, удостоверяющих нравственную безупречность подсудимого, перекрестный допрос не будет лишним, если только первоначальный допрос производился с надлежащей сдержанностью.

Как бы то ни было, обвинитель не должен распространяться перед присяжными в указанном выше смысле и ни в каком случае не должен обращать молчание защитника в улику против подсудимого.

Труднее всего научиться тому, чего не следует делать.

Как часто в заметках, полученных от стряпчего, встречаются указания такого-то свидетеля подвергнуть строгому перекрестному допросу. Как будто дело в строгости, а не в умении!

Нужно ли объяснять, что если даже приходится «нажимать» на свидетеля, то следует делать это с тактом и осторожностью; как скоро он догадался, куда ведут вопросы, вы уже ничего от него не добьетесь. Он скрывает именно то, что вы хотите обнаружить, и потому все ваши натиски будут им отбиты без труда.

В книге сэра Вальтера Скотта «Сердце Мидлотиана» встречается отличный пример неудачи перекрестного допроса вследствие неумения прокурор-фискала. Он допрашивает молодую девушку Эффи, чтобы выведать у нее улики против Робертсона:

«— Большой он должен быть негодяй, Эффи, тот, кто привел вас в такое положение? — сказал прокурор.

Я, может быть, более виновата,— сказала Эффи.— Сама должна была знать; а он, бедный...— Она замолчала.

Всегда был отъявленным негодяем, конечно,— ска зал фискал.— Он ведь был нездешний и дружил с этим беззаконником и бродягой Вильсоном. Так, кажется, Эффи?

Я бы дорого дала, чтобы сказать, что он никогда в глаза не видал Вильсона.

Вот это верно, Эффи,— продолжал фискал.— Где это вы встречались с Робертсоном в то время? Кажется, где-то около Лех-Кая?»

В своем удрученном состоянии доверчивая девушка до сих пор шла за вопросами фискала, потому что он искусно приравнивал их к тем мыслям, которые естественно занимали ее; это были не столько ответы, сколько размышления вслух; человека, рассеянного от природы или придавленного большим несчастьем, нетрудно привести в это настроение рядом искусных внушений. Но последние слова прокурор-фискала были уже прямым допросом; они рассеяли колдовство.

Что это я сказала? — воскликнула Эффи, вздрогнув и выпрямившись на своем сиденье; она торопливо откинула назад свои спутанные волосы, открыв изможденное еще прекрасное лицо, смело и пристально взглянув на фискала. — Вы дворянин, сэр, и вы честный человек; вы не станете ловить слова бедной девушки, почти потерявшей рассудок. Господи!

«Нет, нет; конечно, нет, — поспешно сказал прокурор, стараясь успокоить ее. — Я хочу только помочь вам, а чтобы помочь вам, мне надо изобличить негодяя Робертсона.

«О, не клеветайте, сэр, на того, кто никогда не клеветал на других. Я знаю, что ничего худого о нем сказать не могу и не скажу!»

Чрезмерная настойчивость погубила старания прокурора.

То же происходит и при допросе полоумной Мэдж Диксом; он старается выпытать то, что она знает о «Добром Георге».

— А кто был этот Добрый Георг? — спросил Динс, стараясь вернуть ее к прерванной нити рассказа.

— О, это был Георг Робертсон; знаете, когда он жил в Эдинбурге; только это не настоящее его имя; его зовут... А зачем вам знать, как его зовут? — вдруг, как бы опомнившись спросила она».

Хотя Мэдж и была сумасшедшей, тем не менее этот отрывок верно указывает, к чему приводит чересчур заметное старание добиться желательного ответа. Можно ли приманить птицу криком?

«Мэдж продолжала отрывочную дикую болтовню, внушаемую ей расстроенным воображением; в этом состоянии она несравненно охотнее говорила и о себе, и о других, чем при попытках выведать у нее что-либо в этом направлении прямыми вопросами или перекрестным допросом».

Только знание людей может подсказать нужные вопросы. В заметках стряпчего их быть не может, хотя в них и могут быть указаны те факты, которых должен касаться допрос. «Спросите о том-то и том-то», «будьте настойчивы по отношению к этому обстоятельству» — это бесполезные указания. Как сделать это, зависит всецело от понимания личности свидетеля, а это понимание является плодом непосредственного наблюдения за ним, когда он стоит перед судом, и знания человеческой природы вообще.

Всякий раз, когда в своем изложении я решался сказать; это правило искусства, хотя доньше нигде не написанное, но могущее быть выраженным с точностью аксиомы,— в каждом таком случае я мог бы подтвердить свои слова примерами: если кому-либо покажется, что их недостаточно, я могу только возразить, что их слишком много.

Каким случайным делом было наше адвокатское искусство в былые годы! Бесконечные речи, тянувшиеся по часам, иногда по целым дням; неумелые и потому также нескончаемые перекрестные допросы; первоначальные допросы, которые, вместо того чтобы расположить все данные дела в соответственном порядке, сбивали все в кучу, как на складе старой мебели; председательские наставления, скорее в духе «расширения торговли по случаю ремонта», чем в виде точного изложения фактов для облегчения присяжных, и — я позволю себе сказать, не к достоинству милорда судьи. Мы видели все это своими глазами; и грустное наблюдение за всеми этими несовершенствами побуждало меня набрасывать на бумаге замеченные ошибки, с тем чтобы избежать их на будущее время.

Однако, скажут, величайшие адвокаты прошлого не знали писаных правил, а все прочие с успехом обходились без них. Могу только сказать, что великие адвокаты: Эрскин, Брум и немногие другие знали все правила, хотя правила и не были написаны. Стоит только просмотреть их речи, чтобы убедиться в этом; и стоит также проследить за деятельностью тех, которые не знали правил, чтобы убедиться, что, хотя они легко обходились без этого знания, их клиенты много выиграли бы, если бы их поверенные обладали некоторыми познаниями в искусстве, которому служат.

Не знаю, позволительно ли будет привести здесь азбучный пример самого неудачного приема, какой только можно представить себе в нашем деле. Среди моих молодых друзей

найдутся такие, которых он приводит в негодование, но многие улыбнутся, зная, как много в нем обидной правды.

За свидетельской решеткой стоит полицейский констебель. Раздается нежный вкрадчивый голос: перед чарами такого голоса, казалось бы, нет сил у свидетеля удержать ответ, долженствующий распахнуть перед подсудимым ворота тюрьмы на все четыре стороны: «Скажите, пожалуйста, констебель, были у вас какие-нибудь определенные основания к задержанию подсудимого? Почему, собственно, заподозрили вы его в этой краже?» (правила английского судопроизводства не допускают показания о личности подсудимого со стороны свидетелей обвинения; оглашение прежней судимости также воспрещено).

Вот и образец прямого вопроса. Судьи любят прямоту в сторонах, присяжные восхищены изящным обращением защитника, полицейский доволен, что ему не ставят ловушек под ногами.

– Почему заподозрил? — повторяет свидетель; да потому, что это первый вор в целом околоте.

Я мог бы подняться от этого скромного начала до очень высоких пределов негодности, но к чему это? Всем известно, что посредственные адвокаты старой школы были столь же свободны от всяких познаний в области того искусства, которое должно было лежать в основании всей их деятельности, как если бы вы взяли первого встречного рабочего на улице и, надев ему парик и тогу, послали его вести дело в суде. Несомненно даже, что он сделал бы меньше ошибок, ибо скорее дошел бы до конца всех своих стараний. Я знаю, что плохой адвокат может добраться почти до самого конца процесса, не выдав своей негодности клиенту. Стряпчие, по-видимому, думают, что все люди стоят приблизительно на одинаковом умственном уровне и что адвокаты поступают в сословие так же, как механическая обувь на рынок: все под один образец; разница только в размерах, но не в выработке.

Вся эта посредственность служит своему посредственному назначению, но адвокатское искусство должно стоять выше этого. Человек, севший за вист, не зная правил игры, не представляет более жалкой фигуры в глазах опытных игроков, чем адвокат, не знающий правил своего искусства, никогда не думавший о том, как, почему, когда, каким способом, в каком тоне следует задать вопрос; кто не научился читать в ответах свидетеля, прислушиваться к его тону, следить за его обращением и за многими другими подробностями, выясняющими значение его показаний. Палить в свидетеля вопросами нетрудно, но и бесплодно; это не искусство; длинные речи можно тянуть по часам, но это прямая противоположность искусства. Это умеет почти всякий. А если задуматься над тем, что в деле бывают поставлены на карту жизнь, достояние, общественное положение, честь и доброе имя людей, вверившихся адвокату, то нельзя не сказать, что нравственный долг обязывает его потрудиться настолько, чтобы усвоить хотя бы основные начала того искусства, которое служит успеху в этой ответственной борьбе.

ГЛАВА I

Вступительная речь

Не без значительных сомнений передал я эту книгу в руки издателя. Мне казалось самонадеянным давать какие бы то ни было указания по столь важному предмету. Но, обсудив свои колебания, я пришел к заключению, что тот, кто предлагает начинающим некоторые замечания, основанные на старательном изучении приемов, излюбленных лучшими знатоками дела, еще не выражает этим притязаний на имя великого адвоката. Не нужно быть талантливым писателем для того, чтобы написать критику о книге, или художником, чтобы с должным пониманием относиться к произведениям величайших мастеров, появляющихся время от времени на стенах Королевской академии. Не какой-нибудь артист, а самый заурядный обыватель заметил, что один великий художник изобразил живого красного омара в корзине свежей рыбы. Зачем же думать, что я ищу признания за собой чего-либо иного, кроме обыкновенной наблюдательности, нужной для того, чтобы, изучая искусство наших мастеров или восхищаясь их изящными причудами, подметить и промах, и удачный прием.

Я видал много достойного удивления, а отчасти и подражания, видал не раз и красного омара в корзинах молодых мастеров, и сам не раз изображал таких же ракообразных в самых пламенных красках. Но я не знаю ни одной книги, которая могла бы служить руководством для тех, кто стремится к лаврам нашей профессии (из которых величайший — быть образцовым адвокатом), и это побудило меня предложить их вниманию изложенные ниже замечания. Они приведены здесь не как непреложные правила, напротив того, с полным сознанием их неточности и неполноты по сравнению с ошибочным и возвышенным их предметом; но, если бы они оказались до некоторой степени пригодными к тому, чтобы предостеречь молодого адвоката от опасности провалиться в яму, или могли указать направление его неопытной энергии, я буду рад, что преодолел свое сомнение и решился напечатать их.

Опыт облегчает работу во всякой профессии; но мне пришлось видеть столько несчастных случаев, вызванных только неопытностью, что кажется нелишним отметить некоторые из тех

основных положений, которыми, по-видимому, руководствуются лучшие адвокаты и которые, по своей всегдашней применимости и целесообразности, сложились у меня в уме в виде правил, хотя не писанных, но могущих быть приведенными в систему; я убежден, что соблюдение их может быть только полезно для начинающих. Полагаю, никто не станет отрицать, что не одно верное дело было проиграно вследствие неопытности и не одно безнадежное выиграно — благодаря искусству адвоката. При плохих картах можно многое сделать «игрой». Поэтому все, что в качестве правила может оказаться полезным для молодого адвоката, удержать его от ошибок или указать ему, как с честью провести взятое им на себя дело, несомненно заслуживает некоторого внимания.

Я начну с положения, против которого едва ли кто станет спорить, а именно с того, что здравый смысл есть основание адвокатского искусства. Можно быть блестящим адвокатом, можно пользоваться успехом на суде, но один блеск этого великолепия не осветит дорогу неопытному человеку. Напротив того, этот блеск может сбить с пути начинающего, — вовлечь его в опасные ошибки. Блестящий адвокат может быть смел, может выиграть дело смелостью; при неудаче он сумеет прикрыть свое отступление искусными и эффектными приемами, а человек обыкновенных способностей при неудачной попытке подражать ему будет смешон и жалок в своем поражении. Здравый смысл, этот неоценимый сотрудник всех человеческих начинаний, имеет величайшее значение в адвокатском искусстве. Это - то исключительное и единственное качество адвоката, без которого все прочие будут лишними; а есть здравый смысл — почти ничего другого и не надо.

Вся работа адвоката идет в области человеческой природы. Люди — его рабочий прибор, люди — та нива, над которой он трудится. Измеряет ли он силы противника, настроение присяжных, оценивает ли умственные способности и добросовестность свидетеля, все равно — ключ к успеху лежит в знании человеческой природы или человеческого характера. Обращаться с людьми простыми как с машинами, что иногда делают некоторые адвокаты, значит выказывать полное отсутствие того знания, которое всегда есть первая необходимость для адвоката, хотя нередко оказывается его последним приобретением. Худшее, что может сделать адвокат, — это смотреть на присяжных, как на глупцов. Между тем такое отношение к ним встречается нередко. Молодые адвокаты, не остывшие еще после своих лавров в «Кружках прений» (так наз. *Debating Societies*, т. е. общества для упражнений в искусстве научного спора; они очень распространены в Англии), бывают склонны относиться с пренебрежением к скромным познаниям простых обывателей. Это — ошибка, свойственная молодости. Каковы бы ни были их умственные силы, будут ли они перед вами ограниченные или разумные присяжные, недостаток уважения в обращении с ними есть лучшее средство проиграть дело и выказать себя очень недалеким человеком. В зауряднейшем из заурядных составов присяжных заседателей почти всегда найдется один или два умных человека, а так как прочие пойдут за ними, то берегитесь сделать их своими врагами; а вы неминуемо достигнете этого, если по вашим словам и вашему обращению им покажется, что вы считаете их ограниченными людьми.

Иметь дело с присяжными — всегда нелегкая задача, и чем больше опыта у адвоката, тем осторожнее он будет с людьми, от которых зависит исход процесса.

Сдержанность в обращении всегда ближе ведет к цели, чем шумливость. Я не знаю дел, выигранных шумом и треском; в пене нет веса, в яростных словах нет силы. Я отнюдь не хочу сказать, что речь в разговорном тоне есть сильная речь; напротив того, увлечь присяжных слабой речью так же трудно, как поджечь зеленый тростник на реке. Плохая речь несравненно хуже, чем полное молчание: пусть говорят факты; но крик никого не убеждает; он притупляет слух присяжных, а иногда и вовсе оглушает их. Никогда не приходилось мне наблюдать, чтобы громкие речи адвоката имели успех у присяжных, разумею — в пользу их клиента.

Присяжные в большинстве случаев бывают проникнуты желанием сделать то, что им кажется правильным, и вынести справедливое решение; это стремление есть одно из прирожденных свойств человека; но опасность этого превосходного свойства заключается в том, что желание быть справедливым часто приводит их к несправедливому решению. Им кажется, что своими соединенными силами они устанавливают некоторое естественное правосудие, как будто им дана средняя мерка нравственности для целого человечества; между тем эта мерка потребовала бы, несомненно, много болезненного растяжения или ненужного пригибания, если бы заставляла всякого подчиняться ей. Это естественное правосудие не есть, к сожалению, ни закон, ни общечеловеческая справедливость, и в большинстве случаев в процессе оно приносит зло обеим сторонам.

Адвокат, знающий, что эта естественная теория несовместима с правами его клиента, должен убедить присяжных в их ошибке и привести их к более внимательной оценке противоречивых домогательств сторон. Для этого нужны не громкие фразы, а рассудочная деятельность. Вы должны уничтожить не только теорию, ими изобретенную, но и основание ее. Для этого нужны и проницательность и способность к логическим рассуждениям. Вам необходимо

выяснить с несомненностью, какое создалось у них представление о сравнительных преимуществах сторон. Как это сделать? Шарлатан сказал бы: «Чтением мыслей». - Адвокат ответит: «Здравым смыслом», т. е. посредством умозаключений, основанных на знании людей. Вам, может быть, ни разу не удастся уловить их точку зрения; если удастся и речь ваша будет искусна по приемам и содержанию, вы подчините их себе; если нет — тем хуже для вашего клиента; у вас нет надлежащего знания людей, и он ничего не потеряет, если бы вы молчали, вместо того чтобы говорить; вы в этом случае очень похожи на мать Тони Лемкинса, которую в темноте возят кругом на одном месте, не подвигаясь ни шагу вперед.

Ничто не способно вызвать у присяжных более оскорбительного сознания вашего пренебрежения к их умственным силам, как лесть. Говоря о лести, я разумею грубые, недостойные приемы обращения, вроде следующих: «вы, как просвещенные люди», «вы - английские присяжные» и т.п. Жалкие эпитеты, подтверждающие только то, что природа не терпит пустоты». Бывает лесть ласкающая и чарующая, но умение льстить дано немногим. Оно заключается в употреблении таких выражений, в которых нет прямой лести, но которые побуждают слушателей льстить самим себе. Оно вкрадчиво и незаметно; его ласки неотразимы.

Посмотрите внимательно на присяжных в ту минуту, когда адвокат силится убедить их, что они представляют нечто выше обыкновенных смертных, и вы прочтете в их лицах то же выражение, с каким толпа слушает базарного торговца, расхваливающего свой товар. Слушатели отлично понимают, что им, как говорится, «втирают очки», но в последнем случае это забавляет их, не раздражая; в первом — они возмущены и смотрят на вас с пренебрежением, как на обманщика, который обмошенничал бы их, если бы только мог.

Нечестные уловки на суде ничего, кроме жалкой известности, не создадут для адвоката. Но можно всего достигнуть искренней убежденностью и честным применением тех правил искусства, без которых и настоящий гений оказался бы только блестящим неудачником.

Лучшее средство обеспечить себе внимание присяжных заключается в том, чтобы быть или, по крайней мере, казаться искренно проникнутым своей задачей. Если вы на самом деле горячо относитесь к ней, некоторая доля вашего настроения передастся им. В этом и заключается искусство речи: надо увлекать за собой помыслы и чувства слушателей.

Второе необходимое условие заключается в том, чтобы быть логически последовательным; без этого ваша речь не будет даже понятной. Отдельные мысли могут быть усвоены слушателями, но вся речь останется набором слов и путаницей понятий.

Я отнюдь не хочу сказать, что вы обязаны представить логическое освещение процесса с обеих сторон; таким путем вы могли бы погубить и себя, и своего клиента. Я разумею освещение дела в ваших интересах, притом независимо от того, обращаетесь ли вы к людям образованным или невежественным. Человеческий ум есть машина рассуждающая, и он легче усваивает доводы, изложенные в логической последовательности, нежели такие, в которых посылки и выводы представляются в исковерканном виде. Задача ваша не в том, чтобы вселять в них недоумение или возбуждать удивление, а в том, чтобы разумными соображениями доказать им вашу правоту.

Умелый и опытный адвокат всегда различит среди присяжных заседателей того, которому подчиняются другие; к нему он и обратит свою речь. Ему нетрудно будет убедиться и в том, произвели ли его слова известное впечатление, или нет. Если это удалось, нет нужды особенно заботиться о прочих, разве бы между ними нашлись люди, заранее предубежденные. Если такие есть в составе присяжных, необходимо разобрать эти предвзятые мнения и, если можно, рассеять их; иначе один или двое разумных присяжных окажутся бессильными справиться с предубеждениями остальных. Ум и предубеждение — это две силы, действию которых более всего поддаются присяжные. Если у них нет предвзятых мнений, вы выиграете дело, убедив умнейшего. Если этого нельзя сделать, попытайтесь склонить в свою сторону слабейших, ибо, если это удастся вам, вы не проиграете. Когда козыри вышли, и двойки и тройки могут брать взятки, а вы имеете такое же право выиграть дело голосом совершенного невежды, как глубокого философа. Присяжные вас слушают; вы вольны пользоваться любым честным и законным доводом, чтобы обратить их в ваших союзников, представив им дело в том виде, который наиболее подходит к их взглядам и настроению. Тот, кто прямо просит их жалости, — плохой адвокат; а кто изображает им факты так, что вызывает в них сожаление к своему клиенту, тот — настоящий оратор. Этот знает людей, тот — нет. Одному вы сочувствуете, другого презираете.

Если вы хотите, чтобы вас понимали и ценили присяжные, как общего, так особого состава (при известных условиях, преимущественно в гражданских процессах, стороны имеют право требовать, чтобы дело было рассмотрено присяжными с повышенным цензом), остерегайтесь говорить красно; это большая ошибка. Высокий слог не к месту в рядовом гражданском споре и вообще никогда (разве перед лицом романтической девы) не достигает той силы и убедительности, которые даются правильным выбором обыденных слов. Он так же далек от естественности, как пестрый наряд акробата, и также малопригоден для будничной деловой

работы. Часто приходится слышать адвокатов, которые облачают свои мысли в непонятные фразы, похожие более на истерические писания дамской литературы, чем на здравый язык мужа и сведущего юриста. Дельный и талантливый человек должен много работать и пройти долгий искус, прежде чем решиться украшать свою речь узорами риторики; самый талантливый, законченный оратор будет пользоваться ими лишь в ограниченном количестве; обилие риторических фигур, как и простое многословие, скорее затемняет смысл речи, чем поясняет его. Более всего следует остерегаться искусственности: она раздражает всякого слушателя, и нельзя не испытывать некоторого пренебрежения к тем, кто прибегает к ней. Аффектация есть признак слабости даже в сильных умах, и хотя ее иногда терпят в умных людях, ею никто не восхищается; в устах людей заурядных она вызывает просто презрение.

В суде, за исключением лишь редких случаев, высшие дары ораторского искусства представляют неуместную роскошь; судебный спор ведется в ограниченных пределах, идет проторенными путями; их и следует держаться; в числе этих путей красноречия нет; другими словами, следует избегать того, что принято называть красноречием. На что был бы похож адвокат, который вздумал бы подражать бурным размахам Берка или Шеридана в деле о столкновении двух уличных повозок? Не в каждом процессе решаются судьбы империи; можно защищать великобританского карманника и вести защиту в самых широких границах, не подвергая жестоким нападкам британскую конституцию. Строго говоря, от адвоката требуется только, чтобы он толково и просто изложил присяжным обстоятельства дела. Чем меньше слов, тем лучше, и чем меньше рассуждений, тем больше шансов, что они отнесутся с доверием к вашему требованию. Как могут они сделать это, когда вы торопитесь представлять доказательства, прежде чем ваш противник успел возразить вам хотя единым словом? Иной раз адвокат уже во вступительной речи заявляет присяжным, что истец держался правой стороны, и он докажет им, что иначе и быть не могло, потому что и т. д. и т. д.; как будто ему на каждом шагу приходится сталкиваться с невероятностями, опровергающими его домогательства. Нельзя придумать худшего вступления; оно с самого начала бросает тень сомнения на собственный рассказ оратора. Я сейчас едва не сделал той же ошибки, сказав, что, если кто сомневается в этом, пусть пойдет послушать, что говорят в Вестминстерском уде; но это слишком грубый промах, чтобы доле останавливаться на нем.

Главное основание доверия присяжных к вашим заявлениям до возражений противной стороны заключается в том, что ваши свидетели подтверждают их своей присягой. Если противник представит факты, опровергающие ваши требования, тогда очередь за вашей аргументацией, и доводы ваши сохраняют интерес новизны, который утратили бы, если бы присяжные уже знали их; они не будут похожи на лезвие ножа, притупившееся от резьбы на показ; когда нет зерна, мельник останавливает мельницу.

Другое преимущество оратора, не высказывающего своих доводов преждевременно, заключается в том, что его противник лишен возможности обратить его соображения против него самого или подогнать свою аргументацию к вашим теориям. Другими словами, следует уяснить себе игру противника, прежде чем открывать ему свои лучшие карты.

Я старался остановить внимание начинающих на этом указании, хотя бы ценой повторения, потому что считаю его в высшей степени важным. Слабой и неосмотрительной вступительной речью можно заранее погубить и прочное дело.

Первое, что надо сделать вступительной речью, это внушить присяжным твердое убеждение в том, по крайней мере, что вы уверены в своей правоте. Это может показаться столь очевидной азбучной истиной, что о ней нечего говорить; всякий адвокат, конечно, понимает это. Мы все знаем или думаем, что знаем это. Очень молодой человек скажет: «Конечно, присяжные должны видеть, что вы считаете свое дело правым. Кто же не знает этого?» — Так. Но я говорю не о том, что это надо знать, а совсем о другом: о том, чтобы присяжные были убеждены в этом. Знание — превосходная вещь: но само по себе оно может быть совершенно бесполезным, как скажет вам хороший игрок в крикет. Знания у всех бывает много, и, говоря вообще, чем моложе человек, тем больше он знает. Но мне приходилось встречать адвокатов, которые держали себя на суде так, как будто сами нимало не верили в свое дело. Слова и тон их были недостаточно серьезны: это гибельная ошибка. Ничто так не раздражает присяжных, как неуместная игривость в выражениях адвоката. Едва ли нужно пояснять, что такая развязная игривость в словах ничего общего не имеет с юмором, под видом коего ее нередко подносят присяжным. Юмор, когда он к стати, есть одно из самых вкрадчивых свойств речи; он может быть уместен почти во всяком деле и составляет одну из самых привлекательных и полезных способностей адвоката. Но надо обладать настоящим даром, а не дрянной подделкой; между тем и другим не меньше разницы, чем между веселым смехом человека и ослабленной мордой уличной собаки.

Существует еще немаловажная ошибка в адвокатском искусстве: это постоянное забегание навстречу противнику. Эта такой же промах, как приведение доводов в подкрепление ваших утверждений, прежде чем против них сделаны возражения, но, может быть, еще более

опасный. Некоторые адвокаты считают правильным предсказывать доводы защиты и сразу разбивать их. Это было бы, несомненно, превосходной тактикой, если бы она была выполнима; но не всякому дано быть Давидом и сразу вывести противника из строя. Нынешние судебные порядки не допускают этого: приходится поступаться легкой победой в пользу правосудия, сразиться с противником на разных условиях: он имеет право построить свое возражение так, как ему выгоднее; ваша задача — разбить его, если можно. Если даже вы заранее в точности знаете намеченную им систему, все-таки не всегда благоразумно сойтись с ним на полпути. Но в девяноста девяти случаях из ста вы не знаете, каким образом поведет он дело, хотя, может быть, и знаете, в чем будет заключаться сущность его возражения. После его ответа, когда он уже высказал свои доводы, вы знаете его систему в точности, и если вы все-таки не в силах разбить его теперь, то нет сомнения, что и раньше не могли бы сделать этого. Не бросайтесь на противника, пока он не перескочит через яму; не то может случиться, что вы окажетесь в очень неприятном положении на полдороги.

Часто приходится слышать, как молодой (а иной раз и немолодой) адвокат заявляет, что он «отказывается представить себе, что может возразить против иска его почтении противник», — что «это, г-да присяжные заседатели, поистине безнадежный иск». А между тем часто, и даже большей частью, за этими заявлениями следует вердикт в пользу почтенного противника, защищавшего безнадежное дело. Нельзя представить себе ничего менее искусного и менее целесообразного, чем такие преждевременные выпады на противника. Эти заявления хуже чем бесполезны. Они не входят в число необходимых частей вступительной речи; не составляют доказательств; не придают большей силы основному положению, и они неверны. Они не производят впечатления ни на судью, ни на присяжных; но зато бывает, что поверенный, не умевший воздержаться от них, оказывается в самом жалком положении. Если у почтенного противника действительно безнадежное дело, ему не скрыть этого и без ваших напоминаний; а если против иска есть серьезные возражения, они не исчезнут от того, что вы скажете, что их нет. Это только устарелая уловка прежней, ныне уже почти вымершей школы. Адвокат, прибегающий к такому приему, выказывает ни на чем не основанную притязательность и непозволительную самонадеянность: он как бы присваивает себе роль судьи и присяжного в своем собственном деле и, мало того, как бы хочет отнять у своего противника право возражать на предъявленные к нему требования.

Я не стал бы говорить больше о вреде громких фраз, если бы это не было одной из обычных и худших ошибок молодых адвокатов. Всякому, конечно, приятно бывает проветрить перед публикой свой ораторский талант, но в этом, как и в проветривании других вещей, есть и нехорошая сторона: делаются заметными прорехи. Вообще говоря, чем меньше слов, тем лучше речь. Все, что говорится не для того, чтобы выразить определенные мысли, лишнее, и, если уже допускаются такие ненужные слова, они должны быть отборного качества: не служа существу речи, они могут служить ее достоинству или украшению. Скажут, пожалуй, что сухая речь не может быть прекрасной речью. Возможно, что это так; я не отрицаю, что цветы красноречия придают известную привлекательность как оратору, так и его речи. Несомненно, что каждому следует упражняться в таких украшениях речи и пользоваться ими, когда он вполне их усвоит, но не раньше. Но напыщенность слога есть не красота, а уродство, и единственное упражнение в этом направлении заключается в том, чтобы раз и навсегда отказаться от такого слога. Бедность языка — одно, тщательный подбор слов — другое, и величайшая бедность языка может совмещаться с величайшей напыщенностью слога. Приходится часто слышать адвокатов, которые говорят не менее получаса, не высказав ни единой мысли: они напоминают те мутные ручьи, которые после наводнения растекаются по всем направлениям, не находя ни входа, ни выхода, ползут, громко шумят безо всякого толку и нигде не могут остановиться.

Никто, конечно, не скажет, что надо забыть об украшении речи. Напротив того, ими надо пользоваться самым тщательным образом, но так, чтобы за украшениями не стало незаметным то, что они должны сделать лишь более привлекательным. Впрочем, большинство наших ораторов едва ли может заслужить упрек в злоупотреблении цветами красноречия. Мне никогда не приходилось замечать у нас особого изобилия стилистических красот. Но и алмазы, как бы ни были они редки и ценны, не всегда бывают к месту, чтобы украсить человека или вещь.

Одно из самых целесообразных украшений речи — это примеры, употребляемые в умеренном количестве. Это риторический прием настолько сильный, что истина и логика нередко уступают ему. Человеческий ум подчиняется обаянию блестящего сравнения и ради правдивости самого образа готов признать верным и рассуждение, им поясняемое. Но во вступительной речи примеров не должно быть вовсе. Факты, одни факты составляют силу вступительной речи. Впрочем, впоследствии, когда я буду говорить о примерах, я постараюсь показать, каким образом можно в случае надобности, развивать факты пояснениями, сопоставлениями и усилением.

Главное достоинство вступительной речи заключается в группировке и последовательности фактов. Без этого не может быть хорошего вступления. Поэтому не следует

жалеть времени на выписки из дела и обработку их с целью представить дело присяжным в хронологическом порядке. Блестящим образцом группировки фактов — и, надо сказать, одним из лучших в наших судебных летописях — может служить вступительная речь обвинителя в громком процессе отравителя Пальмера, о котором я буду говорить ниже.

Могут сказать: никто не сомневается в том, что последовательное изложение и группировка фактов необходимы для хорошей вступительной речи. Это так. Несомненно, что почти всякий это знает, и никто против этого не спорит; но многие наши адвокаты говорят так, как будто не знают этого; они не только пренебрегают последовательностью изложения, системой и группировкой фактов, и при этом путают имена и числа, сбивая с толку судей и присяжных, губя своих клиентов. Вот почему я считаю нелишним настаивать на том, что необходимо величайшее внимание в последовательности времени и фактов и в сопоставлении причин и следствий. Каждое положение должно быть выставлено перед слушателями с такой же отчетливостью, как если бы факты были самым тщательным образом вычерчены на бумаге. Каждый последовательный ряд фактов должен быть изложен в самом строгом порядке; и если в речь входят несколько рядов фактов, имеющих самостоятельное значение, но оказавших влияние и на главное событие драмы, они должны быть приведены в своем естественном порядке и последовательности, прежде чем будет указано, что они сосредоточиваются на одной общей цели. В самых сложных и запутанных обстоятельствах не должно быть неясного. В том и заключается задача адвоката и искусство судебной речи, чтобы отделить факты один от другого и выяснить их взаимное отношение, зависимость и влияние на главное событие. Все, что не относится к делу, должно быть старательно устранено, и это далеко не так просто сделать, как кажется; это достигается только внимательным изучением дела и вдумчивой работой.

Не имеющим отношения к существу спора следует считать все то, что примешивается к обстоятельствам дела, не находясь с ним в естественной связи и не оказывая влияния на его исход. В деле всегда бывают такие факты, которые в известном смысле могут быть названы не имеющими к нему отношения, но на самом деле имеют известное значение; например, в делах о ложном доносе бывают случаи, когда следует принимать во внимание обстоятельства или разговоры, послужившие поводом к возбуждению уголовного преследования. То же бывает в делах о клевете в печати и вообще в большей части тех дел, где умысел определенного лица составляет основной предмет спора или один из существенных его элементов.

В чем заключается спор и от каких данных будет зависеть его решение? Уясните себе это, и можно почти сказать, что доказательства сами собой расположатся в естественном порядке. К сожалению, во многих процессах то, что должно было прежде всего быть установлено в голове адвоката, остается до конца не вполне ему ясным.

Возьмем для примера несколько исковых дел. А. хочет восстановить в законной силе утерянное завещание. Он утверждает, что оно было составлено и подписано в определенный день, пять лет тому назад, и воля завещателя с тех пор не изменялась. Ответчик возражает, что завещание было составлено без соблюдения законных условий, что завещатель не был в здравом уме и твердой памяти; что оно было впоследствии уничтожено завещателем, бывшем в здравом уме и твердой памяти, так как воля его изменилась, и что истец не имеет права на участие в наследстве. Ясно, что в деле есть несколько спорных вопросов, но для поверенного истца может быть ясно и то, что весь спор может в конце концов быть сведен к вопросу о том, видел ли определенный свидетель оспариваемое завещание в определенное время или нет. Ответ на этот вопрос может зависеть не от памяти свидетеля, а от достоверности его показания. При таких условиях решение дела будет зависеть всецело от того, следует ли верить этому свидетелю или нет. Может быть доказано с несомненностью, что завещание было составлено, что до известного времени завещатель был психически здоров; содержание завещания может быть установлено надлежащей копией или каким-нибудь иным путем; может не быть спора о том, что завещание было или не было уничтожено завещателем до известного момента; равно как и о том, что с известного времени завещатель уже потерял дееспособность; тогда спор сведется к вопросу о том, существовало ли завещание в промежуток времени между двумя определенными моментами, а это будет зависеть от показания свидетеля, видевшего оспариваемый документ в течение этого времени. Поверят присяжные этому свидетелю, — решение будет в пользу истца; не поверят — в пользу ответчика.

Понятно, что было бы потерей времени останавливаться подробно на таких фактах, которые должны быть установлены с несомненностью при проверке доказательств. Факты эти должны, разумеется, быть указаны с надлежащей точностью и сжатостью; распространяться же о них значило бы только напрасно утомлять присяжных и отвлекать их внимание от настоящего предмета исследования. Надо в сущности сделать одно: убедить их в достоверности показания вашего свидетеля; если они усомнятся в его правдивости, вы проиграли дело; поэтому вам необходимо оградить его от нападения вашего противника, который направит все свое искусство к тому, чтобы подорвать это показание. Он будет знать, что в этом ключ вашей позиции. Но как

подкрепить показание свидетелей? Если нет доказательств его правдивости, не приходится ли ограничиться его собственными словами? никоим образом. Сотня отдельных эпизодов в его рассказе может быть подтверждаема показаниями других свидетелей, а это будет подтверждением его правдивости. Надо искать таких подкреплений свидетельства, когда других нет, и, если вам удастся доказать, что в общем его показание подтверждается объяснениями других надежных свидетелей в таких подробностях, которые ни сам он, ни те не считали существенными, если вы докажете, что сам по себе его рассказ не представляет каких-либо противоречий и не расходится с вероятными обстоятельствами дела, вы можете быть уверены, что вердикт будет в вашу пользу.

Здесь, может быть, уместно обратить ваше внимание на безусловную необходимость тщательного допроса ваших свидетелей. Если это будет сделано неловко и бессвязно, свидетель передаст лишь часть своего рассказа; те самые вероятности, о которых я говорил, обратятся в невероятности, и его показание окажется не подкрепленным, а подорванным. Из приведенного примера видно также, как велико участие рассудка в вопросах этого рода. Присяжные не станут ни верить, ни не доверять свидетелю без достаточных оснований. Вы должны поэтому озаботиться не только тем, чтобы каждый факт, могущий войти в основание соображения, подтверждающего ваше толкование дела, был удостоверен свидетелем при его допросе, но и тем, чтобы сохранить этот факт в своей памяти и своевременно указать на него присяжным, которые должны иметь его в виду при решении дела.

Можно, кстати, заметить, что существует способ повлиять на ум присяжных, нисколько не подавая виду об этом, и это способ самый успешный из всех. Все люди более или менее склонны к сомнению, и каждый считает себя умным человеком. Каждый любит разобраться в деле собственными силами; всякому приятнее самому найти ответ загадке, чем узнать ее от других, приятно думать, что он не хуже всякого другого умеет видеть под землей.

Во многих случаях присяжные лучше понимают дело, чем судья или адвокат, и иногда выносят правильное решение по соображению, ускользнувшему от судьи и остающемуся неизвестным до конца. Самый опытный адвокат иной раз не в силах объяснить вердикт, основанный на здравых и справедливых соображениях; ни он, ни его противник не сумели указать их присяжным; они сами нашли в житейской оценке фактов, на которые смотрели не как законники, а как простые обыватели. Когда вы хотите произвести особенно сильное впечатление на присяжных каким-нибудь соображением, не договаривайте его до конца, если только можете достигнуть цели намеком; предоставьте присяжным самим сделать конечный вывод. Будьте только вполне уверены, что они сделают его; вы можете ошибиться в расчете на их проницательность, если будете говорить слишком тонко и умно; это гораздо хуже, чем говорить недостаточно тонко.

Загадочность есть превосходное покрывало для всякого обстоятельства, особенно если вы предоставите самим присяжным развернуть его. Возьмем случай таинственного исчезновения завещания в промежуток времени между двумя определенными моментами. Если вы хотите показать, что оно, по всем вероятностям, было скрыто известным лицом А. В., не бывшим наследником по этому завещанию и заинтересованным в его уничтожении, вы можете ограничиться доказательством того, что в деле нет данных, разъясняющих факт исчезновения документа; что племянница завещателя, заинтересованная в его сохранении, была единственной обитательницей дома в указанный промежуток времени. Если затем вам удастся доказать, что А. В. хотя бы на единую минуту заходил в дом, присяжные неизбежно придут к заключению, без прямого на то указания с вашей стороны, что А. В. уничтожил завещание, и самые незначительные улики будут достаточны для того, чтобы они признали, что завещание не было уничтожено завещателем. Присяжные сами сделают все нужные вам выводы.

Это не адвокатский «фокус»; если бы это было недобросовестной уловкой, я предпочел бы вовсе не упоминать о ней. Такие уловки — прием плохих адвокатов, и худшее или лучшее в них заключается в том, что они никогда не достигают цели. Присяжные сразу видят их; они вредят делу, вместо того чтобы служить ему, как объявления врача-шарлатана, выдающие его обманы.

Какая может быть польза от попыток ослабить положение противника такими словами, как: «Г-да присяжные! Я не говорю, что подсудимый получил эти вещи посредством обмана, но утверждаю, что образ действий его не может казаться вам похвальным». Эта уловка, правда, очень жалкая; но всякая другая уловка показалась бы такой же, если бы я написал ее на бумаге. Вот вам другая: «Я не придаю большого значения такому-то образу действий или тому, что подсудимый сделал или сказал то-то и то-то. Я только мимоходом указываю на это». В таких уловках нет ничего похожего на искусство; они недостойны настоящего оратора. Это не есть правда, это не слова прямого человека; а если у вас нет ни правды, ни искренности, вы, даже обладая внешними качествами речи, не достигните высшего ее искусства. Правда и искренность составляют основные достоинства и прелесть красноречия; в них источник силы, увлекающей и

подчиняющей слушателей. Я вовсе не хочу сказать, что здравая мысль и неопровержимое рассуждение не могут быть переданы двумя различными способами. Даже правда и искренность в устах неразвитого и неискусного человека могут казаться оскорбительными, и не только казаться, но и быть такими. Поэтому, если вы хотите иметь успех у ваших слушателей, искусство должно помочь правде и здравому смыслу; одна и та же мысль, одна и та же истина может быть передана и грубым, и изящным языком. Нечего пояснять, в котором из двух она покажется более убедительной; но уловки, о которых я упоминал, представляют нечто отличное от того и другого и пригодны скорее для фокусника на балаганах, чем для адвоката на суде.

Гримасы лица очень близко подходят к телесному кривлянию, и нельзя не скорбеть о том, что они еще не вывелись в наше утонченно-воспитанное время. Некоторые адвокаты обращаются к присяжным с таким искаженным лицом, как будто принятая ими на себя тяжелая задача причиняет им физическую боль. Другие стараются изобразить на своем лице величайшее презрение, гнев или насмешку. Но не всякому дано выражать свои чувства одним взглядом. Выражение лица есть отражение чувств человека; он не властен придать себе естественное выражение, если оно не явилось естественным путем, так же, как нельзя придать живую улыбку лицу резиновой куклы. Только ценой долгого упражнения и вдумчивой работы достается ваятелю слабая передача наших чувств в мраморе. Ясно, что мы не обладаем умением в каждую данную минуту приводить в движение те именно мускулы, которые нужны, чтобы изобразить на своем лице известное выражение. Всякие попытки к этому не только смешны, но просто бессмысленны. Я видел однажды, как адвокат сделал негодующее лицо, а у присяжных рот расплылся в улыбку до самых ушей. Он хотел играть, не будучи актером, и не сумел. Он, если можно так выразиться, дернул не за те мускулы и неожиданно для себя оказался шутком.

Случается часто, что бранят фотографа за отсутствие сходства, тогда как вина лежит на том, кого он снимал и который хотел выйти ученым, интересным, грозным, вообще не тем, что он есть. Неужели вы думаете, что можно просунуть голову в дыру полотна картины и быть собственным портретом? Я думаю — нельзя. Люди по большей части столь плохие актеры, что не умеют подражать даже самим себе, когда хотят этого. Я видал другого адвоката, опускавшего голову и склонявшегося в сторону присяжных тем движением, которое, вероятно, внушило Диккенсу обозначение «присяжного изгиба», а потом выворачивал глаза кверху, чтобы наблюдать за произведенным эффектом; все это должно было обозначать пафос. Но это не вышло: остался дрянной актер перед насмешливыми зрителями. Игра, заметная для окружающих, плохая игра. Заметная игра на суде, пожалуй, хуже всякой другой плохой игры. Как только у присяжных явится подозрение, что их хотят провести, все их доверие пропадет и они не станут слушать самых убедительных ваших соображений; самое здоровое и правдоподобное из ваших рассуждений будет казаться им лишь самым лживым.

Если вы говорите с убеждением, — а так должен говорить адвокат в каждом деле, — на чертах вашего лица безо всякого усилия с вашей стороны отразятся все те чувства, для передачи коих они призваны самой природой. И вы можете быть уверены, что, если не будете заниматься искусственной мимикой, вы никогда не дернете не за тот мускул.

Не менее важно предупредить начинающего адвоката от очень распространенной и заманчивой ошибки — от подражания. У всякого истинного адвоката есть своя манера, своя индивидуальность, которые потеряли бы всю свою привлекательность от попытки слить их с чужой личностью. Подражать манере законченного мастера все равно, что одеть на человека низкого роста кафтан высокого человека. Как бы ни был он хорошо сшит на последнего, он будет казаться шутовским нарядом на первом. Манера человека есть в такой же мере прирожденное его свойство, как и умственные способности. Не следует также упускать из виду, что подражатели в большинстве случаев усваивают себе недостатки, а не достоинства тех, кому подражают. Аффектация в речи, неестественные манеры — вот что большей частью привлекает внимание подражателя. Помимо этого, всякое подражание плохо само по себе. Оно обыкновенно представляет из себя нечто грубое и бывает не многим лучше балаганного изображения оригинала. Как бы искусно оно ни было, всегда бывает видно, что заимствованные черты — чужие, а не собственные.

Из этого, конечно, не следует, что не должно тщательно изучать образцовых адвокатов; надо остерегаться рабской копировки, а не старательного подражания изяществу и превосходству лучших. Спокойное, ровное обращение, непринужденная любезность и предупредительность, умеренное красноречие, порядок и построение речей, умелые и тонкие приемы допроса свидетелей, независимость и смелость — все это заслуживает самого внимательного изучения. Подражайте этому, если можете. Но, где только можете что-либо преувеличенное в приемах адвоката, хотя бы оно и казалось в высшей степени привлекательным у того, кому свойственны такие приемы, ни на минуту не поддавайтесь искушению подражать им. Подражатель есть уже в силу вещей человек второго или третьего юрта, а большей частью и того хуже. В лучшем случае он играет незавидную роль, и самое искусное подражание может быть

поставлено ему лишь в самую незначительную заслугу.

Во вступительной речи сдержанность сильнее преувеличения. Последнее есть слабость. При самом надежном положении обвинителя в процессе вступительная речь не может заключать в себе доказательств. Ваша задача — изложить существо (несколько больше, чем простой набросок) того, что вы собираетесь доказать. Это надо сделать так, чтобы, когда затем улики, являющиеся на судебном следствии обыкновенно в отрывочных и часто далеко разбросанных частях, будут одна за другой представляться присяжным, последние могли видеть связь каждой из них со всеми предыдущими, а затем и со всем судебным материалом и оценить их значение. Ниже я укажу пример, который представляется мне лучшим образцом вступительной речи нашего времени; я не думаю даже, чтобы можно было превзойти его. Но никогда не упускайте существенных положений во вступительной речи, потому что каждое из них в большинстве случаев будет принято присяжными в той форме, в какой вы хотите внушить им его, и они будут смотреть на него почти как на доказательство, прежде даже, чем оно будет подтверждено уликами. Когда явятся и последние, они часто найдут подкрепление в том, что было сказано раньше. Хотя самые факты не изменятся и не станут крупнее, впечатление от них в представлении присяжных будет сильнее.

Предположим, что у вас есть известное число свидетелей, могущих удостоверить ряд отдельных фактов, на первый взгляд не имеющих между собой связи, но имеющих тем не менее прямое или косвенное отношение к основному предмету спора. Эти свидетели представляют многочисленные эпизоды, происходившие в разное время в различных местах, но тяготеющие к одному общему центру, подтверждающие и дополняющие друг друга, подготавливая главное событие всего дела и неизбежно ведя к нему. Очевидно, что при таких условиях, если вы хотите, чтобы ваша вступительная речь представляла ясный рассказ, вы должны представить каждый отдельный ряд фактов в законченном виде, начав в большинстве случаев с более ранних по времени. Они должны стать наглядными и понятными для присяжных только как факты; не следует указывать на их отношение к главному вопросу дела, пока другие разветвления предмета не станут столь же понятны для присяжных. Если это будет сделано слишком рано, эффект пропадет; будет нарушена последовательность рассказа, и присяжные утратят ясное представление о фактах; надо изложить первый ряд фактов и затем оставить их готовыми, чтобы в нужное время вставить их в соответствующее место. Второй ряд, за ним третий и все другие будут следовать в надлежащем порядке, пока наконец весь ваш материал не будет приготовлен к тому, чтобы возвести его в задуманное вами построение.

Присяжные, у которых перед глазами таким образом прошли отдельные части вашего рассказа, будут без труда различать положение каждой из них в общем изложении, равно как и взаимные их отношения.

Едва ли нужно говорить, что, если вы слишком удлините какой-нибудь отдел по сравнению с остальными, он займет слишком много места в речи и нарушит ее общую симметрию. Не следует также украшать вступление излишним красноречием, подобно тому как убирают цветными лентами быка, которого ведут на убой; не должно и засорять его предубеждениями, которые одинаково вредны как в надежном, так и в слабом деле. Адвокат не должен внушать слушателям предубеждения; напротив, должен предостерегать их от таких попыток. Старайтесь только изложить ваше вступление правдиво и естественно. Если не будет этого, вступление не достигнет цели; если будет больше этого, не достигнут цели доказательства.

Умеренность есть сила. Это несколько похоже на пропись в ученической тетрадке, но это все-таки полезно запомнить. «Ваше вступление,— сказал один блестящий ад-пократ своему противнику,— было превосходно; оно было сочетанием сдержанности с поразительной силой». Сила-то и заключалась именно в сдержанности. В этом деле было множество фактов и были различные группы фактов; но при этом, если два факта были верны, все остальное также становилось несомненным, потому что эти два обстоятельства находились в таком отношении к прочим, что вся цепь событий не могла существовать без них и должна была существовать во всей целостности, коль скоро они занимали в ней положение, указанное оратором. Здесь можно, кстати, заметить, что сдержанность тона так же необходима, как и сдержанность языка. Она дает оратору возможность проявить самое привлекательное из всех качеств ораторского искусства — модулирование. Это — музыка речи: о ней мало заботятся в суде, да и где бы то ни было, за исключением сцены; но это неоценимое свойство публичной речи, и его следовало бы развивать самым тщательным образом. У нас еще есть немногие ораторы, обладающие этим чарующим умением в совершенстве, и те, кому приходилось слышать их, не станут спорить со мной.

Есть другая ошибка, о которой так же полезно предостеречь начинающего, как от слишком громкой речи, это — слишком мягкая речь. Говори смело, друг! Не мямли и не тяни слова, как будто продаешь тесемку по аршинам и не уверен, что хватит товару. Тот, кто рычит, еще может выработать из себя что-нибудь пригодное для судебной работы: но если вы обладаете неслышным голосом, из вас ничего не выйдет. Как тяжело бывает смотреть на мучительное

выражение лица присяжного, который, приставив ладонь к уху и раскрыв рот (как будто в надежде уловить что-нибудь этим путем), напрягает все свои силы, чтобы разобрать, о чем говорит адвокат. Неслышная речь бывает иногда следствием неуверенности в себе: с этим можно справиться посредством настойчивого упражнения; но сомнительно, чтобы робкому человеку пришлось часто упражняться на суде. Существуют, впрочем, такие места, где он волен упражняться сколько угодно: существуют морские берега и широкие поляны.

Но самое трудное и, может быть, самое полезное место для упражнения голоса — это пустая комната. Чтобы обращаться вслух к самому себе, нужна не только энергия, но и храбрость. Вам приходится бороться с сознанием своего смешного, почти глупого положения, которого нельзя не понимать; приходится прислушиваться к звукам собственного голоса, а эти звуки обыкновенно кажутся какими-то укорами, если только вы не одарены очень высоким представлением о самом себе; случается, что неудержимый порыв бурного красноречия, как воздушный шар, уносит вас под облака, но вдруг ослабевает, и вы летите вниз и, как ни стараетесь, не можете отделаться от мысли, что представляете собой явление, ни с чем не сообразное. Но именно эта мысль и ощущение, связанное с пониманием своего нелепого положения, с сознанием полной бессмысленности действий человека, рассуждающего вслух перед самим собой,— все это и делает подобное упражнение в высшей степени полезным; тот, кто сумеет справиться с самим собой наедине, легко сделает это перед слушателями. Кроме того, он приучится следить за своей речью и относиться к ней критически; это — огромное преимущество; наконец, если вы сколько-нибудь способны модулировать голосом, вы имеете возможность упражняться в этом среди полной тишины. Это лучшая обстановка для того, чтобы испытать гибкость своего голоса и приучиться им управлять.

Нет никакого сомнения, что у нас обращают слишком мало внимания на эту сторону адвокатского искусства. Очень многие, по-видимому, склонны думать, что все люди рождаются с прекрасным гибким голосом, со сладким даром красноречия и с готовым умением пользоваться тем и другим в совершенстве. На самом деле звучный голос есть одно из самых редких человеческих свойств, требующее искусственного развития, чтобы достигнуть совершенства. Насколько же важнее упражнение для тех, чей голос не отличается ни полнотой, ни подчас приятностью!

Всякий шарманщик старается запастись по возможности лучшей шарманкой: он знает, что больше заработает с ней; на суде мы пользуемся голосом тоже для успеха; немо, что следует сделать его возможно приятным для слушателей и дать ему наибольшее развитие.

Нелишним может быть упомянуть в заключение этой главы, что во вступительной речи никогда не следует говорить быстро. Излишняя торопливость речи есть сравнительно редкий недостаток, но все-таки многие адвокаты говорят слишком скоро и вследствие этого успевают высказать слишком мало. Только привычные ораторы умеют говорить законченными фразами; но даже за их неторопливой речью присяжным нелегко следить; каково же им слушать и понимать человека, говорящего с невероятной быстротой и не умеющего высказать ни единой мысли в законченном виде? Это представляется мне похожим на игру в «зайца и гончих» в потемках или на полицейский ключ «к делу»; при таких условиях редко приходится быть на верном следу. «Ничего не разберешь,— говорит один присяжный, прослушав весьма развязного юного адвоката,— чересчур скоро говорит». «В чем же иск?» — недоумевает другой. «Он за истца или за ответчика?» — спрашивает третий. Тому, кто не способен к более толковому изложению своих требований, лучше вовсе не произносить вступительной речи: он может только повредить своему клиенту.

Медленно, верно и коротко — вот хороший девиз для молодых адвокатов. Длинное вступление утомительно и бесцельно; его продолжительность создается повторениями. Я не говорю о тех, кто умеет говорить без конца или кончить в любую минуту; я имею в виду не столько продолжительность времени, сколько пустословие. Речь может быть сказана в двадцать минут и быть очень длинной; может длиться шесть часов и быть необыкновенно сжатой. Вступительная речь по обвинению Артура Ортона в ложных показаниях под присягой (дело Тичборн) продолжалась несколько дней, и тем не менее это образец точного, стройного и сжатого изложения.

Короткая речь сильнее длинной. Когда присяжные начинают барабанить пальцами, вы можете быть уверены, что уже говорили дольше, чем следовало, и каждое новое слово может оказаться не только утомительным для них, но и опасным для вашего доверителя. Поэтому, считаясь с необходимостью некоторого изящества речи, без которого она могла бы показаться слишком сухой, имейте в виду, что чем меньше слов, тем лучше. Это вовсе не значит, что вы должны говорить телеграфным слогом, но следует отучиться от многословия; слог речи выигрывает и в силе, и в отделке, и в стройной красоте.

Присяжным нет никакого дела до самообольщений адвоката; им нужны факты дела, и именно потому, что им ничего другого не нужно, вы должны изложить перед ними факты в таком

виде, чтобы они не только запечатлелись у них в памяти, но и были поняты ими согласно с нашим толкованием и интересами вашего клиента.

Другая опасная ошибка — это неумелые попытки к пафосу; они почти всегда вызывают смех. Плачущий адвокат и смеющиеся судьи — это сцена, пригодная для шутовского представления, а не для суда. Умение волновать чувства слушателей есть высший и самый редкий дар природы оратору. Оно столь высоко, что его можно назвать самым красноречием. Но эта власть над сердцами не достигается упражнением; ее нельзя приобрести, как нельзя по желанию вызвать в себе истинный пафос. Оратор может плакать, но это не пафос; он может качать головой, воздевать к небу руки и глаза, может делать все что угодно, чтобы представиться взволнованным, и все-таки не тронет слушателей. К счастью, этот высший дар редко бывает нужен на трибуне суда; напротив того, тот, кто обладает силой пафоса, должен скорее сдерживать, чем поощрять ее в себе. Пытаться действовать на чувства, не имея этой власти, значит признавать себя обманщиком и показывать, что вы были бы готовы поступить нечестно, если бы могли. Бывают случаи, когда дело, защищаемое адвокатом, затрагивает самые глубокие чувства человеческой природы. Тогда, если вам дана :>та власть, вы имеете право пользоваться ею как благородным оружием в защиту угнетаемых или обиженных. Но если нет у вас этого высокого дара, берегитесь рассеять пафос фактов жалкой подделкой возвышенных чувств.

В заключение можно заметить, что люди, получившие известность выдающихся ораторов, достигали этого путем огромной работы, неутомимого упражнения и старательного изучения великих художников слова. Может казаться лишним проходить через все эти трудности только для того, чтобы сделаться поверенным по мелким искомым делам; но если принять во внимание, что умение говорить есть верное средство успеха, то надо признать, что ради успеха можно трудиться всю жизнь. Кроме того, надо помнить, что всегда может случиться, что вам предстанет необходимость проявить на деле умение, приобретенное вами упорной работой молодых лет.

ГЛАВА II

Первоначальный допрос

Первоначальный допрос свидетелей есть один из важнейших моментов в процессе. Молодой адвокат, если он обладает отвагой, обыкновенно бросается в дело, вроде того как человек, не умеющий плавать, прыгает в воду. Естественным последствием такого прыжка бывает много напрасных усилий и мило толку. Голова в воде, руки над водой; так далеко не уплывешь! Нервное возбуждение, неизбежно овладевающее им, когда он встает, чтобы говорить перед опытным судьей, глаз которого — микроскоп для его ошибок и который не всегда бывает снисходителен в своих замечаниях, было бы само по себе величайшим затруднением, даже и том случае, если бы начинающий адвокат уже был мастером своего дела. Между тем в большинстве случаев он имеет лишь весьма слабое представление о том, как следует вести допрос. Он сознает вместе с тем, что кругом сидят поди слишком склонные подмечать всякий промах не по недоброжелательству, а просто по привычке. Чем дальше, I см заметнее для него, как много недостает ему в практическом опыте, и тем сильнее его нервное волнение. Трудно представить себе менее завидное положение.

Я не рассчитываю на то, чтобы мои замечания могли вылечить его или дать ему практический опыт; но надеюсь, что некоторые из моих указаний принесут ту пользу, что помогут ему избежать многих ошибок и держаться верного пути, проторенного опытными адвокатами. Необходимо запомнить одно основное соображение: свидетель вызван вами, чтобы передать суду простой и правдивый рассказ о том, что знает; доверие или недоверие присяжных к этому рассказу, а следовательно и их решение, зависят от того, как он будет говорить. Если бы свидетель говорил в кружке друзей или знакомых, его рассказ мог бы оказаться расплывчатым, не слишком точным, но все факты были бы налицо; а это именно то, что всего важнее, если только вы беретесь за чистое дело (другого предположения я, конечно, делать не могу). Мне часто приходилось слышать, как вследствие неумелых вопросов юного адвоката свидетель передавал лишь половину своего рассказа, и притом худшую, так что его старшему товарищу приходилось ловить случай помочь свидетелю досказать нужное уже на дополнительном допросе. Если бы свидетель давал свое показание при упомянутых выше условиях, в частном кружке, все присутствующие понимали бы его без труда, и если бы он был известен за правдивого человека, все бы поверили его словам. Все обошлось бы без содействия адвоката, путающего события и смешивающего дни. Возьмем другую обстановку: мы в суде и тот же человек передает тот же рассказ перед судьей и присяжными. Он уже заранее знает, что ему не дадут говорить просто. Его будут допрашивать; из него будут извлекать то, что он знает, отрывками, по кусочкам, рядом отдельных вопросов; на каждом шагу его почему-то будут перебивать самым бестолковым образом, хуже, чем если бы каждый из присутствующих в зале вздумал по очереди спрашивать его о том, что он должен показать, вместо того чтобы спокойно выслушать, что он скажет сам

(как не узнать в этих строках наши судебные заседания, где прокурор, гражданский истец, защитник и сам председатель то и дело перебивают друг друга во время допроса, извиняются, кланяются и опять вмешиваются в чужие вопросы, не дождавсь очереди). Это несколько напоминает судебно-медицинское вскрытие; разница в том, что свидетель жив и очень чувствительно относится к мучительной операции. Он знает, что каждое слово его будет предметом спора, а иногда и прямого обвинения во лжи. До сих пор, может быть, никто никогда не позволял себе усомниться в его правдивости, а теперь, того и гляди, придется выслушивать намеки на лжесвидетельство под присягой.

Таким приблизительно должно быть состояние духа человека, впервые выступающего свидетелем на суде. Итак, прежде всего, он находится в настроении, менее всего подходящем для допроса: он волнуется, он смущен и растерян. Поставьте перед ним взволнованного, смущенного и растерянного молодого адвоката — и получите худшее из всех сочетаний для выяснения того, что требуется, т. е. улики. Начинается с того, что его, как на экзамене, спрашивают, как его зовут; одно это иногда вызывает ряд недоразумений и приводит свидетеля в удрученное состояние: он видит, что судья удивлен, а иной раз и негодует на то, что он не сумел обзавестись более приятным прозвищем, и даже на то, что у него вообще существует имя, какое ни на есть. Свидетель краснеет, чувствует себя униженным, но считает, что пока отделался еще очень дешево, не получив строгого выговора. Вслед за тем он поворачивается в сторону адвоката и старается угадать, о чем его будут спрашивать.

Лучшее, что может сделать адвокат при таких условиях, это помнить, что свидетель должен рассказать нечто, имеющее значение для дела, и что есть разумное основание рассчитывать, что он выполнит эту задачу весьма удовлетворительно, если только он, адвокат, не помешает ему сделать это так, как ему легче. Следовательно, чем реже его будут перебивать, тем лучше и тем меньше потребуется вопросов. Самое главное — следить за показанием; особенно за тем, чтобы рассказ свидетеля не загромождался посторонними обстоятельствами, не имеющими отношения к делу. Самая обыкновенная ошибка — это показания по слухам: или он сказал кому-нибудь другому, или кто-либо другой сказал ему что-нибудь такое, о чем нельзя показывать на суде; это задерживает рассказ о последовательных событиях. Но свидетель очень волнуется, и надо быть очень осмотрительным в старании устранить его постоянное «он мне говорит: я, говорит...», чтобы окончательно не сбить его с толку. Помогите ему выбраться из чащи и дайте оглядеться; если хотите, смотрите на него, как на слепого, которого надо вывести на дорогу и, повернув в нужную сторону, предоставить ему самому дойти до конца пути.

Самые простые вопросы всего полезнее, для того чтобы извлечь нужные факты из уст свидетеля. Гораздо лучше спросить: а что было потом, чем повторять то, что значится в заметках, переданных вам стряпчим (они называются brief - это частное дознание, произведенное стряпчим — солиситором); эти повторения часто вызывают прямое отрицание со стороны свидетеля. Вопросительное: «Так?», которое, не спрашивая ни о чем определенном, спрашивает обо всем гораздо лучше кудрявых оборотов: «Не припоминаете ли вы, что сказал на это или что после этого сделал подсудимый?» Такой вопрос большей частью приводит свидетеля в недоумение, точно ему задали загадку и хотят, чтобы он признался, что не умеет ее разгадать.

Судьи часто останавливают молодых адвокатов на таких вопросах, как: «Припоминаете ли вы 29-е число прошлого месяца?» Вопрос заключается совсем не в том, помнит ли свидетель определенный день; помнит он или нет, это никакого значения не имеет. Вам нужно, чтобы он удостоверил то, что в этот день происходило, т. е. нужны факты, и если число месяца имеет какое бы то ни было значение для дела, то вопрос предложен в самой худшей для спрашивающего форме. Услышав его, свидетель начинает размышлять о том, помнит он это число или не помнит, и не знает, что сказать. Мы не запоминаем дней. Спросите его, помнит ли он 1 мая 1816 г. (день его рождения), вместо того чтобы спросить, когда он родился. Это одна из самых обыкновенных и вместе с тем самых глупых ошибок, какие только бывают на суде. Поэтому, хотя это и будет повторением, привожу еще один пример. Предположим, что вы спрашиваете свидетеля, помнит ли он 10 июня 1874 г.; по всем вероятностям, он не помнит этого дня; вы оба в одинаковом затруднении и думаете, что ищите разных вещей; спросите, был ли он на Ниагарском водопаде в этом году, — от ответит без колебаний; спросите, в какой день это было, — он скажет: 10 июня. Такими вопросами вы избегаете повода входить в оценку памяти свидетеля; а это всегда рискованный прием, полезный при перекрестном, но не при первоначальном допросе. Забывая об этом и подрывая своими неумелыми вопросами доверие к свидетелю уже с первого его слова, адвокаты наши погубили и будут еще губить немало верных дел. Если, окончив свой допрос, вы оставите свидетеля в смущенном и растерянном состоянии, вашему противнику останется только завершить уже сделанное вами, разбить двумя-тремя ловко рассчитанными вопросами все показание вдребезги. Насколько могу судить по личным наблюдениям, у вас в таких случаях остается уверенность, что дело было выиграно, если бы его не погубила непроходимая глупость свидетеля.

Неумелый допрос приносит делу неисчислимый вред; и тем не менее на эту отрасль адвокатского искусства почти не обращают внимания. Всякий думает, что это так просто, что тут промахи невозможны. Я считаю, что это самое трудное, что только есть в адвокатской деятельности; это, во всяком случае, самое важное, потому что свидетельские показания определяют решение дела. Едва ли нужно говорить, что нельзя выказывать раздражения против свидетеля. Если он глуп, ваше недовольство не поможет ему, как не помогут и те резкие замечания, которые так часто приходится слышать на суде. Чем глупее свидетель, тем терпеливее должен быть адвокат. Палка — плохое средство к тому, чтобы заставить хромую собаку перепрыгнуть высокую огородку: притом глупость не всегда бывает на стороне свидетеля. Каждый вопрос, обращенный к свидетелю, должен не только быть понятным и относящимся к делу сам по себе, но и быть предложенным в такой форме, чтобы отношение было понятно допрашиваемому. Не будучи наводящим вопросом, он должен быть скорее напоминанием о событии, чем испытанием памяти свидетеля. Я приведу пример, чтобы показать, как легко сделать ошибку и как важно избежать ее.

К железнодорожному обществу предъявлен иск об убытке за противозаконное лишение свободы. Факты таковы. Пассажир потерял свой билет и отказывается платить за проезд; сторож у выхода пригласил инспектора; тот послал за полицейским и передал ему пассажира для задержания. Чтобы уничтожить всякое значение объяснений истца, следует вести допрос следующим образом:

- У вас спрашивали билет?
- Да.
- Вы предъявили его?
- Нет.
- Почему же?
- Потому что я его потерял.
- Но вы твердо помните, что взяли билет?
- Да.

Вы в этом вполне уверены? (Это очень предупредительно по отношению к вашему противнику: вы бросаете тень сомнения на своего собственного свидетеля.)

Вполне.

А что говорили ответчики? То есть я хочу спросить, что сказал сторож?

Этот вопрос окончательно сбивает с толку свидетеля; он отвечает: «Тут меня и арестовали». Он не сказал и половины того, что должен был удостоверить.

На последний ответ поверенный уже возражает свидетелю — для вящего разъяснения дела:

—Нет, нет; выслушайте меня.

Свидетель поглаживает подбородок с таким видом, как будто его собираются брить. Судья поглядывает на него и думает: врет или не врет? Блестящий поверенный ответчиков улыбается; присяжные переглядываются с догадливым видом и начинают подозревать, что перед ними сутяжное дело, подстроенное недобросовестным стряпчим. Раздается следующий вопрос:

- Когда поезд остановился, вы вышли из вагона?
- Да, сэр; я вышел, когда поезд остановился.
- Спрашивал у вас кто-нибудь ваш билет?
- Спрашивал! — громогласно заявляет свидетель; ему кажется, что допрос наладился.
- Кто спрашивал?
- Я положительно не знаю, кто он такой; я в первый раз в жизни видел его.
- Ну, хорошо. Что же он сделал?
- Да он ничего не делал, сэр.

Свидетель недоумевает; ему представляется, что он забыл какое-нибудь важное обстоятельство, от которого зависит все дело.

Все это кажется столь нелепым на бумаге, что иные читатели, пожалуй, усомнятся в самой возможности подобного допроса. Я могу только сказать, что в наших судах часто бывает еще гораздо хуже, когда молодой адвокат допрашивает так называемых «глупых свидетелей». На суде почему-то всегда кажется, что в глупости виноват тот, кого спрашивают; на бумаге выходит, что на глупость имеет как будто больше прав тот, кто спрашивает.

Я считаю нужным указать по этому поводу одно основное правило допроса своих свидетелей. Отчего правило это не усваивается и не соблюдается, как аксиома, всяким адвокатом с его первых шагов, я не знаю; разве потому, что никогда не было написано на бумаге.

Правило же заключается в том, что при допросе свидетелей необходимо всегда сохранять последовательность времени.

В книжке это кажется очень простым правилом, и всякий скажет: разумеется, это ясно,

как любая из десяти заповедей; и это столь же часто нарушается молодыми адвокатами. Загляните в суд, вы увидите, что события бегут вперегонки, как муравьи по муравейнику. Правило не только не соблюдается, его и признавать не хотят. Правда, главные события обыкновенно излагаются в некотором порядке, потому что судья требует этого для точности своих заметок. Но как это бывает трудно, когда неопытный молодой человек вылавливает здесь одну мелочь, там — другую, примешивает к ним неверные факты и числа, предоставляя судье самому разобраться в них, как картами в пасьянсе!

Свидетель излагает свое показание в естественном порядке (если только ему не мешают), сохраняя в своем рассказе и последовательность времени. Но адвокат неожиданно перебивает его вопросом: «Позвольте, свидетель; одну минуту. Что, собственно, вы сказали, когда заговорили с ответчиком?»

Нить рассказа сразу прервана, память свидетеля с трудом возвращается назад, как раненый солдат к тылу, и нужно некоторое время, чтобы вновь ввести его в линию боя. Это не все. Судья сердится, недоволен (если только может сердиться судья), а присяжные теряют способность следить за ходом рассказа. Если вопрос был существенный, судье приходится менять свои заметки, и в них, вероятно, окажется путаница. Если бы последовательность рассказа не была нарушена, исправления бы не потребовалось; теперь, благодаря несвоевременному вопросу, все последующие события могут получить иную окраску. Кроме того, нарушение этого правила имеет стремление к размножению. Так как вопрос был предложен не вовремя, то судья спрашивает: «Когда это было?» Свидетель путается, старается припомнить и весьма легко может отнести ответ совсем не туда, куда следует; ему напоминают, что этого быть не могло, предлагают быть осторожнее и т. д., к вящему недоумению решительно всех, кроме поверенного ответчиков; последний мысленно благодарит своего противника за неожиданное содействие. Из этого ясно, что каждое событие должно быть помещено в своем естественном месте и каждое существенное обстоятельство и разговор, сопровождавшие это событие, должны быть переданы в связи с ним; таким образом, все исчерпывается по мере хода рассказа. Если вы не сумели сделать этого для вашего клиента, ему было бы лучше обойтись без ваших услуг.

Итак, пусть события будут изложены в той последовательности, в которой они происходили, вместе с разговорами, их сопровождавшими, если эти разговоры имеют значение и могут быть передаваемы свидетелями, и с окружавшими их фактами, хотя бы и незначительными.

Другая слишком обычная ошибка заключается в повторении таких выражений, как: «Не говорите нам, что было сказано, а только, что было сделано», «А он сказал вам что-нибудь? Не говорите, что именно он сказал» (английский процесс допускает только прямые устные доказательства). Присяжные, мало знакомые с правилами о судебных доказательствах, иногда поневоле думают, что поверенный боится, чтобы свидетель не сказал чего-нибудь невыгодного для него, и недоумевают, видя, что адвокат спрашивает, сказал ли кто-нибудь что-то, и тревожно предостерегает свидетеля не говорить, что именно. Скажут, что предостережение было необходимо; это возможно. Но нет нужды заслонять им самый допрос. Не следует шуметь о нем, как будто бы вы хотели поведать всему свету свое глубокое знание правил судопроизводства. В девяноста девяти случаях из ста для всех очевидно, что нечто было сказано; против этого не будет спора, и наводящий вопрос (наводящие вопросы допускаются по второстепенным обстоятельствам) поможет свидетелю обойти техническое затруднение, вместо того чтобы сбивать его, и наталкивает на недоумение о том, отчего ему нельзя передать содержание происходящего разговора.

Другое важное правило заключается в следующем. Никогда не передпрашивайте своих собственных свидетелей. И это кажется самоочевидным. Тем не менее нужно усилие над собой, чтобы соблюдать это указание. Зайдите в суд и услышите, как адвокат, сам того не замечая, настойчиво ведет перекрестный допрос своих собственных свидетелей, если рядом с ним нет старшего товарища, который удержал бы его.

Не так давно один молодой адвокат выступал в качестве обвинителя перед судьей Гокинсом. Был допрошен потерпевший, и его показание, казалось, вполне установило факты. Но обвинитель спросил его:

«Вы уверены в этом?» — «Да», — сказал свидетель. «Вполне?» — спросил поверенный. «Вполне». — «У вас нет никаких сомнений?» — «Какие же могут быть сомнения? — ответил свидетель. — Я и у жены спрашивал». Судья сказал: «Вы спросили жену, чтобы быть вполне уверенным?» — «Именно, милорд». — «Значит, раньше у вас было некоторое сомнение?» — «Пожалуй, что у меня было маленькое сомнение, милорд».

Этот ответ похоронил дело, потому что весь вопрос сводился к безусловной достоверности показания потерпевшего. Я, конечно, не хочу сказать, что следует замалчивать факт, нужный для установления истины, и в этом отдельном случае адвокат вполне правильно настаивал на выяснении обстоятельства, от которого зависел исход процесса. Но в обязанности адвоката совсем не входит старание разбивать данное его свидетелем показание, если оно кажется ему

правдивым. Мало этого. Перекрестный допрос своего свидетеля может погубить дело. Свидетель может смешаться и хотя первоначально считал себя вполне уверенным в фактах и потому мог удостоверить их безусловно, тем не менее вследствие постоянных приставаний он начинает сомневаться в том, может ли он утверждать безусловно; получается впечатление, что в нем нет полной уверенности. Такие вопросы, как: «Вы в этом совершенно уверены?», «Вы безусловно удостоверяете?» — составляют в сущности перекрестный допрос; в первоначальном допросе они являются наносным материалом. Когда фокусник спрашивает: «А вы уверены, что деньги у вас в руках?», окружающие начинают сомневаться.

Трудно рассчитывать на то, что противник позволит вам задавать свидетелю наводящие вопросы, но если он и допустит это, то в большинстве случаев сделает это не в вашу пользу. Показания, даваемые по наводящим вопросам, имеют ничтожное значение; важно не показание свидетеля, а то впечатление, которое оно оставляет у присяжных. Они всегда относятся недоверчиво к показаниям, исходящим не столько от свидетеля, сколько от стороны. Поэтому, независимо от нарушения правил ведения дел или практики судов, следует тщательно избегать наводящих вопросов по существенным обстоятельствам из чисто тактических соображений.

Иначе как при исключительных обстоятельствах не следует вести допрос по заметкам солиситора. Самое сложное событие легче всего передается в обычном и естественном порядке. В записке факты приведены для вашего сведения, а не для поучения свидетеля. Дайте ему рассказать, что он знает, не перебивая его, если только это возможно, и он, по всей вероятности, сделает свое дело удовлетворительно; ваши вопросы по записке стряпчего могут только помешать ему. Но, если он пропустил существенное обстоятельство, необходимо тотчас же навести его на верный путь.

Самая обычная ошибка начинающих адвокатов заключается в торопливости. Судья часто напоминает им, что ему необходимо записать ответы; между тем для вас чрезвычайно важно, чтобы показания ваших свидетелей были занесены в его заметки с надлежащей полнотой, если только в ваши расчеты не входит, чтобы дело было отложено. Когда свидетель дает благоприятное показание, у нас, естественно, является соблазн поторопить его, но в этом случае надо думать о том, чтобы оно достигло цели, а не скользило в уме присяжных, как струя воды, которая несется над мельничными колесами, не задевая их.

Коль скоро смысл ответа ясен, вам нет никакой нужды в его повторении. «Не троньте того, что хорошо», — сказал один судья начинающему адвокату, который был в таком восхищении от ответа свидетеля, что во что бы то ни стало желал насладиться им еще и еще. Есть и другая опасность: свидетель может бессознательно изменить свой ответ, если вы будете приставать к нему с одним и тем же вопросом.

Однако если, с одной стороны, всего желательнее, чтобы свидетель по возможности передавал рассказ так, как он сложился у него в голове, то, с другой стороны, безусловно, необходимо удержать его от пересказа обстоятельств, не имеющих отношения к делу.

Малообразованные свидетели обыкновенно начинают свой рассказ с какого-нибудь совершенно безразличного обстоятельства; допустим, что свидетель имеет удостоверить факты, происходившие во время пожара; он начнет: «Я стал было запира́ть дверь с черного хода, как вдруг слышу крик». Постарайтесь поскорее навести его на самый пожар, и он сам расскажет все, что нужно.

В наши дни чудеса редки; события идут друг за другом в естественной связи; и так как одно обыкновенно бывает причиной другого, то иногда ничтожнейшее обстоятельство может иметь самые важные последствия. Возьмем для примера ежедневные случаи уличных столкновений. Сталкиваются две повозки, и сталкиваются показания обоих возниц. Каждый обвиняет другого, и, если верить обоим, никакого столкновения не могло произойти, потому что каждый держался своей стороны и ехал у самой панели: их разделяла улица во всю свою ширину. Ясно, что оба показания не могут быть верны. Прочие свидетели рассказывают самые невозможные вещи. Самое положение повозок после столкновения оказывается спорным обстоятельством и не может разъяснить дело присяжным. Но на колесе или на крыле экипажа может оказаться весьма важная царапина или зазубрина, а предмет, которым причинено это повреждение, может иметь еще большее значение. Направление и форма этих отметок также могут быть существенно важными. Из этого можно видеть, как важно, чтобы свидетель при первом допросе удостоверил все, хотя бы ничтожные, факты, могущие иметь значение для дела.

Не так давно в Лондоне был подобный случай. Кеб, ехавший по улице Регента, столкнулся с коляской, переезжавшей ее под прямым углом. Все вероятности решительным образом складывались в пользу коляски. Трудно было допустить, чтобы кучер гнал ценную лошадь через бойкую улицу настолько неосмотрительно, что налетел на другую повозку. Дама, сидевшая в коляске, утверждала, что извозчик был в нетрезвом состоянии; кучер говорил, что он был пьян; полицейские, задержавшие его, возбудили против него обвинение в пьянстве и неумении править. Участковый врач дал отзыв, что он «был в нетрезвом виде; мог ездить, но не

мог управлять кебом». Выигрыш дела для владельца коляски казался обеспеченным, и извозчику предстояла крупная денежная ответственность, так как ценная лошадь, запряженная в экипаж, была пристрелена на месте происшествия.

Свидетельские показания о самом столкновении были противоречивы до крайности, и, к вящей неудаче извозчика, его седоки не были вызваны в суд, и их показания остались неизвестными. Ему пришлось ссылаться только на проезжих извозчиков и кучера похоронных дрог; они давали показания о скорости езды. Однако среди всей этой путаницы нашлось одно неопровержимое обстоятельство. Исход дела не зависел ни от степени нетрезвости извозчика, ни от быстроты езды кеба, ни от других показаний свидетелей; оно было решено на основании незначительной царапины, сделанной на наружной стенке кеба передним концом дышла коляски. Одна эта царапина решила дело в пользу извозчика.

Другая обычная и немаловажная ошибка заключается в неумении выслушать ответ свидетеля до конца или предоставить ему рассказать все, что ему известно по существенному предмету дела. Очень часто случается, что в то время, как свидетель дает объяснения по какому-нибудь важному обстоятельству, ему неожиданно предлагают вопрос о каких-нибудь пустяках, не имеющих для существа дела никакого значения. На бумаге это кажется до такой степени несообразным, что нельзя обойтись без примера. Свидетель отвечает на предложенный ему вопрос, его перебивают и спрашивают: «Когда это было?» или: «А с мистером Смитом вы встретились раньше этого?» Благодаря таким ненужным вопросам нередко первоначальный вопрос получает ответ лишь наполовину, и может случиться, что самое главное останется недосказанным. «Да меня он об этом и не спрашивал»,— говорит свидетель после заседания. Или: «Я бы показал это, если бы он дал мне говорить». Если первый вопрос касался существенного обстоятельства, следует непременно выслушать ответ до конца; если нет, не надо было и спрашивать; но, раз вопрос поставлен, нельзя уже останавливать свидетеля; иначе у присяжных может остаться впечатление не в вашу пользу. Вопросы, перебивающие показание, сбивают с толку свидетелей и присяжных и могут только повредить вам.

В заключение этой главы я приведу пример того, как не должно вести допрос. Пример этот записан почти дословно. Дело вел опытный адвокат, но он слишком заботился об «исчерпывающих» вопросах; если в вопросе заключается слишком многое, ответ обыкновенно теряет смысл.

- Присутствовали ли вы при переговорах между поверенным ответчика и истцом, когда между ними состоялось соглашение?

Ответ: «Да».

- Будьте столь добры передать, что именно происходило между сторонами, поскольку это касается состоявшегося между ними соглашения?

Вот пример ненужного многословия, из коего видно, что, задавая вопросы, следует избегать длинных предложений. Вопросы следует предлагать в самой сжатой форме, имея в виду, что они должны быть вполне понятны не только для свидетеля, но и для присяжных. Все, что было нужно, можно было высказать так:

- Состоялось ли соглашение между поверенным ответчика и истцом? В чем заключалось это соглашение?

Трудно поверить, что после того, как один свидетель ответил на приведенный выше вопрос и тем самым дал адвокату все, что требовалось, по отношению к этой части иска, он задал тот же вопрос другому свидетелю, уснастив его еще большим пустословием:

- Будьте столь добры сообщить нам, что именно произошло между сторонами, насколько это сохранилось в вашей памяти и поскольку касается того соглашения, которое, по вашему показанию, состоялось между ними. Будьте любезны сказать нам, не дословно, конечно, но, насколько вы можете передать это своими словами, какие именно выражения он употребил? (Если забыть на минуту, что русские присяжные не решают гражданских дел, не скажет ли всякий, что это записано в Петербурге или Москве?)

Всякому ясно, что, если бы адвокаты трудились над своим искусством так, как трудится школьник над таблицей умножения, мы не слышали бы в суде подобных вопросов, так же, как не встретим ученика, который, чтобы узнать, сколько будет девятью девять, стал бы вычислять это по пальцам.

Нет сомнения, что наши адвокаты часто в непозволительной мере заставляют присяжных терять время только по неумению вести допрос своих свидетелей. Удачная форма вопроса имеет чрезвычайно важное значение, и искусство это достигается только путем тщательной работы. Одной практики для этого недостаточно; она почти ничего не дает адвокату в этом отношении и скорее разовьет склонность к многословию, чем отучит от него. Я предостерегаю здесь от длинных вопросов, а не от медленного произнесения их. Если вопросы задаются дельные и сжатые, нет большой беды в том, что они не торопятся один другому вслед. Гораздо опаснее

бывает их стремительность. Если вы будете гнать ваши факты мимо присяжных, они не успеют взглянуть на них. Каждая существенная частица в свидетельском показании должна быть отчетлива, удобопонятна и должна стоять на своем месте, не то ваше дело и в целом окажется небезупречным. Если у вас есть шансы выиграть дело, лучше ведите допрос слишком медленно, чем слишком скоро. Если показание свидетеля необходимо или, как иногда бывает, неизбежно, вы должны вызвать его; раз он вами вызван, ведите допрос так, чтобы было видно, что вы верите тому, что он говорит, а не сомневаетесь в нем. Если он погубит ваше дело при перекрестном допросе, в этом не будет вашей вины. Вам нечего краснеть за дело, проигранное потому, что ваши свидетели не дали вам возможности провести его. Ваш клиент проиграет неверное дело — и только; было бы хуже, если бы он выиграл его.

Наряду с допросом своих свидетелей, нет ничего более важного и более трудного в адвокатском искусстве, чем допрос свидетелей противника. Это опаснейшая часть процесса, ибо здесь ошибки почти всегда бывают непоправимы. В судебном бою этот допрос походит на то, что в морской тактике называется «ходить под выстрелами», и адвокат должен обладать многими такими же свойствами, какие при этих условиях необходимы для моряка: нужны смелость и осторожность, решительность и изворотливость, рассудительность и верный взгляд на вещи. Нельзя брать слишком прямой курс, нельзя слишком неуклонно держаться принятого направления; не то неприятель без труда определит расстояние и, пользуясь вашей простотой, потопит вас одним выстрелом. Необходимо усиленно лавировать, посылая то тут, то там ядро в противника, пока, если улыбнется счастье, не удастся настигнуть его врасплох и вскочить к нему на борт. Перекрестный допрос сравнивают с обоюдоострым мечом, но он представляет нечто несравненно более опасное; это скорее страшная машина — вроде молотилки, и неискусный адвокат чаще бросает в нее защиту своего клиента, чем обвинение своего противника.

Прежде чем говорить об условиях, необходимых для умения вести перекрестный допрос, может быть бесполезным указать на некоторые опасности, сопряженные с ним.

«В вопросах практической пользы,— говорит Уэтли,— всего важнее принимать в соображение возможные опасности, ибо всякий человек в области своей профессии обыкновенно достигает известных результатов, и не думая о них, тогда как все опасности должны быть старательно отмечены и постоянно иметься в виду, чтобы была возможность оградиться от них. Врач, провожающий друга в жаркий климат, не будет распространяться о благодетельном влиянии теплого воздуха на легкие, которым тот будет пользоваться помимо всяких усилий с его стороны, но будет заботливо предостерегать его от опасности солнечных ударов и болотных испарений». Одно замечание.

Опасности перекрестного допроса так неуловимы, что они висят над вопросами самых искусных адвокатов. Они, как болотные испарения, незримы, но губительны. Однако бывают в суде и солнечные удары, под которыми часто гибнет пышная юность.

Опытный адвокат сумеет, конечно, охранить себя от этих опасностей самыми разнообразными способами и в большинстве случаев с успехом отразит их; тем не менее опасности эти существуют, и то, что сказано о свойстве искусного полководца, до некоторой степени можно сказать и об адвокате: «Тот велик, кто не делает ошибок».

Одна ошибка при перекрестном допросе может погубить дело. Один вопрос может дать толчок к целому потоку показаний, который опрокинет вас. Предположим, что между некоторыми лицами происходил разговор, содержание коего не подлежит оглашению в первоначальном допросе, но который, проскользнув в дело, может вызвать предубеждение в присяжных или обнаружить такие обстоятельства, которые, не имея прямого отношения к делу, все-таки могут оказать на них некоторое неблагоприятное влияние; было бы совершенным безрассудством предложить такой вопрос, который дал бы противнику возможность

установить этот разговор при дополнительном допросе. Вы скажете: «Никто никогда и не подумает сделать такую глупость; любой новичок сумеет уберечься от этого безо всяких предостережений». Да, никто никогда об этом не подумает, но очень многие это делают изо дня в день, не думая; это одна из самых частых ошибок молодых адвокатов. Именно потому, что эта опасность для всех очевидна, многие не обращают на нее внимания. В недавнем процессе некто предъявил иск о возвращении нескольких займов, полученных от него ответчиком одновременно в течение пяти лет. Ответчик оспаривал правильность некоторых или всех этих исков. Займы несомненно были. Один вопрос заключался в том, были ли произведены все указанные займы, другой — получил ли истец уплату по всем займам, получение коих признавал ответчик. Расписки были самого неопределенного содержания. Было ясно, что при таких условиях самое ничтожное обстоятельство могло оказать влияние на решение присяжных. Для истца было очень важно огласить те данные, которые могли повлиять на них и внушить им уверенность, что все займы, указанные истцом, были получены и ни один из них не был возвращен; ответчик, который считал, что некоторые займы не были получены, а другие были погашены (часть денег была уплачена в суде), должен был сделать все возможное, чтобы исключить из процесса все, что не

входило в круг судебных доказательств. Ответчик говорил: «Вы требуете возвращения некоторых сумм, которых, как я утверждаю, я от вас не получал. Докажите свой иск. Я буду следить за тем, чтобы вы пользовались только строго законными доказательствами. Я буду пользоваться всеми законными своими преимуществами, чтобы не дать вам удовлетворения по взысканию, которое представляется мне или ошибочным, или несправедливым». Ответчик имел на это законное право.

Дело это разбиралось перед судьей Денманом. Оказалось, что истец или вовсе не вел торговых книг, или потерял их. Ему приходилось удостоверять по памяти подробности и время выдачи каждого из указанных им займов; между тем займы эти выдавались с большими промежутками, и многие из них относились к очень давнему времени. При первом допросе поверенный спросил его, был ли у него список займов. Он ответил: да.— Когда был составлен этот список? — Несколько времени тому назад.— По каким сведениям? — По заметкам, не приложенным к делу. Пользуясь этим последним обстоятельством, ответчик возражал против оглашения этого списка.

Весьма возможно, что, если бы этот список был предъявлен присяжным, они придали бы ему значение, которого он по закону не имел, и ответчик поступил правильно, не допустив его оглашения. Истцу пришлось всецело говорить по памяти, и ему удалось дать более или менее точные сведения о времени и обстоятельствах по отношению только к двум из числа всех займов.

При перекрестном допросе поверенный ответчика спросил: «Есть ли у вас какой-нибудь список или заметки, по коим можно восстановить отдельные займы?» Свидетель (истец) сказал: «Есть, вот он», и опять вынул из кармана тот же список. Поверенный ответчика опять заявил требование об устранении его из дела и спросил: «В каких суммах выдавались вам эти займы?» Истец заглянул в свои заметки и ответил, что два займа были по двадцати пяти фунтов, и... (здесь он был остановлен, так как стал читать по заметкам). Поверенный истца заявил, что документ был оглашен, и просил предъявить его присяжным. Судья признал, что он не подлежал приобщению к делу, так как вопросов о его содержании не предлагалось. Из этого видно,— а один этот пример стоит двадцати по своей убедительности,— что при перекрестном допросе один лишний вопрос мог бы ввести в цепь доказательств против ответчика такие обстоятельства, коих поверенный истца своим допросом не мог раскрыть перед присяжными.

Необходимо остерегаться еще одной ошибки: не следует усиливать карты противника, вызывая такие ответы свидетелей, которые производят больше впечатления на присяжных при перекрестном, нежели при первоначальном допросе. Бывает, что поверенный одной из сторон по тем или иным соображениям считает уместным воздержаться от известного вопроса и делает это безо всякого злого умысла. Если противник его не имеет нужного опыта, он, по всем вероятностям, сам предложит этот вопрос и тем даст ему нужный ответ. Нечего и говорить о том, насколько это увеличивает силу показания.

Случается, что вы по собственной вине приводите к оглашению губительный для вас разговор. Положим, что спор идет о содержании потерянного завещания. Один из наследников, назначенных этим завещанием, дает такое показание: «Я помню, что наследодатель составил завещание. Я видел, как он писал его, и сам читал его. Мне было отказано тысяча фунтов и каждому из двух моих братьев по стольку же. В последний раз я видел завещание два месяца тому назад». Исход дела мог бы зависеть или исключительно от точности памяти свидетеля, или не только от его памяти, но и от его добросовестности. Поверенный ответчика желает установить, что в день составления завещания свидетель ходил за врачом и тогда же рассказал ему о содержании завещания. Если бы свидетель имел право повторить этот рассказ перед присяжными и содержание его совпадало бы с показанием, данным им в судебном заседании спустя несколько лет, ясно, что это совпадение в значительной степени подтверждало бы не только точность воспоминания, но и добросовестность этого свидетеля. Разговор этот не может быть установлен при первоначальном допросе. Но один вопрос со стороны противника может привести к оглашению его от первого до последнего слова.

Допрос свидетеля окончен, но опасность еще не миновала.

В числе свидетелей находится и врач, присутствовавший при составлении завещания. Он не читал его, но неосторожный вопрос может дать ему повод удостовериться то, что предыдущий свидетель говорил ему в упомянутом выше разговоре.

Встречается еще одна немаловажная ошибка.

Берегитесь настаивать на вопросе, если свидетель уклоняется от ответа. Если вы заметили его нежелание удостовериться нужное вам обстоятельство и сумели довести его до такой точки, за которую трудно рассчитывать провести или протащить его, то дальнейшие попытки в этом направлении всегда бывают опасны. Вы уже добились того, что он почти признал известный факт; продолжая настаивать, вы можете раздражить его настолько, что он будет категорически отрицать его.

Тот, кто действительно хочет быть мастером в искусстве адвоката, сумеет, наряду с

указанными здесь ошибками, найти и другие. Только тщательная работа может уберечь от них. Практика — медленный учитель, а последствия подобного промаха могут задержать успехи адвоката в этой области, могут и лишить его не одного клиента.

Перекрестный допрос очень похож на умственный поединок адвоката со свидетелем. Поэтому первое качество, необходимое для нападающего (т. е. для адвоката), есть знание человеческого характера. Это первое и необходимое условие. Но я думаю, что почти все считают себя великими знатоками в этом; с другой стороны, я никак не могу научить тех, кто этим знанием не обладает; при таких условиях мне остается надеяться, что мои читатели сами сумеют оценить те замечания, которые были бы непонятными для людей, не сведущих в этой труднейшей из всех наук.

Не подлежит сомнению, что первое условие какого-либо успеха в перекрестном допросе заключается в полном благодушии адвоката. Раздраженный человек похож на упрямую лошадь; он будет делать все что угодно, кроме того, что от него требуется. Чуть что — и на дыбы (разумею адвоката). Несокрушимое спокойствие есть венец человеческого самообладания и одно из существенных свойств хорошего адвоката. Ссылки на природную раздражительность, нервную впечатлительность, плохое пищеварение, роковую неудачу и тому подобное — все это никого не извиняет. Вашему клиенту необходимо спокойствие его поверенного, и он имеет право требовать, чтобы вы дали ему то, что ему нужно. У вас раздражительный темперамент — тем хуже для вас, но, так или иначе, вы обязаны владеть собой, пока участвуете в процессе. Нельзя даже допустить, чтобы окружающим показалось, что вы вышли из себя, потому что никто никогда не признает, что слова человека, потерявшего самообладание, вполне соответствуют его мыслям. Слушающие всегда производят некоторую «поправку» этой слабости. А коль скоро присяжным приходится делать такую поправку, вы уже потеряли свои шансы на успех — и с ними в большинстве случаев погубили и своего клиента.

Не следует упускать из виду и того, что присяжные бывают в высшей степени восприимчивы к раздражительности адвоката. Она передается им так же быстро, как домашним в семейном кругу.

Малый ребенок мгновенно чувствует недовольство старших. Его нельзя скрыть. Оно так же бросается в глаза, как порыв ветра на гладкой поверхности воды. Будь у меня дело в суде, я предпочел бы скромного, но благодушного работника блистательному, но раздражительному адвокату. В первом случае, если мое дело надежное, я, вероятно, выиграю его; во втором — едва ли удастся не проиграть.

Итак, обладая некоторым знанием людей и наблюдая за свидетелем, пока его допрашивает ваш противник, вы сумеете разобраться, что он за человек. От вас не ускользнет, что он повторяет заученный рассказ; в этом случае можно с большим вероятием предполагать, что не все в его словах правда, особенно если рассказ длинный и сложный. Но это далеко не безусловный признак. Заученное показание может быть и правдивым. Показания полицейских часто бывают затвержены наизусть, и все-таки в большинстве случаев они в существе своем соответствуют истине. Но общее поведение свидетеля, характер его ответов, выражение лица, голос, отдельные слова, жесты, иной раз одни глаза скажут вам, лжет ли он от начала до конца или дает труднейшее для перекрестного допроса из свидетельских показаний — рассказ, в котором правда перемешана с ложью.

Но, независимо от необходимости выяснить, правду ли говорит свидетель или лжет, или искусно приспособляет действительные факты к вымышленным, вам надо уяснить себе, нет ли у него заметного предпочтения или предубеждения в ту или другую сторону. Если он сильно склонен говорить в пользу вашего противника, вы разделаетесь с ним без труда, ибо вам легко будет довести его до того, что его пристрастие сделается настолько явным и навязчивым, что присяжные отвернутся от него; если такое показание имеет решающее значение для дела, оно решит его в противоположную сторону. Показание заинтересованного свидетеля ослабляет, а не подкрепляет другие доказательства. Поэтому при перекрестном допросе такого свидетеля желательно изобличить его пристрастие как можно скорее. Если это будет сделано в конце допроса, у присяжных все-таки может сохраниться некоторое впечатление от его показания. Итак, расчет свидетеля на то или иное решение дела должен быть выяснен в начале перекрестного допроса, если только не обнаружен уже ранее. Само собой разумеется, что противник сделает все от него зависящее, чтобы не дать вам в руки этого козыря. Но вы всегда можете покрыть его, подчеркнув перед присяжными обстоятельство, которое он пытался сгладить; в этом и заключается ваша задача.

Возможно, что у свидетеля нет личного интереса в деле. И тем не менее он может быть сторонником вашего противника по общим интересам, лежащим вне данного процесса, — по «партийности» (в широком, не только в политическом смысле). Такие общие интересы бывают нередко сильнее личного расчета, хотя последний и признается, не вполне, как мне кажется, справедливо, самой сильной пружиной человеческих поступков.

Вы можете быть заранее уверены, что, если ваш противник иногда и предупредит вас, указав на личный интерес в деле своего свидетеля, он ни в каком случае не признает его своим партийным союзником. В этом отношении вы в большинстве случаев останетесь хозяином положения и можете свободно выбрать время, место и способ нападения; делайте это так, как найдете удобным, лишь бы оно было сделано ближе к началу допроса. Некоторая доля партийности свидетелей встречается во многих процессах, и в виде общего правила можно сказать, что свидетели, безусловно свободные от склонности в ту или другую сторону, встречаются редко. С другой стороны, следует заметить, что более сильная партийность свидетелей создается только в вопросах общественного характера, в местных делах, в пограничных спорах, в яиа51 — политических делах, в делах о различного рода оценках, столкновениях уличных повозок и т. п., когда свидетели, естественно, бывают склонны принимать ту или иную сторону. Следует помнить, что, хотя люди являются на суд в качестве свидетелей по внешнему принуждению, никто не дает своих показаний без определенного внутреннего побуждения. Оно может быть сильным или слабым, но оно существует; найдите его; это можно сделать, если вы будете внимательно следить за свидетелем и внимательно слушать его. Человек, который говорит только для того, чтобы сказать то, что знает, невольно проявляет свою добросовестность и в голосе, и во взгляде, и в словах. Когда вы уверены в правоте своего дела, вы можете рассчитывать, что и такой свидетель не повредит ему, если только будете вести допрос с надлежащим расчетом, т. е. так, чтобы ответы его не могли быть поняты превратно. Но о чем же спрашивать его? Прислушайтесь к его показанию: если оно не противоречит вашим интересам, не спрашивайте вовсе; в противном случае, заметьте то, что идет против вас. Ниже, при разборе приемов перекрестного допроса свидетелей разных типов, я постараюсь показать, как следует вести допрос бескорыстных свидетелей, если их показания идут вразрез с вашими основными положениями.

Предположим, однако, что свидетель дает показание под влиянием побуждения другого свойства. Вы постараетесь угадать, в чем именно оно заключается. Если вы будете внимательно следить за ним, вы подметите некоторое изменение тона и манеры в те моменты, когда его слова ближе подходят к этому скрытому побуждению. Допустим, что это месть. Он будет напирать на все то, что кажется наиболее опасным для его врага. Всякий ответ, клонящийся, по его мнению, ко вреду последнего, будет дан им с особой готовностью в тоне и с явным удовлетворением. Оно выразится в его голосе, взгляде, во всей его фигуре. Именно это и должно быть запечатлено вашим перекрестным допросом в представлении присяжных. Но бывают и более тонкие побуждения, неуловимые для обыкновенных наблюдателей. Можно, однако, обнаружить и их, если приложить к тому надлежащее старание. И, каково бы ни было это побуждение, где-нибудь несомненно есть надежная почва для перекрестного допроса, который даст что-нибудь в вашу пользу,— если только вы не взялись за неправоное дело.

Как уже сказано, у всякого есть, или по крайней мере должна быть, своя манера в искусстве. Кто занимает у других, тот, может быть, обладает талантом подражания, но у него нет того, что составляет неперемное условие истинного превосходства, нет оригинальности. Что касается внешнего обращения со свидетелями, то в этом отношении надо следовать образцам. Истинные мастера в большинстве случаев держатся совершенно просто; спокойное, сдержанное обращение скорее всего достигает цели. Я не отрицаю того, что повышенный тон и просто грубость могут иногда сбить робкого человека, но это не перекрестный допрос и не адвокатское искусство. Это запугивание — не сила ума, а просто физическое насилие. Я не утверждаю и того, что адвокат должен всегда выказывать голубиную кротость по отношению к свидетелю. Строгость в тоне и в обращении, соответствующая сознанию собственного достоинства спрашивающего, нередко бывает необходима для того, чтобы держать допрашиваемого в должных границах и побудить или заставить его сказать то, что он знает; но строгость не утратит своей силы — напротив, окажется еще действительнее, будучи сглажена совершенной учтивостью; тогда как резкая настойчивость легко переходит в грубость. Такие случаи чрезвычайно редки в английском суде; но они все-таки встречаются, хотя и вызывают обыкновенно громкое осуждение общества. Это, впрочем, не может бросить тень на целую корпорацию, ревниво оберегающую свою заслуженную репутацию честности и рыцарской вежливости.

Я говорю это по поводу приведенного ниже отрывка из книги архиепископа Уэтли «Основы риторики». В своих замечаниях о перекрестном допросе автор этот выражает резкое порицание адвокатам вообще, порицание, насколько я могу судить по собственному опыту и наблюдению, совершенно незаслуженное. Он пишет:

«Пользуясь перекрестным допросом, искусный адвокат умеет заставить свидетеля признать такие, иногда весьма существенные, обстоятельства, которые тот хотел бы скрыть или представить в превратном виде. Существует искусство иного рода, заключающееся в том, чтобы запугать, запутать, сбить с толку добросовестного свидетеля и тем подорвать доверие к его показанию или не дать ему высказаться до конца. По поводу этого искусства, которое может быть

названо едва ли не гнуснейшим и безнравственнейшим злоупотреблением силой человеческого ума, я скажу только одно».

Я должен остановиться здесь, чтобы сказать, что, судя по личным моим наблюдениям, которые, смею думать, идут дальше того, что мог видеть духовный писатель, начертавший приведенные выше слова, никогда ни одно духовное лицо не бросало более незаслуженной клеветой в честную корпорацию. Далее он пишет:

«Я убежден, что наиболее действенный способ добиться правды от свидетеля нимало не похож на тот, посредством которого так легко смутить и сбить с толку простодушного и честного человека. Мне приходилось наблюдать, как опытный адвокат тщетно пытался достигнуть своей цели такими приемами перекрестного допроса, которые, конечно, запугали бы и поставили бы в тупик многих добросовестных людей».

Архиепископ Уэтли думает, что те приемы, которые всего легче могут запугать и затруднить добросовестного свидетеля, не производят никакого впечатления на недобросовестного. Я готов согласиться с этим, но мне представляется невозможным подорвать показание добросовестного свидетеля иначе как теми способами, о которых я говорил выше. Но никто, кроме архиепископа Уэтли, не назовет это приемами «опытного адвоката». Он продолжает:

«При дальнейшем допросе, пользуясь приемами прямо противоположного свойства, которые никогда не затруднили бы добросовестного человека, адвокат шаг за шагом заставляет свидетеля признать полную лживость всего его показания. Говоря вообще, я думаю, что, если допрос производится спокойно, мягко, без обиняков, но с надлежащей полнотой и осмотрительностью, он скорее всего приведет свидетеля к правдивому показанию; и что уловки и запугивания, которыми так легко смутить добросовестного свидетеля, нимало не страшны для лжеца».

Читая эти широковещательные суждения, нельзя не пожалеть о том, что почтенный архиепископ не ограничился своими богословскими трудами. Он, по-видимому, думает, что под влиянием смущения и страха добросовестный свидетель может солгать, и воображает, что ласковые слова и прямой, подробный и тщательный допрос могут легче всего склонить наглого лжеца показывать правду. Я могу только сказать, что его знакомство с добросовестными свидетелями было, видимо, очень невелико, а лицемерие, которым люди отвечали на его доброжелательные вопросы, очевидно, внушило ему самые ложные представления о свойствах человеческой природы, от которых не свободны и люди, считающие себя наиболее сведущими в изучении душевной жизни человека. Я привел эти отрывки потому, что начинающие адвокаты бывают склонны принимать на веру очень многое из того, что говорится о человеческих свойствах, не исключая и поклепов на ту корпорацию, в ряды которой они собираются вступить. Уэтли приводит многие места из книги «Адвокатская распущенность», и его цитаты явно направлены против репутации адвокатского сословия. Эти цитаты очень далеки от истины, и я не вижу нужды останавливаться дольше на их клеветнических нападках.

Некоторые правила перекрестного допроса.

Одно из основных правил перекрестного допроса заключается в том, чтобы никогда не задавать вопросов, могущих вызвать неблагоприятные ответы. Только безусловная необходимость может оправдать нарушение этого правила. Каждый вопрос и каждый ряд вопросов укладывается в тысячу различных форм, и тот, кто предлагает вопрос, способный погубить его клиента, выказывает поистине жалкую нищету своего соображения. Опять скажут: «Это все знают». Так; но, к удивлению, не все соблюдают. Многие адвокаты, как в гражданских процессах, так и на выездных сессиях, постоянно предлагают вопросы и вызывают ответы опасные, а часто и губительные для их доверителей; между тем при некотором напряжении своего остроумия, набирая нужные данные малыми частицами, они могли бы мало-помалу добиться всего, что требуется, как целое: чтобы заманить птичку, ей бросают крошку за крошкой, пока она не попадет в клетку. В адвокатском искусстве вообще обращают слишком мало внимания на мелочи, забывая, что нередко ничтожнейшее обстоятельство бывает осью, на которой вертится все дело.

Но, раз только вы получили от свидетеля все, что нужно для целого, помните, что большего добиться нельзя; и все равно, собрано ли оно крохами или ломтями, берегитесь, чтобы свидетель не заметил целого; если вы не будете следить за этим, легко может случиться, что он откажется признать в целом то, что удостоверил по частям,— не говоря о том, что дальнейшие вопросы легко могут перейти и в пререкание со свидетелем. Если ряд отдельных вопросов неотразимо приводит к определенному заключению, присяжные сами сделают вывод; нет никакой нужды привлекать к нему внимание свидетеля.

Такой системы допроса должно держаться не только в тех случаях, когда ожидаемый ответ представляется сомнительным, но и тогда, когда для благоприятного решения дела вам нужно получить тот или иной определенный ответ. Я предложил бы следующее разумное и

надежное правило: если вам надо получить ответ на определенный вопрос, не задавайте этого вопроса. Иначе в большинстве случаев свидетель сообразит, к чему вопрос клонится, и постарается по возможности не сказать того, что вам нужно. Если только он не безусловно прямой человек (а таких именно свидетелей и следует всегда ожидать на суде), он будет настороже и, если вам не удастся обойти его, сумеет уклониться от вашего вопроса. В этих именно случаях и проявляется искусство перекрестного допроса. Один адвокат сядет, ничего не добившись, другой добудет все, что ему надо. Задача будет решена рядом таких отдельных вопросов, из которых ни один не выдаст ответа, но все будут вести к нему. Если факт налицо, вы заставите свидетеля признать его или по крайней мере поставите свидетеля в такое положение, что вывод будет очевидным из его молчания.

Один из величайших современных мастеров этого искусства советовал своему ученику при допросе враждебного свидетеля по обстоятельствам, имеющим важное значение, задавать по десяти несущественных вопросов на один существенный, и притом предлагать последний так, как будто это наименее важный из всех. (Это не слишком похоже на приемы, рекомендуемые архиепископом; те кажутся нарочито изобретенными для того, чтобы вызывать ложь.) «И как только вам удалось получить нужный ответ,— прибавил истинный знаток дела,— оставьте его в стороне, отвлеките внимание свидетеля каким-нибудь совсем незначительным вопросом». Если вопрос был поставлен умело, всякое подчеркивание ответов свидетеля во время допроса представляется лишним. Это вы сделаете в вашей речи. Как только свидетель заметил по вашему обращению, что сказал что-нибудь невыгодное для стороны, которой вызван,— если только это не добросовестный свидетель,— он постарается изменить смысл сказанного, и тогда ему удастся сгладить произведенное на присяжных впечатление. Если вы остановитесь вовремя, возможно, что ваш противник не заметит важного значения установленного факта и поймет его только тогда, когда уже нельзя его оспаривать, а можно лишь толковать его так или иначе. Нет худшей ошибки, как повторение вопроса, на который уже получен благоприятный ответ.

Некоторые адвокаты ведут допрос с такой стремительностью, что задают по два и по три вопроса подряд, не выжидая ответов. Следует воздерживаться от такого избытка усердия, если вы хотите, чтобы допрос мог дать что-нибудь определенное.

Итак, с одной стороны, следует остерегаться того, чтобы не вызвать показаний, вредных для вашего клиента; с другой стороны, надо иметь в виду, что перекрестные вопросы могут не только усилить впечатление от показания, данного на вопросы вашего противника, но и придать ему такой вид, как будто вы сами предложили это показание вниманию суда. Адвокат должен избегать того, чтобы свидетели противной стороны не обратились в его собственных; это именно то, что он делает, вызывая ответы, благоприятные его противнику.

Другое верное правило перекрестного допроса заключается в том, чтобы не задавать вопросов, не имея готового объяснения их целесообразности. Многие начинающие адвокаты поднимаются с места, не имея никакого представления о вопросах, которые собираются предлагать, и заставляют свидетеля повторить его показание от начала до конца, как будто им мало впечатления, уже произведенного им на присяжных. Можно ли представить себе более неудачный прием? «Перекрестный допрос не есть громогласное повторение первоначального», как заметил молодому адвокату один судья. Это просто последствие неопытности и незнания основных правил адвокатского искусства. Конечно, начинающий адвокат очень скоро убеждается в том, что всякий вопрос должен иметь определенную цель, но я делаю эти указания потому, что хотел бы, чтобы он узнал это с самого начала и тем избегнул горького опыта многих ошибок.

Я предложил бы еще один маленький совет: не пытайтесь разьяснять перекрестным допросом непонятные факты. Несомненно, что есть известная заманчивость в возможности раскрыть тайну, оставшуюся непроницаемой для других, но, когда вы убедитесь, что разгадка ее наносит вам сильнейший удар, вас не слишком обрадует спокойная улыбка противника перед вашим умением раскрыть то, чего он раскрыть не мог, особенно если он сам предусмотрительно предоставил вам случай проявить проницательность и усердие в его пользу. Не ступайте на лед, если не уверены, что он выдержит.

Перекрестный допрос по поводу незначительных разноречий при передаче свидетелями слышанных разговоров в большинстве случаев ни к чему не ведет; как проверка правдивости свидетелей, он никогда не достигает цели. Судья Стефен сказал в одном процессе: «Выяснение противоречий в передаче свидетелями слышанных ими разговоров представляется мне самой бесплодной тратой времени. Бывают существенные обстоятельства, по которым перекрестный допрос необходим. Но я полагаю, что, если бы два человека захотели повторить перед нами те слова, которыми почтенные противники обменялись между собой в течение последних полутора часов, их рассказы значительно разошлись бы один от другого».

Проверку правдивости свидетелей следует искать в их разноречиях по существенным обстоятельствам и в отношении к таким данным, в которых трудно допустить возможность добросовестных ошибок. Вне этих случаев разноречие зависит только от большей или меньшей

силы памяти, от наблюдательности и от точности пересказа.

Не следует забывать, что, независимо от содержания вопросов, самый тон спрашивающего оказывает значительное влияние не только на присяжных, но и на свидетеля. Присяжные должны всегда видеть, что допрос имеет серьезный характер; если им будет казаться, что адвокат просто «старается» для удовольствия публики, они скоро придут к заключению, что он сам не верит в свое дело. В каждой стадии процесса, от начала до конца, вы должны держать себя так, чтобы они видели, что вы убеждены в своей правоте. Возможно, что эта уверенность не слишком сильна в вас, но вы и сами можете ошибиться в своей оценке; а так как вы защищаете не свои интересы, а чужие, вы обязаны по крайней мере казаться убежденным. На суде многое зависит от манеры адвоката. Всякий знает, что свидетель может иногда ответить или не ответить на вопрос в зависимости от тона спрашивающего, что ударение на известном слове может вызвать ответ совершенно отличный от того, который получился бы при ударе на другое.

Никогда не высказывайте враждебности при перекрестном допросе; враждебность заразителна; она может передаться и на скамьи присяжных, и за стол судьи. Будьте строги, но невозмутимы. Впрочем, в этом отношении не может быть общих правил: у всякого своя манера. Хорошими советами нельзя создать ни оратора, ни искусного адвоката, и, давая известные указания, можно только надеяться, что они помогут молодым адвокатам развить свои природные дарования и предостерегут их от некоторых обычных ошибок.

ГЛАВА IV

Типы свидетелей

Типы свидетелей и указания о приемах их перекрестного допроса

1. ЛЖЕЦ

После сделанных выше замечаний о внутренних побуждениях свидетелей и об их особых отношениях к процессу, я перехожу теперь к распределению свидетелей на те группы, в коих они обычно появляются в наших судах; при этом прошу читателя иметь в виду, что мало-мальски опытный адвокат будет иметь преимущество при допросе всякого свидетеля вообще, не исключая и добросовестных, ибо последние часто сами подрывают доверие к своим словам под влиянием волнения и опасения быть не вполне точными.

Человек, дающий ложное показание, должен лгать с чрезвычайным искусством, чтобы не выдать себя уже при первоначальном допросе. Я считаю, что с таким свидетелем всего легче справиться; притом, раз только присяжные признают в нем лжесвидетеля, он настолько повредит делу, что и десять добросовестных свидетелей не загладят его лжи. Замечательнейшим примером свидетелей этого типа в наше время был знаменитый «Сытагй» и его сообщник Люи. Ортон давал поразительные показания о гибели судна, на котором находился Рожер Тичборн, о том, как он спасся и был отвезен в Австралию, о своей тамошней жизни, о том, как вернулся в Англию и как его узнавали люди, лично знавшие настоящего наследника состояния и титула лордов Тичборн. На всех его объяснениях, правда, лежал явный отпечаток лжи; но людям казалось слишком невероятным, чтобы совершенно невежественный человек мог сочинить столь искусный рассказ о столь необыкновенном происшествии; казалось невозможным, чтобы внутренняя несостоятельность этого вымысла не выдала его присяжным в уже первоначальном допросе; это представлялось столь несообразным, что придавало неправдоподобной повести некоторое вероятие. Как бы то ни было, факт налицо: этого не случилось. Приходится признать, что сеть искусно сотканной лжи может ввести в сомнение судилище, призванное искать истину. Обман был обнаружен и изобличен, но, несмотря на это, тысячи людей продолжали верить Ортону и верят ему до сих пор. Оказывается, следовательно, что не всегда бывает легко справиться с ложным показанием в уголовном деле. В большинстве случаев, при некоторой опытности, вы сумеете опровергнуть показание лжесвидетеля его собственными устами. Написать, как это делается, нетрудно; нетрудно бывает и объяснить человеку, как надо плавать; прыгайте с берега смело, разводите шире воду руками, отталкивайтесь ногами, как лягушка,— и пойдете на дно, как ключ.

(Буквально: «притязатель»). Обстоятельства этого дела известны. Австралийский эмигрант Артур Ортон, простой мясник, родом из местечка Веппинг, называл себя лордом Рожером Тичборном, утонувшим в Атлантическом океане в 1854 году на пароходе «Белла». Спустя двенадцать лет после его гибели Ортон явился в Англию и предъявил к наследникам покойного иск на его титул и состояние. Огромный денежный интерес, связанный с исходом процесса, и свойственная людям готовность верить в чудесное, а также ряд ошибок со стороны противников Ортона привели к тому, что на суд явилось множество лиц, из которых одни ложно, а другие в добросовестном заблуждении утверждали, что признают в нем Рожера Тичборна).

Свидетель является в суд с заранее искусно сочиненным показанием, говорит без

запинки. Но вы знаете, что явления внешнего мира происходят в сопровождении и в связи с другими явлениями. Ни одно событие не может существовать вне других событий. Рассказ свидетеля составлен из ряда фактов; если это — факты действительные, они подойдут ко множеству других фактов; при этом они не могли существовать, не вызвав ряда других фактов или не оказав на них некоторого влияния. Если показание ложно, то, при всем искусстве вымысла, события, удостоверяемые свидетелем, не могут подойти к окружающим фактам во всех своих подробностях. Окружающие обстоятельства во всем своем множестве будут совпадать с показанием правдивым, ибо последнее, как бы ни казалось оно мало правдоподобным, составляет часть целого, ими образуемого,— подобно тому, как камень, выбитый из скалы, хотя бы в самой причудливой форме, не может не подойти к своему прежнему месту.

Чтобы судить о том, предлагают ли вам настоящий или поддельный обломок, надо исследовать скалу, из которой он высечен. Другими словами, вам надо приглядеться к окружающим обстоятельствам. Как бы ловок ни был свидетель, он не может подготовиться к вопросам, которых не ожидал; и если вы будете проверять вымышленные события, сравнивая их с действительными, вы обнаружите, что во всей их совокупности и те и другие существовать не могли; при сопоставлении неизбежно произойдет некоторое перемещение действительных фактов, чего на самом деле быть не могло.

Может ли вымышленный рассказ вполне подойти к действительным событиям? Конечно, нет; но не всегда бывает возможно точно установить окружающие обстоятельства; в этом именно заключается главная трудность. Но почти всегда можно добраться до некоторых из этих обстоятельств, и, будь их немного, они все-таки дадут вам возможность достигнуть цели.

Ездил ли человек, называвший себя Рожером Тичборн-ом, в Веппинг (т. е. на родину мясника Артура Ортона, где лорд Тичборн никогда не бывал и куда ему незачем было ездить после своего мнимого спасения и возвращения в Англию)? Знал или не знал он дома, расположенные в окрестностях этого заброшенного местечка, имена и фамилии их хозяев? Если знал, кто же был он? Если бы Артур Ортон стал рассказывать суду о своей поездке в Веппинг, он рассказывал бы правду и все окружающие обстоятельства подошли бы к его рассказу и образовали бы с ним одно целое. Но он говорит: я — лорд Тичборн; он ставит на место Ортона человека, который по своему общественному положению и воспитанию никоим образом не мог быть знаком с мельчайшими подробностями, касавшимися обитателей Веппинга и его окрестностей. Переместите этих двух человек, и перед вами будет один, который по своему прошлому именно должен был обладать всеми теми подробнейшими сведениями о местных людях, которые он обнаружил на суде, и каких никто другой, выросший в другом месте, иметь не мог.

И все это независимо от соображения, вытекающего из значительной вероятности поездки Ортона в Веппинг и крайней невероятности поездки туда Тичборна. «Приладить» Тичборна к обстановке жизни Ортона было невозможно: для этого пришлось бы перемещать действительные факты.

Итак, чтобы проверить показание, ложное в целом или в частях, надо сопоставить передаваемые свидетелем факты с окружающими фактами и сравнить это показание с показаниями других свидетелей. Последняя проверка будет тем более строгой и надежной, чем более вы будете углубляться в мелкие подробности. Само собой понятно, что, чем больше вызвано свидетелей в подтверждение вымышленного рассказа, тем с большей уверенностью можно рассчитывать их изобличить. Более крупные факты могут быть подобраны так, что войдут в показание каждого из этих свидетелей; но люди не могут сговориться о таких мелочах, которые им и в голову не приходили, и приготовить ответы на вопросы, которых не ожидали.

Однако и при таком способе перекрестного допроса надо остерегаться, чтобы не получить кажущегося подтверждения вместо ожидаемого противоречия.

Чтобы оградить себя от этого, следует принять за правило не предлагать каждому свидетелю одни и те же вопросы по существенным данным судебного следствия.

Если вам удалось установить противоречие в словах первого и второго свидетеля по существенному обстоятельству, не идите дальше; следующий свидетель может случайно дать удачный ответ и подтвердить то, что уже стало сомнительным; это существенно ослабит впечатление присяжных. Соблюдая эту тактику с разумным расчетом, вы можете достигнуть взаимного противоречия между всеми свидетелями.

Говоря о затруднениях защиты в процессе королевы Каролины (Георг III обвинял свою жену в прелюбодеянии), ее защитник Брум указывал на то, что показания, доказывавшие наличие прелюбодеяния, были составлены так, что в них не было ни одного значительного факта, который удостоверялся бы двумя свидетелями. Это, конечно, было сделано с целью предупредить возможность противоречия в их объяснениях. Когда несколько человек передают один и тот же вымышленный рассказ, их нетрудно изобличить при перекрестном допросе. Настоящее искусство проявляется в тех случаях, когда каждый лжесвидетель удостоверяет

только отдельный ряд фактов, называя себя притом их единственным очевидцем. Как опровергнуть его? Если личность его не представляется вам вполне безупречной, вы прежде всего спросите его, кто он таков; этот вопрос, впрочем, едва ли может смутить его; если он не местный житель, у него, по всем вероятностям, заготовлен такой ответ, после которого всякие дальнейшие расспросы будут бесполезны.

Немного ниже я укажу случай, когда один из величайших мастеров перекрестного допроса, когда-либо выступавших перед английским судом, оказался бессильным перед необыкновенной ловкостью лжесвидетеля. Если вы определенно знаете, что свидетель — опороченный человек (например, что за ним есть прошлая судимость), ваша задача будет сравнительно легка. Но и в этом случае, если у вас нет против него формальных доказательств, он может отбить ваш удар, ответив на ваши вопросы негодующим отрицанием.

Скажут, пожалуй: «Это всякий знает». Да; но вопросы о прежней судимости свидетеля могут быть и очень искусными, и совсем неудачными, в зависимости от того, как они предлагаются. Если вы сделаете это неумело, эффект неожиданности может пропасть для присяжных, а на суде неожиданность есть драгоценный союзник, которого надо иметь на своей стороне. Адвокат, вооруженный искусством вопросов, неожиданных для свидетеля, для присяжных, для противника, — опасный боец. Но вопрос может быть поставлен так неловко, что вместо недоверия вызовет сочувствие к свидетелю; если же, напротив, вы ведете допрос умело, вы можете доказать, что он не заслуживает доверия не только по своему запятанному прошлому, но и потому, что его ответы изобличают в нем лжесвидетеля. Вы можете достигнуть того, что он и солжет, и вместе с тем выдаст свою судимость; присяжные оценят его слова по достоинству.

Если вы сразу дадите ему заметить, что его прошлое вам известно, он, конечно, сообразит, что ему нет смысла лгать, и ответит прямо, не без горечи в голосе. «Да, я осужденный человек; всякий рад твердить об этом; но при чем в этом деле моя прошлая судимость?» Присяжные сейчас же станут на его сторону. Он может быть несравненно лучшим актером, чем вы, и все ваши усилия выставить его в настоящем свете останутся втуне. Если же ваш вопрос подсказет ему, что у вас нет точных сведений о нем, он даст другой ответ, и, хотя вы своими вопросами сперва побудили его отрицать свою судимость, а потом заставили признать ее, это будет поставлено в вину ему, а не вам: не надо было лгать.

Если вы спросите его, сколько раз он судился, он не скажет: ни разу, а скажет: не помню. А если спросите, не было ли за ним каких-нибудь подозрений или что-нибудь в этом роде, он запнется и ответит: нет, а потом прибавит: был один такой случай, — в расчете на то, что вам известен лишь последний из его подвигов.

«Лучшее или, вернее сказать, единственное средство изобличить ложное показание свидетеля, — говорит архиепископ Уэтли, — при добросовестной уверенности в его лжи состоит в том, чтобы не выказать впечатления, произведенного его словами. Думая, что ему верят, он будет говорить легко и гладко и рано или поздно сам запутается в каком-нибудь безвыходном противоречии, разойдется сам с собой, в отдельных частях своего рассказа, или с фактами общеизвестными, или установленными доказательствами из других источников».

Если нет данных о личности свидетеля, следует проверить его показание обстоятельствами, с ним соприкасающимися, незаметно подгоняя его рассказ. Поощряемый видимым успехом своих слов, он скоро перешагнет за границы воображения присяжных или наткнется на факты, которые окажутся сильнее его. В одном процессе, разбиравшемся несколько лет тому назад в Варвике, перед судом выступили несколько свидетелей, которые, следуя крайне искусно задуманному плану, удостоверяли аНЫ подсудимого, обвинявшегося в разбойном нападении на дом. Один из свидетелей показал, что во время совершения разбоя подсудимый находился вместе с ним и четырьмя или пятью другими лицами в расстоянии нескольких миль от места преступления. Вопрос о времени имел, конечно, существенное значение в деле, и потому свидетеля спросили, как мог он дать точное определение времени. Он ответил, что в комнате, в которой они были с подсудимым, висели часы, и они заметили время, когда они вошли и когда выходили. Ему предложили посмотреть на часы, висевшие на стене судебной залы, и сказать, который час. Он долго смотрел на стрелки с беспокойным видом и наконец сказал: «Очень мудреные: по ним никак не разобрать». — «Не можете разобрать время по часам?» — «По этим никак не могу».

Еще замечательнее было то, что тот же вопрос был предложен каждому из свидетелей, и только один из шести сумел сказать время по часам суда. А между тем все они под присягой удостоверяли время с такой же настойчивостью, как и первый, и повторяли то же объяснение о том, почему точно заметили время. Алиби было разбито вдребезги, и подсудимый был осужден.

Я не буду говорить теперь о способе опровержения ссылки на алиби в тех случаях, когда все факты, удостоверяемые свидетелями, соответствуют действительности, за исключением только дня события. Но этот случай может служить примером такого опровержения. Из

сказанного видно, что это достигается, в тех случаях, когда вообще представляется осуществимым, посредством перекрестного допроса об обстоятельствах, лежащих вне главных фактов.

Упомянутый выше замечательный свидетель на процессе по обвинению Артура Ортона в даче ложных показаний на суде был некто Люи. Это был очень ловкий человек, и давал он свои объяснения суду с поразительной отчетливостью и кажущейся точностью. Что показание было вымышлено, в этом почти не было сомнения, но представлялось чрезвычайно затруднительным, почти невозможным, доказать вымысел. Рассказ был неправдоподобный, но его нельзя было назвать безусловно невозможным. А между тем, если Люи говорил правду, тот, кого считали Артуром Ортоном, был Рожер Тичборн, или, по крайней мере, вероятность этого была так необычайно велика, что никакой состав присяжных не признал бы его Ортоном. Показание было изложено безупречно. После суда мне пришлось случайно встретиться с одним из присяжных, и я спросил его, какое впечатление произвел на него Люи и мог ли он на минуту поверить ему. Он ответил, что после первоначального допроса Люи рассказ последнего казался настолько неправдоподобным, что нельзя было отнестись к нему с доверием. «Однако,— прибавил он,— после того, как м-р Гокинс бился с ним целый день и не мог справиться с ним, мне стало казаться, что, если такой мастер перекрестного допроса не в силах найти у него уязвимого места, в его рассказе должна быть доля правды, и я стал колебаться. У меня в голове не укладывалось, чтобы это показание, если оно было сплошной ложью от начала до конца, могло устоять перед столь искусным адвокатом».

Вся трудность заключалась в том, что факты, расположенные вне происшествия, заключенного в показании свидетеля, были настолько отдалены от этого события, что всякая связь между ними была устранена. При всем искусстве и находчивости обвинителя он не мог добраться до этих фактов помимо какой-нибудь связующей черты. Единственный очевидец описываемого происшествия был свидетель, стоявший перед судом и старательно отдалявший свой рассказ от всякого другого события в своей жизни и от всяких обстоятельств, допускавших возможность опровержения.

В распоряжении блестящего представителя короны не было данных для перекрестного допроса, а факты, выяснившиеся впоследствии по чистой случайности, казались в то время совершенно невозможными. Факты эти будут указаны ниже; они могут быть занимательны и поучительны для начинающих адвокатов, не знакомых с отчетами о процессах Ортона.

Замечу, кстати, что тот, кто внимательно и вдумчиво ознакомится с этими процессами, не пожалеет о потраченном времени; в них встречаются блистательные примеры адвокатского искусства по всем его отраслям: это кладезь неисчерпаемых сокровищ для тех, кто стремится в первые ряды.

После допроса свидетелей защиты была сделана попытка задержать свидетеля Люи в распоряжении суда; причина этого выяснилась впоследствии. Судьи удалились, но вследствие заявления, сделанного одним из стряпчих государственного казначейства, заседание было возобновлено. М-р Гокинс объяснил, что ему только что было доставлено письмо, предъявляемое им суду, и что в суде находятся двое лиц, могущих опознать Люи. Впрочем, он, м-р Гокинс, никакого ходатайства по этому поводу к суду не имеет.

Просмотрев письмо, милорд верховный судья сказал, что до тех пор, пока не будет заявлено, что это обстоятельство имеет определенное значение для дела, например, что эти лица могут удостоверить, что Люи не мог быть в тех местностях, о которых упоминал в своих показаниях, суд не находит повода к каким-либо распоряжениям со своей стороны. Если в зале суда есть лица, могущие дать существенные сведения о Люи, он здесь, и они могут сами заявить о себе, но суд не считает нужным принимать каких-либо особых мер по отношению к нему.

В следующем заседании защитник подсудимого сослался на то, что со стороны обвинения было сделано заявление о предстоящем вызове двух свидетелей в опровержение показаний Люи.

М-р Гокинс возразил, что заявление было сделано условно, во избежание возможного промедления, на тот случай, если бы оказалось, что в их показаниях имеются данные, изобличающие Люи в уголовном проступке по отношению к настоящему процессу; но, так как он убедился при совещании со стряпчим, что этого не было, он не имеет оснований предъявлять какие-либо требования к суду.

Это обстоятельство вызвало заявление защитника по поводу «скандальной сцены» предыдущего заседания. Защитник утверждал, что неожиданное заявление было подготовлено одним из письмоводителей стряпчего короны с целью произвести противозаконное впечатление на присяжных, что м-р Поллард позволил себе оказать неуважение суду. Было сделано еще несколько заявлений сторонами, и затем лорд верховный судья предложил м-ру Полларду представить суду письменное показание (affidavit) с изложением обстоятельств, вызвавших его распоряжение (о передаче письма обвинителю), и с указанием того, что именно говорили лица, опознавшие Люи, для проверки фактов, на которые ссылалась защита. В акте, представленном

суду во исполнение этого требования, были указаны те данные, которые могли быть удостоверены лицами, опознавшими Люи; лица эти были вызваны в суд и допрошены. Они опровергли все его показания от начала до конца, установив, что он содержался в тюрьме в то время, когда, по его показаниям, находился в другом месте. Он был передан суду и осужден за ложное показание под присягой.

Но не всякому дано быть таким мастером лжи, как Люи, и не всякому адвокату приходится иметь дело с искусным лжесвидетелем. Обыкновенный лжец далек от подобного совершенства в своей роли; далеко ему и до такой пронзительности. Отпустите ему лесу как можно дальше, и вы увидите, что ложь, нанизанная в его показаниях, соответственно увеличится. Одна миля превратится у него в три, если вы внушите ему, что хотели бы сократить ее. Вместо темноты будет «светло как днем», луна будет «сиять ослепительным блеском» в то время, как по календарю ее вовсе не полагается. Один свидетель однажды заявил мне, что не знает, бывает ли лунный свет в ясный июльский полдень. Трудно сказать, как далеко может зайти размашистый лгун при некотором поощрении. Вам, может быть, не удастся изобличить все им сказанное, но такое показание представляет ту выгоду, что преувеличение в большинстве случаев и не требует опровержения. Пусть только он усиливает рисунок и сгущает краски во всю ширь своего вдохновения, и, когда он закончит картину, всякому будет ясно, что это не картина, а нелепость; другими словами, никто не поверит ни единому слову. «Не верь лжецу, хотя бы он и говорил правду». Это старое изречение никогда не устареет настолько, чтобы потерять цену.

Но за свидетельской решеткой может оказаться актер, который не так скоро выкажется в истинном свете. Он может быть тайным врагом истца или ответчика, потерпевшего или подсудимого. Возможно, что, не имея неприязни против главных участников процесса, он настроен самым враждебным образом против какого-нибудь лица, заинтересованного в исходе дела. Если хотите, чтобы ваш перекрестный допрос не пропал даром, вам необходимо выяснить особое отношение этого свидетеля к делу. Помните, что это именно то, что он всеми силами будет стараться скрыть, и как раз то самое, что вам надо найти и изобличить. Если вы будете внимательно следить за ним во время первоначального допроса, вам, вероятно, удастся подметить его слабое место; если нет, надо выяснить его при перекрестном допросе. Говоря об этом, я предложил бы вам одно указание: если вы хотите узнать, что за человек стоит перед вами, следите за движениями его рта; все другие черты лица подчиняются до некоторой степени воли; но рот всегда выдает зоркому наблюдателю душевное волнение допрашиваемого. Все страсти человеческие отражаются в движениях губ и кругом их; и если вы будете задавать свидетелю неожиданные и немного резкие вопросы по тем обстоятельствам, которые всего сильнее влияют на его душевное настроение и служат источником лжи в его показаниях, вы заметите невольные движения рта, которые немедленно выдадут его тайну. Даже борода не может вполне закрыть от постороннего глаза этот удивительный показатель душевного состояния человека.

В своем романе «История двух городов» Диккенс говорит: «Всякая резкая перемена выражения лица у главного актера в сильной театральной сцене в ту минуту, когда на него устремлены глаза зрителей, бессознательно отражается на их собственных чертах».

Если вам удастся направить внимание свидетеля на те факты дела, которые, по вашим догадкам, должны были вызвать в нем сильное недовольство против истца, ответчика или иного заинтересованного в процессе лица, вы по внешнему виду допрашиваемого можете судить о том, насколько справедливо ваше предположение, и, что еще несравненно важнее, после двух-трех вопросов с вашей стороны присяжные также поймут свидетеля; в конце концов вы таким образом выведете его на чистую воду.

Здесь можно сделать еще одно замечание. Если вам удалось изобличить свидетеля, не губите своего успеха — не старайтесь выставить его недобросовестность в чересчур ярком виде. Нет ни малейшей нужды давать ему возможность пройти вторично по уже знакомому пути. Вы получили нужный ответ — берегите его: переходите немедленно к вопросу о других обстоятельствах дела. Если вы будете добиваться того, чтобы свидетель повторил сказанное для вящего впечатления присяжных, он может ввести известное ограничение в свой ответ; весьма вероятно, что он и вовсе изменит его смысл каким-нибудь лживым пояснением своих первых слов. Не открывайте ему случая отделаться от того, что он уже удостоверил под присягой. Это — задача противника, а не ваша.

2. ЗУБАСТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Если перед судом появляется свидетель с решительно закинутой головой и с видом «обстрелянного воробья», выражающим приблизительно такое обращение к вам: «Ну-с, г-н поверенный, я к вашим услугам; пожалуйста, не стесняйтесь», — вы можете быть уверены, что имеете дело с зубастым и искуснейшим существом. Он твердо решил «резать» ответы смело и точно: да или нет, и больше ни слова; при каждом ответе он дергает головой в вашу сторону, как

бы желая сказать: «Раз. Угодно еще?» Впрочем, хотя я и употребил местоимение мужского рода, свидетель этот часто бывает женщиной. Она явилась в суд, чтобы не ударить лицом в грязь перед приятельницами. Накануне, за вечерним чаем, она уже объяснила им, как это делается, и чувствует в себе силу справиться с любым «адвокатским париком». «Дайте срок. Я ему покажу парик!» — вот зловещие слова, написанные на ее лице. И нет сомнения, что все это так и должно быть во всяком другом месте,— только не в судебном зале. Вам надо разбить эту страшную особу, юный друг. Это допрос не на живот, а на смерть, и надо победить во что бы то ни стало.

Не успели вы привстать с места с выражением величайшей, как подобает в таких случаях, кротости на лице, как она уже встряхнула головой. Если бы она собиралась вступить в рукопашный бой с дамским чемпионом любого загородного проспекта, в ее фигуре не было бы более грозной решимости. Кажется, что ее подбородок только что прогуливался по физиономии вашего противника, а теперь сделал остановку у вас на носу: «Выходи, что ли?» Сколько раз любовался я, как один из старых наших адвокатов обращался к такой свидетельнице с любезнейшей улыбкой на устах. Я наблюдал его перекрестный допрос, выражавшийся то улыбкой, то легким покачиванием головы с веселым огоньком в глазах,— он напоминал мне полицейского, обращающего свет потайного фонаря на вора, застигнутого где-нибудь в темном углу; при этом — ни единого слова. Я, конечно, говорю это не в виде примера для начинающих адвокатов. Эти приемы были столь же неотразимы, как и неподражаемы.

Но мне часто приходилось наблюдать и то, как такая свидетельница справлялась с менее искусным бойцом; быстрый ответ с некоторой примесью яда превращает молодого человека в краснеющего мальчишку. Возможно, что дерзкий ответ вызвал смех в публике. Лучшее, что можно посоветовать в подобных случаях,— это, прежде всего, решительно сказать себе, что вы не намерены уступать. Что бы ни случилось, в конце концов победителем будете вы. Но необходимо сохранять самое невозмутимое, благодушное спокойствие и, главное, отнюдь не отвечать свидетельнице. Если вы поддались соблазну ответить на дерзость,— разве бы ваши слова могли уничтожить ее на месте,— вы обнаружите свою уязвимость и покажете, что она сильнее вас. Вступать в пререкание со свидетелем значит лишать себя высокого преимущества, связанного с положением стороны в процессе; кроме того, такие пререкания производят дурное впечатление на присяжных. Вы уже не адвокат, а простой смертный, вступивший в спор с человеком, с которым, по всем вероятностям, вам не справиться. Пререкание со свидетелем не есть допрос; время выводов еще не пришло. Что можно сделать из показания, вы увидите впоследствии; в настоящую минуту задача заключается в том, чтобы навлечь вашими вопросами как можно более благоприятных для вас указаний или опровергнуть как можно больше из того, что было сказано против вас. Рассуждения и выводы будут уместны в речи, а не во время допроса свидетельницы; это даст вам и то преимущество, что она уже не будет иметь возможности изменить свое показание или объяснить его в желательном для нее смысле.

При допросе такой свидетельницы следует старательно воздерживаться от каких-либо резких возражений или попыток «сократить» ее. Следует, напротив того, всячески стараться поддерживать ее самоуверенность и поощрять пышный избыток ее боевой готовности, благодаря которому она несомненно и скоро повредит тем, кому хочет служить. Небольшое поощрение будет в этом случае полезнее всего, что можно было бы сделать, чтобы укротить неуправляемое словоизвержение этой фурии. У вас еще будет случай подчеркнуть присяжным характер ее показания, и тогда самое сопоставление вашего невозмутимого спокойствия с ее неистовой стремительностью покажет им полную ненадежность ее объяснений. Недоверие их к отдельным отрывкам ее показания поглотит, уничтожит и то впечатление, которое успели произвести другие ее части.

Не следует также забывать, что контраст всегда производит сильное впечатление на слушателей. Он вызывает чувство, похожее на удивление, а последнее всегда служит на пользу тому, кто сумел его вызвать.

Возможно, однако, что вам весьма желательно установить то или иное обстоятельство устами именно этой неподатливой свидетельницы, ибо, хотя ее показание не имеет никакой или почти никакой ценности по отношению к стороне, ее вызвавшей, с другой стороны, все, что нам удастся извлечь из нее в вашу пользу, будет тем более убедительно для присяжных, чем сильнее сказалось ее враждебное отношение к вам. Из этого явствует как опасность вызова такой свидетельницы, так и необходимость воспользоваться всеми выгодами, сопряженными с ее появлением на суде. Перед вами дикий зверь, готовый растерзать вас при первой возможности. Идите в обход. Можете быть уверены, что она никогда не даст вам такого ответа, который считает для вас выгодным. Эту свидетельницу можно иногда довести до такого состояния, что она будет отказываться отвечать даже на вопросы, которые кажутся ей благоприятными для ее собственной стороны, из страха, чтобы противники как-нибудь не обратили ее ответ в свою пользу. Необходимо поэтому зорко следить за благоприятным моментом, и, если вы предоставите ей случай особенно удачно «срезать» вас и вызвать смех на наш счет,— опьяненная успехом, она

в вашей власти. Она и упоении от своего торжества; вот когда пришло время для решительного вопроса. Но не спрашивайте ее так, как будто придаете своим словам большое значение,— а скорее так, как будто хотите сгладить свою неудачу и доказать, что смех был неосновательным. Она не в силах следить за своими словами в эту минуту, и, если вопрос предложен в удачной форме, ответ сорвется у нее с бойкого языка прежде, чем она успеет сообразить его возможные последствия. Но, как только получите его, спешите отвлечь ее внимание в другую сторону каким угодно вопросом по самому пустому обстоятельству. Этим указанием я обязан одному уважаемому другу, который считает, что адвокату надлежит изучать адвокатское искусство, и многократно наблюдал этот прием в перекрестном допросе у одного из величайших современных знатоков этого дела. Личные наблюдения мои также подтверждают это указание. Ваша выгода заключается в преждевременном торжестве свидетельницы. Мой приятель сравнил это с выпадом при фехтовании. Прежде чем вы успеете вернуть себе равновесие, противник нанесет вам верный удар.

Вы видели, что ваш противник строго держал ретивую красавицу в поводу; когда допрос будет за вами, отдайте повод, «пустите ее»: «Вы, кажется, сказали моему почтенному другу, что...»

1 В нашем суде стороны бывают очень склонны повторять без нужды вопросы противника. Вообще говоря, этого, конечно, следует избегать; но надо помнить и право, предоставленное каждому законом в ст. 720 Устава уголовного судопроизводства: «Каждая сторона может предложить свидетелю вторичные вопросы в разъяснение ответов, данных на вопросы противной стороны».

3. НЕПОДАТЛИВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Неподатливый свидетель представляет прямую противоположность того, о котором я сейчас говорил. Ему легче покачать отрицательно головой, чем просто сказать: нет. Этим он как будто хочет сказать: «Меня не поймашь. Вот — он, г-да присяжные, а вот вам — я. Я себя подвести не дам». Точно перед ним все время страх, как бы не попасть в лжесвидетели, и он знает, что единственное средство уйти целым заключается в том, чтобы вместо ответов на вопросы кивать или качать головой. Ему кажется, что каждое его слово должно повредить делу, что бы он ни сказал. «Молчишь — не грешишь» — так научили его старые люди.

Как с ним быть? Коль скоро он ничего против вас не показал, вы, разумеется, оставите его в покое,— если только не рассчитываете извлечь из него что-нибудь в свою пользу. Если будете его допрашивать, остерегайтесь внушить ему подозрение, что собираетесь «поддеть его». Большинство свидетелей именно этого и ждут от вас. Свидетель, который в эту минуту стоит перед нами, смотрит на адвоката приблизительно так, как маленький мальчик смотрит на большого, который ласково предложил ему «показать Лондон»; опыт, заключающийся в том, чтобы держать малыша за ноги головой вниз до тех пор, пока изумленный путешественник не завопит, что действительно «увидал Лондон». С таким свидетелем необходима некоторая доля вкрадчивости. Берегитесь только задавать ему чересчур решительные вопросы. Довольствуйтесь маленькими ответами на маленькие вопросы, и вы скоро убедитесь, что ответы нанизаны у него где-то внутри, как бусы на нитке; тяните потихоньку, чтобы не порвать нитку, и все бусы выйдут легко, не причинив пациенту ни малейшего неудобства. У него даже не будет ни малейшего представления о существовании его показания до тех пор, пока он не услышит маленький синтез его в вашей речи.

Этот свидетель не лжет, но он всегда настроен враждебно к вам; вы для него опасный человек, нечто вроде шпиона: он смотрит на вас так, как на скачках посмотрел бы на незнакомца сомнительного вида, старающегося втянуть его в разговор. Понемногу он станет смелее, особенно если вы сумеете доказать ему, что вы вовсе не такой страшный человек, как ему показалось. И лучшее средство укрепить в нем это благоприятное представление заключается в том, чтобы он привык отвечать. Пусть он убедится, что вы задаете только самые простые вопросы, на которые возможны только вполне очевидные ответы, так что кажется едва ли не глупостью и спрашивать и отвечать. «Понятно»,— говорит он на один вопрос; «Разумеется»,— на другой; «В этом нет сомнения»,— на третий и т. д. Тут вы невзначай вставляете вопрос о том, что совсем не «разумеется» и далеко не «понятно», и получаете нужный ответ. Смотрите на него, как на доставленный в суд обломок человеческой породы, из которого при находчивости и умении можно извлечь хотя бы малую крупицу пригодного для вас материала — такую крупицу, какой, пожалуй, вам нигде в другом месте не найти.

Иной раз (и часто) этот свидетель — старик; спор идет о праве прохода. Допустим, что он «старейший старожил». Каковы истинные пружины человеческих поступков? Для него — «уважение к справедливости», вскормленное в нем с детских лет, унаследованное от его отца: «право есть право, и беззаконие никогда не будет правом». Самодовольство, самомнение, воспитанные всеобщим признанием его «поразительной памяти», спокон веку восхищающей

всех, кто его знает: никто из местных людей не знает столько о прошлых делах, как он. Эгоизм, который он считает прямоотой и честной непреклонностью; «независимый характер» — он никому не кланяется и всегда расплачивается чистопробной монетой,— все это слабые места в его кольчуге; если вы не умеете направить стрелу в одно из них, лучше вам повесить лук на стену: из вас никогда не выйдет хороший стрелок. Он ответит на всякий вопрос, если только вы будете обращаться к его удивительной памяти, или если в вопросе сквозит восхищение перед его независимым характером, или сияет та самая «прямота и неподкупная честность», которые, как он искренно верит, нашли в нем свое законченное воплощение, а пожалуй, даже впервые явились миру.

Таковы те приемы, при помощи которых можно смягчить и приручить «неподатливого» свидетеля, подобно тому, как с известным умением можно заставить и более умную Божью тварь, слона, стоять на голове.

4. НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Нерешительный свидетель может быть очень осторожным и добросовестным человеком или величайшим лгуном. Это надо уяснить себе еще до перекрестного допроса. В большинстве случаев нерешительный свидетель бывает озабочен не тем, чтобы ответить возможно точнее на вопрос, а тем, чтобы сообразить, какое значение для дела может иметь его ответ. Такого свидетеля отнюдь не должно торопить; дайте ему хорошенько взвесить то, что он собирается сказать; пусть он сам решит, на которую чашку весов попадут его слова, и вы можете с большой вероятностью рассчитывать, что он сам положит их на вашу сторону. Если так и случится, отнюдь не троньте их. Я говорю это потому, что часто видел, как молодые адвокаты старательно снимают их со своей чашки и перекладывают в другую. Имейте также в виду, что, чем дольше он будет думать, тем затруднительнее будет ему казаться ответ; а если только он недобросовестный свидетель, то такое затруднение его лучшая награда. Если он станет рассчитывать и взвешивать каждый свой ответ, он неминуемо собьется с толку в оценке их возможного влияния на исход дела. И в этой медленности нет ни малейшей опасности; или он много хитрее вас и лучше вас; или рано или поздно вам удастся завести его в неведомую страну, где ему будут мерещиться и великаны, и лешие, и всякая нечисть. При каждом вашем вопросе он будет бросать взгляды куда-то наискось, и ответ его будет в сторону от вопроса. Он часто будет повторять вопрос, чтобы выиграть время. То он не слышал, то не слушает; а между тем он все время прикидывает к весам свои гири, и, надо думать, не одна из них окажется поддельной.

Но не следует ни в каком случае тянуть перекрестный допрос; если между вопросами будут остановки, вы далеко не уйдете. Допрос теряет силу, если ведется медленно. Этому свидетелю следует задавать вопросы с обыкновенной скоростью или, может быть, немного быстрее, чтобы его колебания были более заметны и неудачные ответы еще глупей.

Надо, однако, иметь в виду, что нерешительность свидетелей происходит иногда от их стремления к совершенной точности показаний; в этих случаях необходимо следить за тем, чтобы осмотрительность в выборе слов не вызвала у присяжных ложного представления о степени достоверности свидетеля. И в адвокатском искусстве случается, что буква мертвит там, где живет дух.

5. НЕРВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Нервный свидетель — один из тех, с которыми всего труднее иметь дело. То он молчит, то отвечает сразу на два или три вопроса; нередко один за другим следуют ответы прямо противоположные: и да, и нет, а за ними: не знаю. «Кажется, да... Кажется, нет...» — обыкновенно отвечают они, напоминая этим и ложных и добросовестных свидетелей. Все они любят такие выражения, но по различным и противоположным основаниям.

Будьте мягки в обращении с этим любопытным образчиком человеческой природы. Его надо подбодрить. Толочь его в ступе было бы бесполезно. Представители сторон часто раздражаются и теряют терпение в этих случаях: «Объясните пожалуйста, что вы хотите этим сказать?» — «Вы говорите: и да, и нет; вас понять нельзя». — «Благоволите объяснить г-дам присяжным заседателям, как следует понимать ваши слова». Это совсем не годится, и присяжные обыкновенно с неудовольствием слушают эти жиденькие колкости. Не все адвокаты знают это, и иные из них только вредят своим клиентам подобными замечаниями. Притом сказанная колкость и косвенное заискивание спрашивающего перед присяжными не могут возвратить свидетелю твердость и самообладание. С этим свидетелем, как и со всяким другим, необходимо помнить, что самое незначительное обстоятельство, извлеченное в вашу пользу из его слов, стоит всех усилий, вами на него употребленных. Будьте ласковы с этим свидетелем, как с пугливой лошадью; «погладьте» и ободрите его, дайте освоиться с незнакомым страшилищем, воплощенным в вашей ученой особе. О нервном свидетеле, как и о всяком другом, можно сказать: или надо допрашивать его (перекрестным допросом), или не надо; если надо, не приводите его в такое

состояние, что и самые благоприятные ответы его потеряют всякую цену в глазах присяжных; а вы несомненно кончите этим, если будете запугивать его своей несдержанностью и нетерпением. Старайтесь успокоить его нервное возбуждение, если рассчитываете получить от него что-нибудь в свою пользу; если нет, оставьте его в покое.

Его душевное состояние можно уподобить чувствам мухи, неожиданно убедившейся, что она попала в усадебную черту паука. Положение критическое, и бедное создание было бы радо отделаться одним усердным извинением. Душевное состояние свидетеля при допросе составляет неотделимую часть существа его показания; присяжные заседатели всегда входят в затруднительное положение такого нервного свидетеля и при оценке его показания принимают в расчет его волнение. Надо быть осторожным, чтобы резким тоном или обращением не задеть их сочувствия.

6. ВЕСЕЛЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Веселый свидетель встречается, по большей части, в театральных делах и обыкновенно с нетерпением ожидается публикой; в большинстве случаев он, по-видимому, знает это. Ему редко приходится сказать что-нибудь остроумное, но малейшая попытка его в этом направлении встречается общим смехом. Его поддерживают со всех сторон, а остроумные вещи часто говорит за него судья. Этот свидетель — личность с общественным значением, и ему ни в каком случае нельзя уронить себя во мнении своих горячих поклонников и покровителей. Доведется ему сказать удачное словцо, оно завтра будет в газетах, и театральный мир прочтет о нем за утренним чаем. Не сумеет — пропал «выход». С таким сознанием он останавливается у решетки и окидывает залу взором, в котором написано: «Предыдущий свидетель был не интересен; а теперь начинается представление».

Всякий уже знает, что его слабое место — тщеславие, а сильное — добродушие. Вы очень редко встретите в нем лжесвидетеля, и редко случается, чтобы он старался толкнуть вас в неверную сторону. Он не заинтересован в исходе процесса, а в большинстве случаев бывает свободен и от увлечения, создаваемого партийной солидарностью. Обыкновенно это друг обеим сторонам, как и всему человечеству вообще; он может быть не слишком в ладах с целым светом, но никого «топить» он не собирается.

Предположим, что разбирается иск об убытках от причиненного насилия; вы смело можете рассчитывать на его добродушие; при удачных условиях он иной раз смахнет из дела все основания к иску вашего противника с такой же готовностью, с какой сотрет с грифельной доски список чужих долгов. Будьте безгранично благодушны с ним; забудьте, что ведете судебный допрос. Обращайтесь с ним, как учитель со школьниками после уроков, и увидите, что он прыгнет прямо туда, куда вам нужно, если, как в чехарде, вы подставите ему спину. Он — прямая противоположность свидетеля, склонного к трагическому преувеличению фактов. Он всегда бодр и весел душой, и житейские неприятности кажутся ему сущими пустяками; он не слишком часто встречается с прелестями жизни, но всегда идет им навстречу и верит в них; а разные напасти и невзгоды составляют для него не главные черты житейского пути, а лишь мимолетные случайности, о которых не стоит беспокоиться.

7. ХИТРЕЦ

На хитреца нужна хитрость, юмор был бы напрасной потерей времени; прямые вопросы — не в его духе. Но ради контраста, и только ради этого, прямые вопросы могут быть уместны при его перекрестном допросе по отношению к присяжным. Все честное во внешнем обращении, в тоне, в отдельных выражениях является выгодным контрастом уверенной и лживой игре этого низкого актера и способствует тому, чтобы разбить его. Оно будет служить противовесом его хитрости. Странно, но верно, что никто, будучи, что называется, хитрецом, никогда не умеет скрыть этого от других. Такой хитрец на самом деле совсем не ловкий человек; он считает себя великим лукавцем, старается быть им и пуще всего озабочен тем, чтобы другие считали его таким. Он всегда держится и говорит с таким видом, как будто в его словах и поступках скрывается таинственное глубокое значение, которого при всем умении и проницательности нам никогда не постигнуть. Этот мнимый хитрец, если бы только мог, был бы величайшим обманщиком; на самом деле единственный человек, которого он обманывает, это он сам. Всякий видит, что он старается казаться не тем, что он есть, и делает вид, что знает гораздо больше, чем знает на самом деле. Надо показать этого человека присяжным в настоящем виде, и вы доставите им большое удовольствие, добродушно изобличив обманщика. Из этого, однако, отнюдь не следует, что они совсем отбросят его показания. Они дадут ему должную оценку, и если оно не найдет подтверждения в каких-нибудь других данных дела, не будут слишком верить ему. Если показание будет опровергаться свидетелем, внушающим доверие, или фактом, они вовсе выкинут его. Надо поэтому помочь ему сыграть свою роль и быть самим собой; он будет преувеличивать факты и сгущать краски своей обычной манерой, т. е. заметно для других, не замечая сам, что

никто не верит его извращенному рассказу.

Если вам удастся вызвать как бы нечаянно смех над этим свидетелем, он будет в вашей власти, ибо тщеславие — одна из его сильных пружин; и, хотя он чванится такими свойствами, которыми обыкновенно люди относятся с презрением, он все-таки гордится ими и хочет, чтобы его считали умным человеком. Но чтобы над ним смеялись, как над дураком, этого он вынести не в силах; он потеряет терпение, искусно сочиненное показание, и наглые ответы пропадут втуне. Но надо, чтобы смех казался совершенно неожиданным для вас: чтобы казалось, что он вызван собственным промахом свидетеля, а не искусно подготовлен вами. Мне так часто приходилось наблюдать, как это делали многие из тех, кого теперь уже нет в наших рядах, а равно и те, кто до сих пор стоит за адвокатской трибуной, что я не могу не считать этот прием очень целесообразным. Присяжные всегда рады ему, и, если он проделан искусно, он составляет один из самых забавных эпизодов, сопровождающих появление перед судом свидетеля «хитреца».

Раз человек таким слывет, ему надо поддержать свою славу; разумею, славу, существующую только в его воображении. Он сам своя собственная публика, свой собственный критик, и, если можно на минуту уронить его в его собственных глазах, он выкажет такую же слабость, как истинно великий человек, испытавший неудачу перед своей публикой,— он окажется не в выгодном свете.

8. ЛИЦЕМЕР И ХАНЖА

Лицемерный ханжа занимает не последнее место в ряду свидетелей, допрос которых может доставить немало удовольствия умелому адвокату; допрос этот бывает не слишком труден. Его показание всегда внушено самыми чистыми и благородными побуждениями. Он исполнен желания говорить только одну правду. Нет; и этого мало; он желает говорить без малейшего, хотя бы кажущегося оттенка пристрастия. Его интересы, его чувства ни малейшим образом не затронуты в деле. Ему очень жаль, что не удалось уладить спора при его посредстве, не доводя дела до суда.

Что это за добрый человек! Только безусловная необходимость и требование долга могут заставить вас предлагать такому человеку ваши нескромные вопросы. Допрос кажется чуть не оскорблением и может быть оправдан только тем, что его удивительное бескорыстие и беспристрастие могли бы произвести некоторое впечатление на присяжных и повредить вашему клиенту; волей-неволей вам приходится спрашивать. Нетрудно заметить, что всякий раз, когда этот мошенник подходит к прямой лжи, он начинает вилять. Это так и должно быть: ему кажется, что он честный человек. Поэтому, когда ему надо солгать, у него не хватает смелости: как плохой ездок на охоте, он боится прямо пустить лошадь на изгородь и оглядывается по сторонам, ища лазейки или удобного места, где забор ниже и можно перебраться без прыжка, не рискуя упасть и ушибиться. Когда лицемеру надо солгать, он говорит: «Я не совсем уверен в этом; я бы не решился утверждать это». Но он все-таки переберется на другую сторону, если вы укажете ему место, где это можно сделать. Предложите ему вопрос приблизительно в такой форме: «Могу ли я заключить из этого, мистер Нексниф, что это было так?..» — «Да, пожалуй, что так»,— скажет он,— и он уже взял препятствие (одно из действующих лиц в романе Диккенса «Мартин Чезльвит» — тип ханжи). Вы скоро убедитесь, что всякий раз, когда он не вполне уверен, не поручится, когда ему кажется, он считает, полагает и т. п., он готовится солгать. Сам по себе он уже ложь, не требующая пояснений. Его показание всегда идет у самой межи между истиной и ложью, и нужно внимательно приглядеться к нему, чтобы разобрать, с какой именно стороны. Если он лжет, то лжет так близко к правде, что границы почти не видно; если говорит правду, то она почти совпадает с чертой, где начинается ложь. Но вы можете уничтожить всю силу его показаний, толкнув его то в сторону правды, то в сторону лжи. Его равновесие так неустойчиво, что толчок пальцем уже нарушит его и, если не опрокинет его совсем, то сделает заметными для присяжных смешные усилия, при помощи которых он удерживается от падения. Наиболее действенный прием с таким свидетелем — это убедительный тон и обращение, вроде его собственных, как бы в сознании того, что перед вами необыкновенно хороший и приятный человек, которого никакие пытки не заставят солгать, которого легче разорвать дикими лошадьми, чем побудить поступиться его безупречной честностью. Он слишком чист душой, чтобы не признавать правду, если только вы будете предлагать ему ее в бесконечно малых дозах посредством простых наводящих вопросов, всякий раз с легким намеком на возможность лжесвидетельства, на которое он ни в каком случае не решится.

Этот мошенник верит в две вещи: в религию и в свою собственную доброту. Его вера — стяжательность, которую он толкует, как отражение заботы о нем особого Провидения, а его доброта выражается в пламенном почитании своей собственной особы. Он вполне нравственный человек, но нравственность его основана не на искренней набожности, а на самой жалкой трусости. Он с радостью пошел бы на всякие подлости, если бы не боялся их последствий. В сущности, это жалкий негодяй, который не может похвалиться хотя бы откровенностью своей

подлости.

9. СВИДЕТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ЧАСТЬЮ ГОВОРИТ ПРАВДУ И ЧАСТЬЮ ЛЖЕТ

Свидетель, который частью говорит правду, частью лжет, свидетель, который без лицемерия сознательно прикрашивает одни факты, умалчивает о других и для полноты картины сочиняет подробности в пользу вызвавшей его стороны,— вот опаснейший противник адвоката. Чтобы отделить правду от вымысла в его словах, нужны не только умение, но и пронизательность и терпение. В обращении с показаниями этого рода необходимо тонкое осязание, которое достигается только непосредственной практикой. Опытные адвокаты часто поддаются такой лжи, и даже судьи не всегда умеют отличить ее от правды. Подобно тому, как существуют болезни, для которых нет средств в фармакологии, такой свидетель неуязвим для адвоката, который борется с ним одним каким-нибудь оружием, а иногда и для сильнейшего борца, вооруженного всем, что могут дать природные способности, знание и искусство. Такт, ум, терпение, впечатлительность, пронизательность, опыт — нужно обладать всем этим в высокой степени, чтобы с успехом вести допрос этого свидетеля. И надо помнить, что недостаточно, чтобы вы сами поняли свойства и характер этого показания; этим вы выполняете только половину своей задачи. Остается другая, более трудная: надо представить его присяжным в том же виде и освещении, как представляется оно вам. Присяжные, не умеющие, так сказать, просеять слова свидетеля, не так скоро различат обман, как вы, и не так легко разберутся, где правда и где ложь, когда то и другое искусно перемешано в показаниях ловкого свидетеля этого типа.

Если, однако, вам удалось уловить и изобличить что-либо неправдоподобное или несообразное, вы уже достигли многого. Укажите попытку к обману в любой части свидетельского показания, и вы уже почти, а то и совсем, уничтожили его. Следите внимательно за тем, во всем ли согласованы между собой отдельные части показания; нет ли разноречия между некоторыми из верных и ложных частей; надо выяснить, могли ли достоверные факты существовать одновременно и в связи между собой, надо задавать вопросы о причинах и следствиях; все это дает вам возможность определить, согласуются ли его показания с фактами, установленными другими свидетелями. Виноград не растет на чертополохе, и если вы увидите, что от одной причины происходят различные следствия, вы будете знать, что где-нибудь скрывается ложь.

Присяжные всегда бывают чувствительны к неправдоподобному. Если вы будете предлагать вопросы в этом направлении свидетелю, дающему наполовину правдивое и наполовину вымышленное показание, вам, может быть, удастся найти неправдоподобное в его рассказе. Конечно, многое из того, что сказано о приемах допроса одного свидетеля, применимо и к другим, но возможно, что, помимо разоблачения внутренней несостоятельности и невероятности показания, вам удастся совсем уничтожить его, показав присяжным, что слова свидетеля вообще не заслуживают доверия. Если так, вам нечего допрашивать дальше, если только вы не имеете в виду опровергнуть его объяснения показаниями свидетелей с вашей стороны.

Рассказ этого свидетеля похож на стену со старательно наклеенными обоями. На беглый взгляд случайного посетителя все, казалось бы, сделано безупречно; но внимательный наблюдатель заметил бы, что во многих местах рисунок прерывается, чтобы подойти к размерам и очертаниям стены, несмотря на все искусство, с которым отдельные куски пригонялись друг к другу, чтобы скрыть от глаза их несоответствие. Как целое, стена кажется покрытой непрерывными узорами; но, если взглянуть в подробности, наклейка видна; полного совпадения рисунка быть не может.

Искусный лжец не тот, кто измышляет факты, а тот, кто приспособляет их. Вымышленный рассказ редко обманывает слушателей; но ряд видоизмененных действительных фактов, приспособленных к цели лжеца, часто достигают цели. Величайший лжец тот, кто умеет примешивать как можно меньше лжи к действительным событиям.

10. РЕШИТЕЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Можно указать еще один тип свидетелей; это свидетели «положительные» (преимущественно женщины или люди с женскими свойствами). Как бы она ни ошибалась, такую свидетельницу трудно заставить отказаться от показания, ею данного; но иногда бывает возможно постепенно и понемногу привести ее к тому, что она изменит сказанное или со свойственной ей положительностью будет удостоверять гораздо больше, чем показала вначале; а коль скоро сказано гораздо больше, есть уже шансы на возможность опровергнуть ее слова; иногда они уже сами по себе составляют противоречие сказанному раньше ею самой. Если вы поведете допрос с надлежащей ловкостью, она, по всем вероятностям, будет с одинаковой настойчивостью утверждать два или три таких обстоятельства, которые исключают одно другое. Нет свидетеля, которого было бы труднее вынудить взять назад свое показание, но зато ее легче, чем всякого другого, привести к противоречию с ее собственными словами.

Присяга представляется ей не как средство сдержать ее готовность ко лжи, а как подтверждение ее положительных заявлений,— удостоверение в верности, как голова королевы на поддельном шиллинге. Она без всяких колебаний подтвердила бы под присягой, что Авель первый ударил брата, если бы была вызвана в качестве свидетельницы со стороны Каина. Она всегда стоит за то, что она считает «своей стороной». Не пытайтесь разьяснять ей, что она ошибается. Неосторожный вопрос, вроде следующего: «Как могло это быть?» — вызовет один ответ: «Не знаю, как могло быть; это вам лучше знать; я знаю, что было». Легче уверить уличную собачонку, что лай вышел из моды, чем убедить такую свидетельницу, что ей следовало бы быть осмотрительнее в своих показаниях перед судом.

11. СВИДЕТЕЛЬ «СКЛАДНАЯ ДУША»

Другой тип свидетелей, нередко встречающихся в суде, это — глупые свидетели. Этот тип имеет много разновидностей; я имею в виду обратить внимание читателя на одну из них. Это самый вежливый и любезный человек; он соглашается со всяким, потому что всякому желает угодить. Его общественное положение более отличается скромностью, чем блеском, и судьба не сочла нужным одарить его каким-либо чрезвычайным обилием или глубиной умственных сил для его дальнейших успехов на жизненном поприще. Впрочем, он умеет действовать скребницей или возить тачку.

Если вы считаете, что перед вами свидетель, из показания которого, как из теста, можно сделать все что угодно, вы не ошибаетесь; из теста можно, например, вылепить лодку; но вопрос в том, поплывет ли она? Можете ли вы, применив к делу все свое искусство, сделать это показание полезным для вашего клиента? Вы легко можете заставить этого свидетеля отказаться от всего, что он удостоверил при первоначальном допросе (на вопросы вашего противника); это так же просто, как распустить плетеное или вязаное кружево; но что вынесут из этого присяжные? В большинстве случаев они улыбнутся и подумают: и фокусники же эти адвокаты, особенно при перекрестном допросе! Первый фокусник у них на глазах спрятал в шляпу гуся, а вы вытащили из-под нее попугая. И они одобрительно покачивают головой, довольные доставленным им развлечением: «В театр ходить не надо». Но они все-таки знают, что видели гуся, и, если им будет предложен вопрос, кто сидел под шляпой, решение будет: гусь (слово «BOO5C» (гусь) в разговорном языке производит приблизительно такое впечатление, как у нас сказанное очень ласково слово «дурак»).

Другими словами, нет никакого смысла добиваться прямых противоречий в показании такого свидетеля. Присяжные отнесут одну половину ваших успехов на счет вашей ловкости, другую — на счет его глупости; и если не будет каких-либо иных поводов для сомнения, они примут за верное первоначальный рассказ, посмеявшись над его ответами при перекрестном допросе.

У этого свидетеля есть свое слабое место,— он робеет. Предположим иск о самовольном пользовании и порче лошади. В исковом прошении значится, что ответчик без разрешения владельца оседлал его лошадь и проехал большое расстояние вскачь; лошадь вернулась запаленной и испорченной совершенно. Ответчик возражает, что имел разрешение от истца ездить на его лошади, когда тот ею не пользовался, и взял лошадь в силу этого разрешения; утверждает, что ехал обыкновенной рысью, что лошадь не запалена и проч. «Складная душа» вызван со стороны истца, у которого служит конюхом; он показывает, что конюшня оказалась отпертой, лошади нет. «Никому он коня не выводил, а глядит, конь идет весь в мыле, ровно запаленный».

«Складная душа» не столько озабочен служением истине, сколько желанием угодить всем и каждому кругом; он «понимает обхождение» и не желает делать неприятностей никому; а более всего опасается, чтобы его как-нибудь не прогнали с места. Он сунулся было раз помирить Ивана Иванова с женой, так теперь знает и в чужие дела носа не сует; кабы не повестка, разве он пошел бы на суд? Вы спрашиваете:

- Вы говорили, была хорошая погода?
- Точно так.
- Не так, чтобы очень сыро?
- Да, не слишком сыро.
- Сыровато, так сказать; пожалуй, и парило?
- Именно, что парило.
- При такой погоде у лошади может быть сильная испарина?
- Чего-с?
- Испарина. Вспотеет лошадь.
- Вспотеет! О, это обязательно; как не вспотеть.
- Лошадь стриженная или нет?
- Никак нет.

- Могла вспотеть.
- Маленько могла закуриться.
- Могла закуриться. Вы, кажется, тоже иногда не прочь закурить?

«Складная душа» так смущен вашей шутливой любезностью, что все лицо его расплывается в тумане; видно только, что он улыбается самым почтительным образом.

- Кажется, курите, или, может быть, я ошибаюсь? — Как можно больше любезности; он щедро заплатит за нее. — Не курили ли вы трубку, когда пришел хозяин?
- Как будто курил.
- А не говорил ли он, что жалеет, что позволил ответчику брать лошадь, потому что ответчик шалая голова и туда заедет, что его и не сыщешь. Посади нищего на коня, он поскачет... к черту. Ну, мы нехороших слов повторять не будем. Говорил это хозяин?

«Складная душа» все еще улыбается в тумане; он начинает щипать себе подбородок.

- Говорил или не говорил?
- Как будто что-то такое сказал.
- То самое, что я говорю, или нет?

Что говорил, а чего и не говорил. Судья:

Чего же, собственно, он не говорил? «Складная душа» забыл вопрос.

Поверенный ответчика:

- Про шалую голову говорил?
- Это говорил.
- И что очень жалеет?.. — Да как же не жалеть...
- А решились ли бы вы утверждать, что он не говорил, что напрасно разрешил ему брать лошадь, — может быть, не этими самыми словами, но в этом смысле? Можете вы утверждать, что он ничего подобного не говорил?
- Уж не знаю, как сказать, говорил или не говорил. Нам тоже лгать не приходится, — отвечает «складная душа».
- Вы, пожалуйста, не думайте, свидетель, что я требую от вас его подлинных слов; я только спрашиваю: вы сказывался он в этом смысле или нет?
- Прирожденная вежливость «складной души» не в силах устоять перед столь любезным допросом; он нежно поглаживает себя по подбородку и произносит:
- Может быть, и говорил.

Это далеко не исключительный образец показаний типа «складная душа». Но подобный допрос не достигает цели. Присяжные вернутся к его первоначальному показанию, отбросив ответы, получаемые такими приемами.

Мне часто приходилось убеждаться в этом на суде при допросе робких и глупых свидетелей. Задача заключается не в том, чтобы заставить такого свидетеля наговорить всяких пустяков, противоречащих его первоначальным словам. С умным человеком такие ответы действительно свели бы на нет все показание. Не то с глупцом. Показание «складной души» слабо в самой своей сути; оно, как вьющееся растение, не в силах держаться без внешней помощи, и, если вы были внимательны, вы заметили, с какой заботливостью пришлось выгонять его отпрыски вашему противнику; стебелек очень нежный и тщательно подвязан к палочке. Вам надо убрать палочку. Не надо вырывать растение с корнем. Это показание не есть то, чем кажется. Дайте присяжным понять это, и вы сделаете все, что нужно (для пояснения своей мысли автор сравнивает этот допрос с некоторыми приемами игры в крикет. Отрывок этот не поддается переводу).

Поговорите со свидетелем, как добрый приятель, спросите о том, о сем в разъяснение разных частей его показания; разговор будет самый приятный; вы оба очень довольны друг другом. Пора разойтись; вы прощаетесь с приятным собеседником, чтобы опуститься на свое место, и в эту минуту вам нечаянно приходит в голову вопрос:

- Конь-то теперь — ничего, ходит?
- Что ему делается? Ходит, как раньше ходил.

В этом примере предполагается, что только последние слова свидетеля соответствуют действительности: всякий без труда догадается, что в делах этого рода так же просто изготовить у лошади запал, как в известных отраслях торговли изготавливается «старинный фарфор».

Искусство заключается в том, чтобы задержать вопрос, на который вам нужен прямой ответ, до того времени, когда свидетель будет в подходящем для этого ответа настроении. Приятели всегда бывают любезны друг с другом при прощании.

12. ПОЛУПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО

Человек полупрофессиональных занятий есть также тип свидетеля, заслуживающий внимания. В сущности, это во всем половинчатый человек. Это полубогомолец и полуразвратник,

полутрезвенник и полупьяница, он полуправдив и полулжец; слова его положительны, добродетели относительны.

Мне рисуется маленький, худой старичок с высоким, узким лбом и отвисшей губой: его рот искривлен в надменную гримасу; он не терпит возражения. Он носит *pinse-nez* и внушительно помахивает им в воздухе, отвечая на вопросы сторон; когда он хочет уклониться от прямого ответа, он снимает его и надевает одной рукой, прикрывая этим от вас свое лицо. Перед этим господином как будто всегда висит какой-нибудь чертеж или план; он называет себя землемером, хотя на самом деле держит контору похоронных процессий.

Это большой знаток по части брандмауэров, пограничных знаков, старых каналов и заброшенных сточных ям. Ни одно дело о сносе построек не может обойтись без него, как в немецком оркестре не может быть гармонии, если нет ее первого условия — тромбона. Можно даже сказать, что, не будь этого почтенного господина, вероятно, не было бы и самого иска; в его лице слились воедино жадный ябедник и назойливый смутьян.

В объяснениях этого господина так и пестрят всевозможные архитравы, контрфорсы и т. п. технические термины. Своим *pinse-nez* и грозными словами он мог бы доказать все, что угодно, в любом процессе, если бы не перекрестный допрос. Он представляет из себя сочетание всех тех свойств, из которых образуется лжесвидетель,— он говорит правду и лжет, он непреклонен в своих суждениях, он резонер, он умен, хитер и вежлив. Вам никогда не удастся настолько вывести его из себя, чтобы он солгал, или убедить его сказать правду. Его достоинство несокруσιμο; его честные намерения никто никогда не отнимет у него.

Как же быть с перекрестным допросом человека, вооруженного всеми несравненными добродетелями лицемера-ханжи и всей притязательностью ученого?

Его слабость — упрямство в суждениях. Ему легче пожертвовать истиной, чем отказаться от своего мнения. Заведите его в эту сеть, и он в вашей власти.

Если вы станете доказывать, что его мнение не заслуживает уважения, потому что он не имеет официального звания землемера, вы ничего решительно не достигнете. Упрек, брошенный человеку только на том основании, что на его знаниях нет казенного ярлыка, всегда вызывает неудовольствие у присяжных: в их собственной среде почти наверное есть и самоучки и люди, пробившие себе путь к успеху без чужой помощи (англ.). Поэтому, если вы начнете с вопроса вроде такого: «Скажите, свидетель, вы ведь, собственно, не землемер?»,— им будет казаться, что вы оскорбляете его. Вопрос и на самом деле нелепый во всех отношениях: если он понимает дело, присяжные не станут рассуждать о том, где и как он ему научился. Пусть мистер Х. неземемер в глазах людей патентованных; его объяснения от этого не пострадают, если только они верны; а если они неверны или нелепы, они ничего не выиграют, будь он ученейшим из всех ученых землемеров.

Надо думать, что всякий обыкновенный человек мог бы сделать то, для чего вызван мистер Х. Всякий сумел бы сказать, сколько черепиц не хватает на крыше, сколько выбито окон, сколько в доме дверей без петель. Но, при каких бы условиях ни появился этот свидетель, спрашивайте его о фактах, и вы скоро увидите, знает он свое дело или нет. Если вы сами не понимаете того, о чем спрашиваете, он будет бить вас нещадно на каждом шагу; если у вас есть немного знания, вы очень скоро сумеете измерить глубину его невежества.

Вы ничего не потеряете, подкрепив решительность его мнения разумным, но не слишком сильным возражением. Этот худенький старичок с белым галстуком и туго накрахмаленным воротничком и упрямым лбом умеет защищаться. Он сорок лет ведет борьбу в местных общественных собраниях. Он напоминает Веллингтона на границе Тоггез Уесьгаз. Его невозможно разбить, ибо если последнее слово и не останется за ним, неправым будет все-таки не он, а вы.

Он стоит перед судом со своим *pinse-nez* в одной руке и компасом в другой, со своим вечным планом перед глазами и толкует о границах владения какого-нибудь учреждения, якобы захватившего часть земельного участка истца. Он говорит об уклоне здания, о том, что уклон этот вызван негодным фундаментом, который никогда и не мог быть прочным, что в самое недавнее время несомненно должно было произойти оседание, вызвавшее новый уклон, и т. д.

Если вы предложите этому ученому человеку какой-нибудь вопрос об убытках, понесенных истцом в настоящем случае, один взмах циркуля ясно выразит вам его полное беспристрастие: он нимало не заинтересован исходом процесса. Он ничего не знает об убытках; его клиент садовник, а он, полуученый, не имеет ни малейшего представления о том, что стоит капуста. Он мог бы сказать вам, во сколько обошелся бы мост через английский канал, но говорить о капусте! ...И пока этот старичок стоит перед судом за своей решеткой и твердит, что фундамент был недостаточно углублен и непрочен, он с вашей помощью расскажет присяжным, что в его глазах взгляды всех современных ученых не стоят медного гроша; ему нет дела до того, что стена простояла по крайней мере сто лет в том самом виде, в котором находится и теперь. Он будет настаивать на том, что надземные части сооружения (не скупитесь с ним на длинные

слова) были прочны, иначе они не могли бы простоять так долго. И хотя он соглашается с заявлением других о том, что в стене нет ни одной трещины, он все-таки будет отстаивать свое мнение с еще большим упрямством, чем прежде, потому что так должно было быть, коль скоро стена, как он утверждает, имеет уклон в несколько вершков; и когда его заставят признать, что эта стена замыкается в круг без единой трещины, он скорее готов поверить, что кирпичи растягиваются или гнутся, чем допустить, что его показание может произвести такие же свойства ради интереса его клиента. В конце концов из его показания явствует одно из двух: или стена была первоначально возведена в том виде, в каком находится в настоящее время, или каждый отдельный кирпич каким-то непостижимым образом вытянулся и выгнулся. Таково было показание, данное таким полуученым свидетелем в одном недавнем процессе.

В представлении свидетелей этого типа, лучшее правило, как для некоторых людей в политической деятельности, состоит в том, чтобы смело утверждать то, что отрицают другие.

13. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (полицейский надзиратель К)

Далеко не редкий свидетель на суде — это представитель власти. Он занимает разные должности, является в разных видах, но это виды одного типа, не похожие на других.

Это может быть младший чиновник какого-нибудь гражданского ведомства; возможно, что он служит в военном министерстве, в морском управлении или, как в настоящем случае, это может быть полицейский чиновник. Он состоит на действительной службе и службе государственной. Какой-нибудь железнодорожный служащий никогда не мог бы усвоить той внушительной наружности, которая, наряду с невежеством, бывает свойственна «правительствующему чину». Директора английского банка — не более как простые смертные перед этим «чином», и единственный человек, приближающийся к его достоинству и важности, это знаменитый и бессмертный мистер Бёмбль (общинный надзиратель в романе «Оливер Твист»). Предположим, что в числе свидетелей вашего противника находится старший надзиратель полицейского околотка; он непременно должен быть важным свидетелем. Он вызван, чтобы удостовериться то, что было сказано подсудимым «в его присутствии»: это присутствие шести с половиной футов вышины и соответственных размеров в ширину. Разбирается дело о краже из банка; подсудимый — человек с видным общественным положением и большой семьей. При таких условиях важность правительственного чина возрастает до чрезвычайности. Вам приходится считаться не только с правительственной властью, но и с чиновной наглостью, подкрепленной чиновным невежеством.

Неопытный адвокат, естественно, кажется ничтожеством перед столь значительной особой; и каковы бы ни были приемы его нападения, эта крепость в человеческом образе уже испытала на себе не одну подобную атаку и готова выдержать осаду вопросов хотя бы от старейшего ветерана судебного боя.

Прием, усвоенный служебным чином для того, чтобы с успехом отразить перекрестный допрос молодого адвоката, заключается в том, чтобы обрушиться на него со всей тяжестью своей чиновной наглости. На вопросы испытанного адвоката он отвечает резко и громко, тоном унтер-офицера, обучающего неуклюжих новобранцев; пуская в ход свою сокрушительную силу, эта исполинская куча власти заносит голову над казенным галстуком и застывает с явно выраженными на лице словами: «Угодно получить еще?»

Если допрос ведется сведущим и опытным адвокатом, особенно если это старший адвокат, «чин» держится со снисходительной любезностью, как человек, готовый устроить вам аудиенцию у короля, если только это возможно, т. е. если Его Величество в настоящую минуту у себя дома. Я скажу для ясности, что эти должностные лица признают, что Старший занимает положение не ниже полицейского инспектора (одна из рядовых должностей. Звание Старший в высшей степени почетное).

Послушаем объяснения «чина» при первоначальном допросе. Многие из моих товарищей узнают в нем старого знакомого.

- Вы старший надзиратель околотка О?
- Я!
- Вы арестовали подсудимого?
- Я!
- Где это было?
- На пароходе «Андалузия», перед отходом его в Америку.
- Вы узнали его тотчас, как только заметили?
- Моментально.
- Что вы сказали ему?
- Я сказал: «О! вот вы где!» Я не помню наверное, сказал ли я: «Вот вы где» или: «А! вы вот где, мистер Бриге»; но, если милорд разрешит мне заглянуть в мои

заметки...

При слове «милорд» свидетель поворачивается в сторону председателя и несколько смягчает свой тон. Малоопытный Джонс (защита):

- Позвольте, позвольте! Какие заметки?
- Мои заметки.— Свидетель бросает на защитника уничтожающий взгляд.

Джонс:

- Они сделаны вами на месте?
- Моментально, сэр (с иронической усмешкой; свидетель смотрит в свою записную книжку). Вот оно. Виноват, милорд; я выразился не совсем точно. Я сказал: «О! так вот вы где!», а не: «Вот вы где», как я сейчас доложил суду. Джонс:
- Я очень прошу вас быть внимательным, мистер.
- Я очень внимателен, сэр.

Судья:

- Кажется, да.

В зале раздается смех; смеются все, кроме чина, который вытягивается во весь рост и по-прежнему поражает убийственными взглядами покрасневшего молодого защитника.

- Расскажите, что было дальше?
- Разрешите заглянуть в мои заметки?

Он отлично знает, что никакого разрешения не требуется, если только его показание допустимо вообще; но он обращает этот вопрос к председателю таким тоном, как будто Джонс целый час притеснял его самым непозволительным образом, не давая говорить.

Обвинитель:

- Конечно.

Пылкий и малоопытный Джонс:

- Позвольте! Вы сделали ему предостережение?

Свидетель (с кротостью):

- Разумеется.

Джонс:

- Вы хотите сказать... Обвинитель (с нетерпением):
- Доложите суду, в каких словах сделали вы предостережение подсудимому?

Краснеющий Джонс умолкает, покрытый позором! Воплощенная наглость искоса бросает на него озлобленный взгляд: «На этот раз, голубчик, мы, кажется, тебя прикончили! Впредь не сунешься».

Свидетель:

- Я сказал (свидетель следит за пером судьи): все, что вы скажете, будет мной записано и будет оглашено на суде.

Председатель одобрительно кивает головой, «чин» перекидывает кивок защите с утроенной силой, сопровождая его презрительной усмешкой.

После этого свидетель читает вслух свои заметки, и обвинитель спрашивает: «Сколько времени были вы с ним?» «Чин» отвечает: «Около часа».

Как вести перекрестный допрос такого господина? Мой ответ: как ни велик шар, он все-таки лопнет, если накачать в него больше газа, чем он может вместить. Он уже надут сознанием своей служебной важности; вы можете вздуть его высокомерие еще и еще, можете сделать его властное обращение нестерпимым для присяжных; его наглость перед лицом суда дает им надлежащее представление о том, в какой мере должен был подчиняться его нравственному давлению и издевательствам арестованный им подсудимый.

Его великолепная точность — наглый обман: цель этого обмана заключается в том, чтобы каждое слово его показания признавалось непреложной истиной. Вследствие этого такой свидетель менее чем всякий другой способен выдержать искус перекрестного допроса. Вы можете довести его до белого каления, если ему будет казаться, что вы не хотите признавать его показания, и можете одурманить его самодовольством, отпуская ему это средство в умеренных дозах. Кончится тем, что свидетельская решетка окажется тесна для его величия; присяжные увидят его несоразмерность с простой действительностью, и чем больше будет он выказывать притязаний на их безусловное доверие, тем с большим сомнением будут они смотреть на него, — конечно, при условии, что его право на доверие основано на степени его правдивости, которая не слишком велика. О нем можно повторить то, что Карлейль сказал о другом лице, очень на него не похожем: он не лжет оттого, что в нем слишком мало правды, чтобы выкроить из нее искусную ложь.

Его «внушительная краткость» — дешевый товар. У него нет той тонкости, без которой служебное достоинство вырождается в оскорбительность, а власть возвращается в первоначальную форму своего проявления — грубую силу. Его принадлежность к существам высшего порядка громко выражается при всяком соприкосновении его с теми низшими

существами, которых в его представлении он призван не столько охранять, сколько «держать в порядке». Но за свидетельской решеткой он не в силах скрыть свойственную ему смесь раболепства с наглостью. Тип этот не ограничен составом «полицейского корпуса»; он встречается повсюду, где невежество бывает облечено властью.

14. ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Каждому, кто ведет защиту в уголовном деле, приходится иметь дело с показаниями полицейских; этот род показаний встречается в уголовных судах чаще, чем всякий другой. И на этот раз я начну с обычного совета: если можно, не троньте их. Это опасные люди. Это профессиональные свидетели, притом профессиональные по преимуществу, какими другие свидетели быть не могут. Их показания в большинстве случаев имеют стереотипный характер. Каждый из этих вымуштрованных, «исполнительных и дельных» людей десятки раз давал ответы на все обычные вопросы в суде. Не воображайте, юный друг, что вам удастся подставить ему ногу на пробитой дорожке, по которой он ходил годами. Он издали заметил вас у себя на пути, и по всем вероятностям сам пойдет вам навстречу. Вас, может быть, еще и на свете не было, когда уж он отвечал на только что изобретенный вами вопрос. Он знает заранее и следующий вопрос, если вы не лучше рядовых товарищей ваших по четвертным сессиям.

Но попробуйте предложить ему в виде опыта что-нибудь, хоть немного отступающее от привычных вопросов. Он уже смотрит на вас так, как будто у него солнце в глазах. Он не видит, куда вы метите, и надо удержать его против солнца, если вы хотите добиться чего-нибудь от него. Я не хочу даже отдаленным образом обвинять его в недостатке уважения к святости присяги, но должен сказать, что, если он сообразит, куда клонится ваш вопрос, шансы будут против того, чтобы вы получили от него нужные ответы или получили их в наиболее желательной для вас форме. Он считает, что в его обязанности входит «срезать» вас, и если вы не получите ответа, которого не хотите получить, это, вероятно, произойдет оттого, что полицейский так же молод и неопытен, как и вы.

Чтобы достигать цели, вопросы, обращаемые к полицейскому, должны быстро следовать один за другим. Его мозги приспособлены к свидетельской решетке, но они ходят в очень тесных пазах; они передвигаются, как и сам он, медленно и тяжело по отведенной им борозде; двигаются медленно, потому что приучены к этому; они не могут или, по крайней мере, не должны поспевать за вашими. Нельзя допускать, чтобы он угадывал внутреннюю связь между вашими вопросами, если это не входит в ваши расчеты. Если вы спросите, была ли ночь очень темная, и темнота не имеет никакого отношения к существу дела, он приступит к размышлению (по способу, изобретенному в Управление лондонской полиции) о цели вашего вопроса и о возможных последствиях своего ответа. В то время, когда он будет погружен в эту мозговую работу, спросите его врасплох о том, что действительно важно для вас; прервав нить его размышлений, вы, по всем вероятностям, получите нечто близкое к нужному ответу.

Полицейские многое знают по делу и во многое верят. Трудно бывает справиться и с первым, но надо быть крайне осторожным, чтобы не получить очень много второго. Если вы толкнете свидетеля на рассказы о том, во что он верит, его показание будет так похоже на действительность, что присяжные примут его за правду. Хорошо, если оно на самом деле не превратится в факт (в представлении присяжных), пока вы будете добираться до него.

- Что вы сказали подсудимому, когда задержали его? — спрашивает Джонс, сгорающий желанием проявить свою строгость и умение в перекрестном допросе.
- О! — говорит дельный и исполнительный человек, — я забыл доложить об этом суду, милорд (он всегда обращается к председателю с некоторой доверительностью); прошу извинения, милорд; я сказал: «Это что же такое, Сайке (громила и убийца в романе Диккенса «Оливер Твист»)? А кто зарок давал: семь лет отсидел за последнее дело; будет с меня — теперь работать стану. Видно, опять за старое?».

Можем поздравить ученого защитника с неожиданным успехом.

Если только вы заранее не уверены в ответе, никогда не спрашивайте полицейского о нравственных качествах подсудимого. Подсудимый может быть отличным человеком, но у полиции столь высокое мерило в этом отношении, что под него ни один подсудимый никогда не подойдет. Лучше, что он может сказать о подсудимом, это, что он «пока ни в чем не замечался». Мне часто приходилось слышать, как судьи делали выговор полицейским за подобные ответы и спрашивали, известно ли им что-либо в пользу подсудимого. Если человек сказал что-нибудь в пьяном виде и вы спросите полицейского: «Он был ведь сильно пьян, не правда ли?» — свидетель ответит: «Он вполне сознавал, что делал, сэр».

Вообще бывает опасно спрашивать этих свидетелей наудачу. Вы почти всегда получите не тот ответ, которого ждете. Есть иной, менее опасный путь. Постарайтесь привести свидетеля вашими вопросами к противоречиям и к неправдоподобному; не забывайте при этом предоставить ему удобный случай отрицать какое-нибудь обстоятельство, которое вы

впоследствии можете установить с несомненностью. Старайтесь изобличить своими вопросами предубеждения свидетеля, установить, что он не имел возможности видеть то, о чем говорит, и не забывайте, что манера допроса имеет не меньше значения, чем предмет его, и что иногда молчание бывает несравненно важнее того и другого.

Полицейский констебль, вообще говоря, не стоит ниже общечеловеческого уровня. Многие из его ошибок объясняются тем, что судьи низших инстанций обыкновенно считают, что он должен быть огражден безусловным доверием к его правдивости. Естественным последствием этого является его ошибочная уверенность в своей непогрешимости.

15. ПРАВДИВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Некоторые думают, что самый трудный перекрестный допрос — это допрос правдивого свидетеля. Не могу не сказать, что я не вполне разделяю это мнение, ибо я всегда считал его самым легким из всех. Говоря о правдивости свидетеля, я не хочу сказать, что его показание должно непременно соответствовать истине. Если бы это было так, не было бы никакой нужды подвергать его перекрестному допросу. Под правдивым свидетелем я разумею такого, который верит, что говорит правду, и желает говорить ее. Допрос его легче других потому, что он не говорит двусмысленно и не уклоняется от ответов. В его словах нет скрытого смысла, он отвечает с готовностью и без умолчания. Он хочет сказать суду все, что знает,— и я исхожу из предположения, что добросовестность его не подлежит сомнению.

Первое, что надо выяснить при допросе такого свидетеля, это — нет ли у него бессознательного пристрастия или сильного предубеждения по существу дела. Для этого достаточно одного, двух вопросов, высказанных в тщательно подобранных словах, если только отношение свидетеля к делу не выяснилось уже при первоначальном его допросе. Предположим, что перед нами священник и спор идет о том, что известное увеселительное заведение надлежит закрыть вследствие неправильных действий владельца или потому, что нарушает общественную нравственность. Он с достаточной правдивостью передает вам то, что видел, и с негодованием или с пафосом говорит о растлевающем влиянии заведения на местных обывателей. При своем первоначальном показании он, вероятно, будет говорить в общих выражениях, не упоминая об отдельных случаях, но, если вы будете внимательно следить за ним, вы можете выяснить, не рисуются ли в его представлении какие-либо отдельные примеры распущенности или разврата. Я вовсе не хочу сказать, что вам следует навести его на рассказ о таких случаях; само собой разумеется, что вы будете тщательно избегать этого; но, если он не упоминал об отдельных примерах, вы можете с успехом привести его к резкому осуждению всех увеселительных заведений подобного рода. Если вы поведете его осторожно, он пойдет за вами с необыкновенной послушностью. Я видал выдающихся старых адвокатов, пользовавшихся этим приемом с блестящим успехом. Человек, который относится к известным фактам с огульным осуждением, не может внушить присяжным большого доверия по отношению к своему показанию об отдельном, данном факте того же рода, особенно в тех случаях, когда показание его не столько касается самого факта, сколько его оценки. Но и факт может быть представлен таким свидетелем в столь сильных красках, что вызовет смех вместо негодования. Мне довелось однажды слышать на четвертных сессиях, как один почтенный и набожный господин заявил судьям, что следовало бы запретить танцы в публичных зрелищах, потому что они лишают порядочных людей возможности иметь хороших горничных. Один священник заявил суду, что двое лиц позволили себе низкий, отвратительный поступок; его спросили, что они сделали; он торжественно ответил: «Я видел, как молодой человек держал девушку за руку и поцеловал ее». Его спросили, не приходилось ли ему во дни молодости делать то, что сделал этот мужчина; свидетель отказался ответить и среди всеобщего хохота прибавил: «А эта девушка была учительницей воскресной школы». Когда же и это обстоятельство не произвело ожидаемого им в простоте душевной эффекта, он бросил на весы в качестве последнего доказательства безнравственности поступка тот факт, что как он думает, этот молодой человек ухаживал в то время за другой молодой женщиной.

Предположим, что правдивый свидетель вызван по делу об уличном столкновении повозок и дает положительное показание о том, что видел. Слишком очевидно, что вам надо установить перекрестным допросом с точностью, в каком положении находился свидетель во время события, момент, в который он заметил происшедшее, условия, благоприятствовавшие или мешавшие его наблюдениям, то время, в которое его внимание было впоследствии вновь обращено к событию, что было при этом сказано, каким образом напомнили ему о происшествии,— словом, вы должны проверить прочность его памяти и точность его в передаче фактов. Можно почти наверное сказать, что его показание окажется в противоречии с показанием кого-нибудь из других свидетелей, столь же правдивого, но не менее подверженного ошибкам, или с какими-нибудь существенными и, может быть, бесспорно установленными обстоятельствами происшествия, и при всей его добросовестности все показание его может быть

совершенно разбито.

Правдивый свидетель иногда бессознательно придает ту или иную окраску событию, если имеет близкое отношение по родству или дружбе к одной из сторон: это очень важно иметь в виду при перекрестном допросе правдивого свидетеля.

Часто случается (и за этим всегда надо следить), что при первоначальном допросе остается невыясненным такое обстоятельство, при наличии которого все событие получает совсем другой характер, и надо заметить, что это обстоятельство может существенно изменить смысл

факта в глазах присяжных, хотя бы в оценке свидетеля оно до конца осталось лишенным всякого значения. А так как вы никогда не можете угадать, что может в каждую отдельную минуту повлиять на присяжных, то можно сказать с уверенностью, что установить вам следует все, что только не может вам повредить. Часто бывает в высшей степени важно выяснить личный взгляд свидетеля на передаваемые им факты. Бывает, что он совсем не понимает, к чему ведет его собственное показание, и передает факты в совершенно ложном освещении, способном только ввести слушателей в заблуждение, ошибочно принимая свои выводы из них за самые факты. Это в особенности случается с показаниями, касающимися научных вопросов или вообще представляющими личные мнения свидетелей; люди заключают от суждений к фактам, и обратно, от фактов или предполагаемых фактов к суждениям. Причина смерти являлась предметом бесчисленных ошибок и ложных выводов. Люди часто не умеют различать причины и следствия. Мнения образуются по слухам, по догадкам о фактах, а на суде те же мнения являются уже как доказательства действительности этих же фактов. С особым вниманием надо в этом отношении следить за свидетелями-врачами. Их показания бывают часто применением той или иной теории, и они очень настойчивы в своих суждениях. Они принимают ту или иную сторону и приходят к различным и противоположным выводам не совсем по тем же посылкам, но по различному пониманию посылок или вследствие различных точек зрения на них. Нетрудно понять безграничную разницу между тем, образуют ли эти свидетели свои суждения на основании фактов или начинают с предвзятой теории, под которую затем подгоняют факты.

Правдивый свидетель часто вводит слушателей в заблуждение тем, что слишком заботится о точном повторении слышанных им слов, забывая о том, передают ли они по своему смыслу то самое, что он хочет сказать, или тем, что приводит факты, не зная о каком-нибудь предшествовавшем факте, который мог бы дать совсем иное толкование тому, что им удостоверено.

Только знание «света» или выяснение источника добросовестной ошибки могут дать успешный перекрестный допрос при таких условиях.

16. ВРАЧ

Один недавний процесс может служить блестящим примером для суждения о ценности медицинских заключений, когда они не основаны на фактах, неопровержимо доказанных или признанных сторонами.

Одна женщина обвинялась в недостаточном питании девочки, имевшем последствием смерть. Несколько свидетелей удостоверили, что жили в «приюте», где умерла девочка; что их кормили плохо, одевали в тряпки, полные насекомых, и жестоко секли. Начальница приходской школы, полицейский чиновник и один из служащих по общественному призрению также подтвердили, что содержание в приюте было неудовлетворительное. Вслед за ними явилась научная экспертиза, на которой главным образом и было основано обвинение (уголовное преследование было возбуждено от имени короны). Один из самых выдающихся лондонских врачей заявил суду, что ему известны обстоятельства дела и что он читал удостоверение (здесь, видимо, разумеются данные полицейского дознания, а не судебного следствия). Из этого отрывка видно, что в Англии нет тех существенных различий в порядке допроса экспертов и свидетелей, какие существуют у нас) о том, что смерть девочки и нескольких других детей произошла от болезни, называемой «сухотка кишок». По медицинской терминологии это была очень редкая болезнь; эксперту никогда не приходилось наблюдать три случая смерти от болезни в одном доме за три месяца; по наблюдениям его практики, он приходил к несомненному заключению, что пища, дававшаяся детям, была, безусловно, недостаточна для поддержания жизни и должна была привести к роковому исходу. (Это, конечно, несколько похоже на тавтологию, но, может быть, это научно.) По его мнению, болезнь и смерть произошли всецело от негодной пищи и недостатка питания и тепла; он утверждал, что девочка умерла от голода.

Что может быть яснее заключения ученого врача и лучше материала, положенного в основание его экспертизы, если только это действительно были свидетельские показания? К сожалению, однако, оказалось не то. При перекрестном допросе он признал, что научное заключение его было основано «исключительно на том, что он слышал об обстоятельствах дела, а не на данных, лично ему известных по отношению к настоящему случаю». Другими словами, он

присвоил себе обязанности и права присяжных, которые одни были призваны сказать, убедились ли они по обстоятельствам дела в том, что смерть произошла от негодной пищи и недостатка питания и тепла.

Привожу показания другого врача в этом же процессе, чтобы показать, как опасны могут быть самые расчетливые вопросы при перекрестном допросе даже в тех случаях, когда показания, данные свидетелями при первоначальном допросе, оказались совершенно ничтожными. Этот свидетель удостоверил, что, когда дети были взяты из приюта, их платье оказалось совершенно непригодным для защиты от холода и они казались истощенными, видимо, от недостатка питания. При перекрестном допросе защитник спросил его, приходилось ли ему посещать квартиры бедного рабочего люда. Он ответил утвердительно. На этих словах надо было опустить занавес. Они не предвещали ничего хорошего; но допрос продолжался, и врач сказал, что «нигде и никогда не видал такого постельного тряпья, как в этом приюте».

Я вовсе не хочу сказать, что адвокат, предлагавший эти вопросы, достоин порицания, хотя бы с точки зрения самого строгого критика, ибо самый опытный человек не в силах непрерывно следить за каждым своим словом и предугадывать всякие возможности, а в настоящем случае, конечно, нельзя было ожидать последовавшего ответа. Можно только сказать, что знакомство почтенного врача с обитателями бедняков было весьма ограничено, если ему не приходилось наблюдать грязи, нищеты и голытьбы в самом отвратительном виде. Вопрос не был ошибкой, но он вызвал ошибочный ответ; такие случайности бывают со всеми, не исключая и самых талантливых людей.

Перекрестный допрос врача-эксперта

В деле Пальмера, где шел спор о том, произошла ли смерть Парсонса Кука от травматического или идиопатического столбняка или от столбняка, вызванного приемом стрихнина, причем все улики подтверждали смерть от стрихнина; один добросовестный врач высказал мнение, что смерть последовала от судорог, не вызванных какими-либо органическими пороками, но развившимися на почве сифилиса. На самом деле Кук умер от столбняка, причиненного стрихнином.

Для начинающих в нашей профессии может быть полезно привести здесь перекрестный допрос эксперта в этом процессе генерал-атторнеем сэром Александром Кокбурном. Этот эксперт был вызван со стороны подсудимого и, основываясь на некоторой собственной медицинской теории, давал заключения, прямо противоположные мнениям первых ученых того времени. Я привожу этот допрос отчасти в подтверждение моего указания на безусловную необходимость установить степень достоверности фактов, принимаемых в соображение свидетелем или экспертом при его объяснениях суду, но также и потому, что считаю этот случай одним из лучших образцов перекрестного допроса при медицинской экспертизе у нас в Англии.

Генерал-атторней. По данным вскрытия, легкие покойного не были отечны. Эмфизема бывает двух родов: она выражается или в расширении клеточек, или в их разрыве. При смерти животных от стрихнина наблюдается эмфизема. Я не знаю, какого рода эмфизема была обнаружена у Кука. Я упустил из виду спросить об этом врача, удостоверившего данные вскрытия.

Вопрос. К каким органическим расстройствам относите вы причину, вызвавшую столбняк?

Ответ. Ни к каким.

В. Не является ли тот факт, что покойный страдал сифилисом, одним из главных оснований вашего вывода о причине смерти?

О. Да. Я полагаю, что он умер от судорог, вызванных совпадением нескольких болезненных явлений.

В. Какие имеются у вас основания предполагать, что он был подвержен сильному возбуждению и угнетенному состоянию духа?

О. Тот факт, что после выигрыша скачки он в течение трех минут не мог говорить.

В. Есть и другие основания?

О. М-р Джонс удостоверил, что он был склонен к припадкам угнетенного душевного состояния. Сильное душевное возбуждение вызывает такое состояние мозга, последствием которого через некоторое время являются судороги. Я думаю, что д-р Бамфорд ошибается, утверждая, что мозг был в совершенно нормальном состоянии.

В. Можете ли вы утверждать это вопреки мнению д-ра Девеншира и д-ра Герланда, которые присутствовали при вскрытии?

О. Мое заключение основано частью на данных полицейского дознания, частью на свидетельских показаниях. При том состоянии, в котором находились мозг и весь организм Кука, я считаю вполне возможным появление судорог, вызвавших смерть. Я не допускаю смерти его от апоплексии. Он находился под влиянием морфия. Я не хочу сказать, что смерть произошла от морфия, последний мог содействовать другим причинам, вызвавшим судороги. Я считаю, что при его возбужденном состоянии приемы морфия едва ли были своевременны.

В. Но можете ли вы утверждать под присягой, что он находился в возбужденном состоянии, когда был в Руджли? (местечко, где умер Кук)

О. Я пришел сюда, чтобы честно высказать свое заключение. Морфий, данный при болезненном состоянии мозга, часто приносит вред больному.

В. Но какие у вас данные для того, чтобы утверждать, что мозг действительно был в болезненном состоянии?

О. На это часто указывает общее болезненное состояние человека. Я не знаю, был ли припадок в воскресенье ночью судорогами или нет. Я считаю, что это был такой же припадок, как и во вторник, когда последовала смерть, но менее сильный. Я не думаю, чтоб у него были судороги в воскресенье, но он был в том состоянии, за которым часто наступают судороги. Я думаю, что он ошибался, заявляя, что проснулся от шума. Я считаю, что у него был бред. Это один из признаков, на которых основано мое заключение. (Не слишком надежный вывод.) Всякое раздражение кишок вызывает судороги с характером столбняка. Я наблюдал такие случаи у детей, но не видел этого у животных. В научной литературе имеются указания на такие случаи. Мне неизвестно, чтобы такие судороги носили какое-либо особое название.

В. Приходилось ли вам наблюдать такой случай, когда при судорогах этого рода, окончившихся смертью, больной до последней минуты оставался в сознании?

О. Нет, когда эпилептический припадок кончается смертью, сознания уже не бывает. Мне известны четыре случая травматического и пять или шесть случаев идиоматического столбняка.

В. Вы слышали из показания м-ра Джонса, какими признаками отличались припадки Кука: «Проглотив пилюли, он стал громко кричать и опрокинулся навзничь в постели со страшными корчами. Он сказал: "Поднимите меня, я задыхаюсь". Судороги были во всех мускулах его тела и сопровождалась ооченением членов. Я пытался поднять его при помощи Пальмера, но это оказалось невозможным, потому что его члены одеревенели. Когда Кук заметил, что мы не можем поднять его, он просил меня повернуть его. Он был при этом в полном сознании. Я повернул его на бок. Я прислушался к его сердцу. Оно постепенно ослабевало, и я просил Пальмера принести нашатырного спирта, чтобы дать его больному как возбуждающее. Когда он вернулся, биение сердца уже постепенно останавливалось, жизнь погасала. Спустя самое короткое время он умер вполне спокойно. Опрокинувшись на спину в постели, он сжал руки, и они остались сжатыми после смерти. Когда я растирал ему затылок, его голова и затылок были неестественно запрокинуты назад под влиянием судорожного сокращения мускулов. После смерти тело его было так скрючено или согнуто, что, если бы я положил его на спину, оно опиралось бы на постель только головой и ногами». Я прошу вас указать в этом описании какой-либо определенный признак, который отличал бы его от судорог при столбняке.

О. Это вовсе не столбняк; не идиоматический столбняк.

Генерал-атторней. Я совершенно согласен с тем, что это не идиоматический столбняк; но я прошу вас объяснить, в чем вы усматриваете различие этих признаков от признаков обыкновенного столбняка.

О. Я не знаю такого различия — за исключением того, что в случаях столбняка мне никогда не приходилось наблюдать, чтобы ооченение членов продолжалось до момента смерти и после нее.

В. Можете вы указать нам определенный случай смерти от судорог, при котором больной до смерти сохранял сознание?

О. Я таких случаев не знаю. Судороги, наступающие после приема яда, суть именно судороги при столбняке.

Генерал-атторней. Сэр Вениамин Броди сказал нам, что, пока судороги продолжаются, между теми, которые вызваны стрихнином, и теми, которые бывают при обыкновенном столбняке, различия нет и что различие заключалось в последующих симптомах. В чем же, по вашему мнению, заключается различие между столбняком, вызванным приемом стрихнина, и обыкновенным столбняком?

О. Судороги в руках не так сильны; общее действие спазма слабее в обыкновенном столбняке. Притом судороги продолжаются до конца. Я сказал уже, что это болезнь, продолжающаяся днями, столбняк от стрихнина — часами и минутами; конвульсивные подергивания — первый признак при отравлении стрихнином, последний — при столбняке; действие столбняка на руки и ноги сказывается позднее, чем на прочие части тела; стрихнин, напротив, прежде всего влияет на конечности. Я высказал это после показания свидетеля Витама о припадках женщины, умершей в Лидсе, и настаиваю на этом различии. Я никогда не говорил, что Кук умер от идиопатического столбняка. Я думаю, что это вовсе не был столбняк, ни в той, ни в другой форме. Его припадки отличались от признаков столбняка при отравлении стрихнином теми признаками, которые я уже указал.

Генерал-атторней. Повторите их.

О. Прежде всего, неожиданный приступ судорог.

В. В каком отношении неожиданный?

О. Неожиданный после того, как больного подняли на постели. Затем, сохранившаяся способность речи.

В. Разве вам неизвестно, что г-жа Смит до самой смерти сохранила сознание и способность речи? (В деле г-жи Смит была установлено, что смерть произошла от стрихнина, что ее последние слова были: «Поверните меня».)

О. Она действительно сказала что-то вроде этого. Это, конечно, и были ее слова. Я считаю, что при столбняке от отравления признаки прежде всего бывают заметны в ногах. При производившихся мной опытах над животными первыми признаками были подергивание в ушах и затрудненное дыхание.

В. Когда в первую ночь Кук почувствовал окоченение членов и затруднительность дыхания и сказал, что задыхается, разве это не были признаки, предвещавшие столбняк?

О. Он просил, чтобы ему натерли тело; но, насколько я могу судить по моим опытам над животными...

Генерал-атторней. Они, конечно, не могут просить, чтобы им натерли тело. (Смех.)

О. Не было ни одного случая, чтобы животные позволяли себя тронуть.

В. Разве г-жа Смит не просила натирать ей руки и ноги?

О. Она просила об этом до наступления судорог; а потом натирание сделалось невозможным; она просила, чтобы ее не трогали.

В. Можете ли вы указать какой-нибудь пункт после признаков, возвещавших столбняк, в котором признаки настоящего случая отличаются от признаков столбняка при стрихнине?

О. Да. Больной не может двигать челюстями и потому не может глотать.

В. Но вы сказали ведь, что сведение челюстей есть последний из всех признаков, наступающих при отравлении стрихнином.

О. Да. Я и не отрицаю возможности этого. Я указываю общее правило. В деле г-жи Смит оно наступило очень скоро, более чем за два часа до смерти, причем припадки продолжались два часа с половиной. В этом случае мы предполагаем, что доза яда была повторена четыре раза. Можно было бы, вероятно, установить химическим способом присутствие яда во внутренних тканях, но я не делал таких опытов, за исключением одного случая с животным. Я не уверен, что в этом случае яд был введен через рот. Мы отравили четырех животных при опытах по поводу смерти г-жи Смит и каждый раз находили стрихнин в содержимом желудка. В одном случае мы вводили яд двумя различными способами; один оказался успешным, другой не удался.

По отношению к мнениям врачей сэр Александр Кокбурн сказал: «У врачей следует спрашивать мнения только на основании предположения, что известные признаки были налицо».

Я привожу эти слова в подтверждение того, что медицинские заключения должны были бы опираться не на ту или иную теорию, приспособленную к фактам отдельного дела, а теория должна быть выведена на основании установленных фактов. Даны известные признаки или, как я называю их, факты, и научное заключение должно быть основано на них, и только на них.

Научное определение понятия «синяк»

Очень многое из того, что называется медицинским заключением, не есть медицинское заключение в каком-либо ином смысле слова, кроме того, что оно высказано медиком; в этом смысле показание женщины можно было бы назвать «показанием женского рода». Многие из того, что суд выслушивает из уст врачей, могло бы очень часто быть несравненно лучше высказано обыкновенными людьми. «Я обнаружил значительный кровоподтек под левой глазной впадиной, вызванный экстравазатом крови под кожицей»,— сказал молодой врач в одном деле о нападении с насилием. Барон Брамвель:

- Вы, вероятно, хотите сказать, что у потерпевшего был синяк под глазом?
- Ученый эксперт:
- Вот именно, милорд. Барон Брамвель:
- Может быть, если бы вы сказали это простым английским языком, г-да присяжные скорее бы поняли вас.
- Именно, милорд,— сказал ученый врач, видимо, восхищенный тем, что судья понял его слова, и принимая укор за похвалу.

Если вы смотрите на простой факт сквозь призму научной терминологии, он обыкновенно представляется в извращенном виде. На синяк, поставленный под глазом, можно взглянуть, как на незначительное зло, и присяжные могут оправдать; когда им говорят, что у пострадавшего найден «экстравазат крови под левой глазной впадиной», они смотрят на виновника этого ужаса, как на чудовище, не заслуживающее ни малейшего снисхождения.

О несомненном в медицине

Один известный адвокат, говоря о легкости, с которой врачи иногда делают свои заключения, рассказал мне случай, бывший несколько лет тому назад в Англии. Одна женщина, состоявшая в сожительстве с неким торговцем, неожиданно исчезла из своего села. Ее любовник

заявил, что она уехала в Америку. Спустя некоторое время в саду ее дома нашли человеческий скелет. Кости были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, и врач немедленно признал в них останки пропавшей женщины. Вывод его был основан на том, что у найденного скелета не хватало одного зуба и что он несколько лет тому назад выдернул такой же зуб у пропавшей. Ввиду этого заключения против сожителя ее было возбуждено уголовное преследование, и он был предан суду. К счастью, еще до суда место находки скелета было подвергнуто новому осмотру, были произведены раскопки, и в том же саду вырыли еще скелет, другой, потом и третий, и еще несколько. Это вызвало сомнение в том, кому принадлежали первые найденные останки, а дальнейшее расследование выяснило, что сад раньше служил кладбищем. Нечего прибавлять, что уголовное преследование, возбужденное властями с большой решительностью, было столь же решительно прекращено.

Мне припоминается случай, когда показание одной учительницы было уничтожено одним вопросом, предложенным при перекрестном допросе. Это была несомненно правдивая женщина, пришедшая в суд для вполне добросовестного рассказа о том, что ей было известно. Ее дочь, возбуждая уголовное преследование, обвиняла подсудимого в изнасиловании. Показание этой девушки по некоторым случайным обстоятельствам представлялось неопровержимым или по крайней мере слишком внушительным, чтобы можно было подорвать доверие к ней. Она отрицала все, что могло набросить невыгодную тень на ее поведение, и настаивала на всех обстоятельствах, говоривших против подсудимого. Мать ее была вызвана в удостоверение того, что девушка заявила обвинение против подсудимого тотчас после происшествия. Ее спросили, не заявляла ли в прежнее время дочь таких же жалоб против других мужчин. Свидетельница ответила: «Как же нет! (Она постоянно жаловалась то на одного, то на другого, что ее изнасиловали; я потому и заявила на этого, чтобы был пример другим; чтобы не смели больше ее трогать)». Чтобы получить столь счастливый для защиты ответ, надо было знать не только какими словами, но и каким тоном задать вопрос свидетельнице.

В другом деле при таком же обвинении мать спросили, что именно сказала ей дочь о происшедшем; она передала обстоятельства, при которых обвинительница подверглась насилию (подсудимый был ее хозяином). При перекрестном допросе ее спросили: «А вы что сказали?»

- Я-то? — возразила свидетельница.— А что было говорить?
- Вы очень рассердились, вероятно?
- Конечно, рассердилась.
- И что же вы сказали?
- Я спросила, дал ли ей что хозяин.
- Денег?
- Разумеется.
- А она что?
- Она говорит: нет.
- Ну а вы?
- А я говорю: срамник! Посадить его за это надо.— И послала за полицейским.

Я мог бы привести еще немало примеров того, как много можно сделать одним умело рассчитанным вопросом, но, полагаю, сказанного достаточно, чтобы показать, что, как маленький ключ открывает большую дверь, так и самое незначительное обстоятельство (хотя бы только неосмотрительный ответ) иной раз разрешает самую запутанную задачу, созданную сплетением фактов на суде.

17. ЩЕТИНИСТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

«За этого свидетеля мне придется взяться самому,— говорит старший,— с ним надо быть осторожным». Почтенный адвокат, как видно, знает, кто перед ним стоит. Может быть, ему пришлось допрашивать его по другому случаю и проиграть дело.

С ним «мудрено» потому, главным образом, что он инстинктивно предрасположен перечить каждому на каждый вопрос. Соседи скажут вам, что он ни разу в жизни ни с кем и ни в чем не соглашался, если только была малейшая возможность спорить. Скажите ему: «Славная погода, г-н Рычало»,— он ответит далеко не ласково: «Дождь собирается». Заметьте вы в самом дружественном тоне, что на дворе тепло, он язвительно скажет: «Не так уж тепло; вчера куда теплее было-».

Как подойти к нему, никто не знает. Не удивительно, что приходится старшему приняться за допрос: надо действовать очень тонко. В заметках стряпчего значится что-то о споре между бережливыми владельцами; а может быть, между каким-нибудь водяным и местными общинными властями. Может быть, это выяснится из показаний свидетеля.

Он поднимается к решетке, стуча подошвами сапог, подбитых подковными гвоздями; над присяжными возвышается большая голова с плоским красным лицом и малым заостренным носом. Он оглядывается вокруг себя с таким видом, как будто ищет, с кем бы завязать драку, потом

выпяливает глаза в сторону председателя.

В эту минуту до слуха его доносится мягкий, грустный голос: «Вы, кажется, уже много лет знаете этот водосток, г-н Рычало?» Это голос старшего.

В тоне этого вопроса слышится неотразимо трогательная убедительность; на лице спрашивающего играет почти ангельская улыбка — почти.

Г-н Рычало поворачивается в сторону спрашивающего; его громкое ворчанье звучит еще грубее после ласкающего тона вопроса; он опускает кулак на решетку и отвечает:

– Вовсе нет!

Вслед за тем он делает полуоборот в сторону присяжных, как бы говоря: «Раз!» За этим предполагаемым возгласом следует предполагаемое предостережение в сторону почтенного адвоката:

– У меня с этими штуками далеко не уедешь, будьте покойны!

– Мне казалось, что вы должны его знать,— кротко произносит старший с уже покрасневшим лицом.

Мне кажется, ваши сведения не совсем точны,— немедленно вставляет поверенный противной стороны. Поощренный этим, Рычало начинает мотать головой с таким видом, как будто собирается ею лягнуть.

Старший заглядывает в свои заметки и шепотом спрашивает вручившего их ему стряпчего.

– Это и есть Рычало?

Стряпчий вскакивает в сильном волнении, делает несколько судорожных движений и с невероятной быстротой произносит:

– Он самый, он; осторожно; я вам говорил; страшно трудно, необычно трудно; как можно осторожней, как можно мягче; единственный свидетель.

– Тише, тише, не волнуйтесь,— успокаивает его старший.

Ему разъяснили, что это действительно Рычало; теперь надо разъяснить это самому Рычало. Старший говорит:

– Так вы — г-н Рычало?

– Я-то? — произносит тот с некоторым сомнением в голосе.

– Ну да, вы или нет? — спрашивает старший, на этот раз не без некоторой иронии, потому что в зале стоит хохот, хотя смеяться нечему; но председатель сам подал пример.

– Допустим, что я. Что ж из этого будет?

– Свидетель, предлагаю вам отвечать на вопросы г-на поверенного. Мы так никогда не кончим,— говорит председатель.— Пойдем дальше, г-н Рычало; я надеюсь, что мы скоро пойдем друг друга.

Это говорится таким вкрадчивым голосом, какого вы никогда не слыхали; почтенный адвокат достиг совершенства в этом обращении во дни давно, давно минувшие и в более сладкие минуты.

– Что же? Я готов,— произносит свидетель, хватаясь за решетку с таким видом, как будто следующий выстрел угрожает сбить его с ног.

– Вы знаете этот водосток с некоторого времени, не правда ли?

– Знаю, да не весь.

– Не весь? — повторяет старший. Судья разъясняет недоразумение:

– Видите ли, м-р, этот свидетель в высшей степени точный свидетель; вы спрашиваете, знает ли он этот водосток, и он естественным образом предполагает, что вы разумеете все его протяжение, потому он и говорит: «Нет, не знаю»; «Знаю, да не весь».

Рычало кивает головой и скалит зубы с торжествующим видом.

– Ну хорошо, г-н Рычало; но ту часть, которая вам знакома, вы ее очень давно знаете?

– Нет, не очень давно,— говорит Рычало,— лет двадцать, а может, и двадцать два; еще мальчишкой знал.

– Ну, вот видите,— говорит старший; в нем опять проснулись надежды.— Вот мы и добрались, куда надо. Теперь все пойдет ладно.

– А этого я не знаю,— возражает свидетель.— Я прав ду должен говорить.

– Хорошо, хорошо, г-н Рычало. Скажите, пожалуй ста, известно ли вам такое время, когда этот водосток шел в другом направлении, чем теперь?

– Очень известно.

Эти слова произносятся очень громко. Свидетель бросает в сторону спрашивающего злобный взгляд. Поверенные ответчиков потирают руки и качают головой: «Сами видите: мертворожденное дело». («Я вам говорил, что с ним надо быть осторожным»,— шепчет

стряпчий.)

- Подождите, сэ, подождите; не прерывайте допроса,— возражает старший,— так нельзя.

Он наклоняется в сторону стряпчего: «На кой вы привели этого свидетеля? Он нас топит».

- Где это было, что сток шел в другом направлении? — спрашивает он у свидетеля.
- Где было? — повторяет Рычало.
- Да, сэ, где это было? Не виляйте со мной, сэ, по трудитесь отвечать. Вы для того вызваны судом, чтобы показывать правду, и я добьюсь ее.— Старший как будто начинает горячиться.
- Да я уже сказал,— говорит Рычало.
- Это ваш свидетель,— говорит вполголоса поверенный ответчиков.
- Где это было, что сток шел в другом направлении?
- Он шел вкось через луг сквайра Стукки; а потом сквайр отвел его вдоль луга к углу Фэрмайль и пустил по соседнему болоту вниз к...
- Да помилуйте, свидетель, ведь это несколько миль от нашего участка. Это совсем не то.
- А я в этом не виноват. Как было, я так и говорю. Мне скрывать нечего.
- Да выслушайте же меня, сэ. Скажите, вдоль сада истца, разве этот сток не шел всегда там же, где и теперь?

Судья останавливает поверенного. Это наводящий вопрос. Почтенный адвокат сделал маленький промах; он немного — самую малость — раздражен бестолковыми ответами свидетеля.

Я вас спрашиваю, где шел сток, и не сойду с места, пока не получу ответа, хотя бы пришлось стоять тут целый день. Вы вызваны сюда, чтобы давать показания суду, и обязаны отвечать; здесь не место шутить. Шел он так, как идет теперь, или шел в другом направлении?

Как где шел, так и шел.

Не имею вопросов! — восклицает старший, окончательно выбившись из сил.

Вот свидетель для перекрестного допроса, юный друг; и это не слишком трудно, если иметь в виду два-три простых правила.

Дайте простор его крючкотворству; его уклончивые ответы пригодятся вам; за каждым его словом скрывался определенный ответ: и если бы поверенный истца сумел до него добраться, он мог бы что-нибудь сделать; он, в сущности, придирается к словам, как придираются иногда законники.

Если вам нужно, чтобы он удостоверил факт, спросите так, чтобы он дал нужный ответ наперекор вопросу: не забывайте, что этот человек «отродясь ни с кем ни в чем не соглашался». Вы знаете, что он не пойдет за вами; так наложите ему все, что нужно, на спину: он будет пятиться и втащит на гору самую тяжелую ношу, только бы не сделать шага вам навстречу.

Если вы повторите вопрос, на который он случайно дал поверенному истца благоприятный ответ, он ответит вам решительным отрицанием того, что ранее признавал: он считает унижением согласиться с мнением другого человека.

- А ведь вы, кажется, говорили, что это было так и так, г-н Рычало?
- Никогда я этого не говорил! — Он придирается к какой-нибудь незначущей разнице в словах.

Судья, взглядываясь в свои заметки:

- Насколько помню, вы показывали именно так, г-н Рычало. Сейчас посмотрим — вот оно: вы утверждаете, что не говорили этого; мы должны восстановить ваше показание.

Поверенный ответчиков:

- Простите, милорд, здесь, видимо, произошла ошибка.
- Ну, так это вы ошибаетесь,— заявляет свидетель,— а не я.

И этого достаточно: его показание уничтожено,— ничего больше ему тащить на гору не приходится. Поверенный имеет полное основание сказать стряпчему: «Угораздило же вас выставить такого свидетеля! Он провалил дело».

18. КАТОРЖНИК

Представляется далеко не лишним сказать, что если в качестве свидетеля вызван человек, осужденный за тяжкое преступление, то нет смысла подрывать доверие к его показанию на основании его опороченного прошлого. Молодой адвокат всегда готов ухватиться за это; соблазн, конечно, велик. Но нечего идти на приступ, когда крепость сдана. Перед вами человек, коего полное нравственное падение признано и оглашено; было бы излишней жестокостью напоминать ему каждую ступень его на пути разврата и преступлений; среди присяжных это могло бы только вызвать некоторое сочувствие к нему. Они сами сумеют учесть показание такого свидетеля; но они также знают (и это именно то, что вам не следует забывать), что последний

негодяй не лишен способности говорить правду. Мне случалось видеть каторжников, которые своими ответами на вопросы поверенного умели вызвать в присяжных расположение к себе и предубеждение против адвоката.

Такие обращения к присяжным, как: «Кто поверит присяге такого негодяя?» — суть жалкие остатки давно устаревших адвокатских приемов. Ответ на это — поверит всякий, потому что он дает показание против такого же низко павшего человека, присяги не принимавшего, и в этом показании заключаются те или иные улики; поверит, если вы не опровергнете этих улик; а этого, как бы вы ни старались, вы никогда не достигните личными нападками.

Он, может быть, покажется присяжным столь же малопривлекательным, как и вам; но подсудимый может оказаться еще менее привлекательным; и когда им приходится выбирать между двумя негодьями, из коих один — за свидетельской решеткой, а другой — за решеткой подсудимых, они в большинстве случаев отдадут предпочтение первому: он, хоть на этот раз, служит государству.

Личные нападки в вопросах сейчас же переходят в оскорбления; и если только свидетель обладает ловкостью, свойственной большинству профессиональных преступников, он окажется сильнее вас и будет «резать» вас, сколько захочет. Я так часто наблюдал это, что предлагаю здесь читателям не отвлеченные соображения, а просто факты.

Нет большего заблуждения, как думать, что человек, отбывающий наказание за совершенное им преступление и дающий свидетельское показание на суде, не может заслуживать доверия ради своего прошлого. Вы убедитесь, напротив того, что появление его вызывает некоторое сочувствие к его положению. Присяжные будут тщательно взвешивать его объяснения, и внимание их, естественно, сосредоточится на том, что в них покажется вероятным. Если вам не удастся подорвать его показание в этих частях, ваши постоянные напоминания о его преступном прошлом пропадут без следа.

В его положении соображения, побудившие его к даче показания, не могут внушать доверия. Допустим, что он руководится местью. Что из этого следует? Если мстительность не отразится на его показании, в усилении красок или в преувеличении, она останется незамеченной присяжными, и это нимало не поможет вам. Его показание может быть основано на расчете освободиться от законной кары (соучастник, изобличающий своих товарищей по преступлению, так называемый свидетель короны, в некоторых случаях освобождается от наказания), но и это обстоятельство не имеет большого значения. В обоих случаях вам все-таки придется считаться с приведенными им уликами; присяжные видят их, и надо разбить их или выслушать решение в пользу вашего противника.

Но если под влиянием скрытых побуждений он искажает факты, и искажение очевидно или весьма вероятно, тогда можно устранить из дела его свидетельство. Тогда, собрав вместе его запятнанное прошлое, возможные побуждения, преувеличенные или лживые объяснения, противоречие и вероятность, вы можете бросить их на весы против наружно правдивых частей его показания. Присяжные будут смотреть на него, как на рынке смотрят на плута, у которого оказались одна или две поддельные монеты среди других, с виду настоящих. С ним не торгуют не потому, что у него нет настоящих денег, а потому, что все, какие есть, кажутся подозрительными.

Повторяю, вам надо считаться не с личностью, а с показанием такого свидетеля. Несчастье остается несчастьем, в чем бы ни был его источник: в избытке добродетели или зла; и жестокость остается жестокостью, кто бы ни страдал от нее: святой или грешник. Чтобы справиться с ловким негодяем, нужно умение, а не крик.

19. СЫЩИК ПО ПРИЗВАНИЮ

Сыщик по призванию принадлежит, строго говоря, к свидетелям профессионального типа. Здесь, в противоположность предыдущему примеру, необходимо помнить, что значение его показания будет зависеть целиком от нравственной оценки его личности в глазах присяжных. Если оно вполне беспристрастно, с ним очень трудно справиться на перекрестном допросе; но если этому свидетелю постоянно приходится давать показания на суде по своим профессиональным занятиям, его слова уже допускают сомнение. То, что делается каждый день, иногда делается машинально, не задевая работы рассудка.

«Я применил,— говорит свидетель,— обычные способы исследования и не нашел следов яда». Никому и в голову не приходило, пока это не обнаружилось перекрестным допросом, что эти следы были созданы самим испытанием.

Существуют профессиональные свидетели, и не подозревающие того, что от их слов зависит жизнь человека, его семейное благополучие, его имущественное благосостояние. Они видят только научный интерес дела.

Остерегайтесь любителя частных дознаний. Его занятие не внушает сочувствия, но его показания еще не много теряют от этого. Если вам удастся установить перекрестным допросом, что он живет тем, что создает дела, а потом является в них свидетелем, вы сделаете все, что

нужно, не причинив ему особой обиды. Вам надо только оживить краски его показания, и, при некотором умении, вы придадите его картине тот блеск, которым поражают нас чудеса искусства, продаваемые на толкучке, где вы можете получить пастушка в красных штанах и пунцовом камзоле с густейшими тучами на великолепнейшем небе, все это в готовой золоченой раме, за полтинник.

Когда любитель частных розысков объясняет вам, что делал свои наблюдения посредством буравчика и острого взгляда, видел сквозь замочную скважину то, что происходило за дверью, или чутким слухом расслышал то, что говорилось шепотом за каменной стеной, как будто скрывшиеся за ней шептались только для того, чтобы выдать ему свою тайну, этого будет достаточно, чтобы показать присяжным, что он обладает пламенным стремлением к истине, но еще не достиг совершенства в ее изображении. Об этом говорят пастушок и тучи своим великолепием.

Я всегда восхищался поразительной смелостью этих господ и их верой в человеческую простоту. Они считают, что всякий готов поверить в чудеса, явленные нарочито для того, чтобы содействовать их расследованиям.

Категорическая определенность показаний этого свидетеля составляет один из козырей в вашей игре; другой козырь — это совершенная невозможность ошибки с его стороны: просто потому, что присяжные не признают человеческой непогрешимости в телесном мире. А если свидетель и не причисляет себя к непогрешимым существам, они все-таки не поверят ему. Обстоятельства, при которых доброволец-сыщик сделал свое открытие, представляют хороший материал для упражнения вашего искусства. Для него подозрение есть почти виновность, и почти каждое обстоятельство в его глазах подозрительно.

Разительным примером такого частного дознания по подозрительным фактам может служить дело об одном сапожнике, обвинявшемся в поджоге с целью получения страхового вознаграждения. У него была маленькая лавка, состоявшая из одной комнаты и расположенная отдельно от других строений села.

Днем он работал в этой мастерской, а на ночь, уходя домой, запирает ее. Находившийся в лавке товар стоил около 50 фунтов стерлингов, но был застрахован на сумму 70 фунтов. Однажды ночью, после его ухода из мастерской, в ней показался огонь, и происшедший пожар уничтожил часть товара на сумму около 12 фунтов. Полиция прибыла на место, но никаких подозрений против хозяина лавки не было. Он не мог объяснить причину пожара; никто не мог проникнуть в лавку, ибо ключ был у него.

Рьяному полицейскому нужен преступник; он находит следующие улики:
во-первых, страховой полис, взятый хозяином в самый день пожара;
во-вторых, запах парафина в лавке;
в-третьих, увоз из лавки ящика на квартиру матери подсудимого в день пожара;
в-четвертых, показание глухого человека, слыхавшего слова подсудимого: «Надо же было вам видеть, как я выносил ящик; полиция уже подняла тревогу».

Эти подозрительные обстоятельства объяснялись следующим образом. Страховая премия была уплачена подсудимым за несколько месяцев до пожара; в день пожара он зашел в контору страхового общества по другому делу, и один из служащих сказал ему: «Захватите, кстати, ваш полис».

Парафин употреблялся для освещения мастерской и для чистки мебели; в самый день пожара мебель чистили парафином. Тряпка, употреблявшаяся при этом, лежала на одном из ящиков магазина; от нее и шел запах.

В день пожара в мастерской топился камин.

Ящик, отвезенный к матери подсудимого, был ее собственностью; она просила, чтобы сын вернул его ей; было доказано, что ящик был пуст.

Глухой свидетель не выдержал перекрестного допроса, несмотря на то, что при опросе его полицейским дал самые убедительные показания; выяснилось, что он был несколько запуган почтенным служителем порядка.

Судья Стефен сказал в своем заключительном слове:

«Если исходить из предположения, что подсудимый совершил преступление, тогда многие подробности события кажутся подозрительными; но, если не делать такого предположения, эти обстоятельства не представляются подозрительными, ибо каждое из них легко находит объяснение».

Мне кажется, что в этом заключается истинная мерка для оценки многих фактов, обнаруживаемых как сыщиками-добровольцами, так и чинами сысской полиции. Скажите себе, что человек виновен, и всякое малейшее обстоятельство станет подозрительным; многие факты будут бессознательно преувеличены, сначала в представлении свидетеля, потом в его показании: словом, подозрения превратятся в факты, а факты — в виновность. Нет более опасных показаний, чем те, которые дают добровольные сыщики, но нет и таких, которые легче разбить

умелому адвокату, если только их не подтверждают самостоятельные показания других свидетелей.

20. ОЦЕНЩИК НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА (г-н Однобокий)

Известно, что различные условия климата и почвы создают неодинаковые породы деревьев; подобно тому разные виды судебных тяжб создают многообразные типы свидетелей.

Вот образец, который вы встретите на почве железнодорожной компании или общественного учреждения. Роскошная, тучная почва! Нельзя не восхищаться ее великолепными произрастаниями. Нельзя не удивляться быстроте, с которой ничтожнейшее зернышко вырастает в широковетвистое дерево. Крестоцвет и горчица почти не растут по сравнению с этой волшебной флорой. Она скорее напоминает гороховый стебель в старых сказках. Проще говоря, присмотримся поближе к особенностям важного и почтенного класса свидетелей, именуемых оценщиками недвижимых имуществ. Класс этот распадается на два подразделения: оценщики и те, кто их оценивает; иначе говоря, оценщики и те, которые спорят против их оценок. Один утверждает под присягой, что дом стоит пятнадцать тысяч фунтов стерлингов, другой — что он стоит всего полтора фунта: оба — добросовестные люди, оба дают свои заключения по крайнему своему разумению и с большим пониманием дела! Оба — добросовестны, и стоят они почти на одном и том же месте, с которого производят свои измерения, но они стоят спиной друг к другу и, естественно, видят вещи под разными углами зрения.

При оценке земель, зданий, арендных прав, торговых предприятий и всякого рода доходностей определение рыночной ценности не представляет в действительности никаких затруднений. Если два человека условятся встретиться в Лондоне в назначенное место и время, они встретятся; но, если бы они стали искать друг друга, не условившись о месте и времени, они нашли бы немало всяких затруднений на пути к цели; пришлось бы производить всякие розыски, и, по всем вероятностям, понадобилось бы содействие какого-нибудь третьего лица, чтобы свести их вместе. Так бывает и в жизни господ оценщиков; стороны обращаются к противоположным направлениям, и проходит немало времени, пока они встретятся.

Возьмем случай, где одна сторона предлагает 250 фунтов стерлингов, а другая требует 3 950 фунтов стерлингов. Следует ли думать, что обе стороны не знают очень хорошо, что эти цифры не означали ничего, кроме разве того, что присяжные иногда складывают обе цифры и делят сумму пополам?

В этом случае, как и во всяком подобном, вы увидите, что почтенные свидетели (по-нашему — эксперты) стоят каждый на своей стороне в полной боевой готовности, начиненные основательными соображениями, подробными измерениями и точными цифрами. Самый искусный человек, проверяя тончайшие аптекарские весы, не мог бы быть более осторожным в движениях и точным в вычислениях, чем эти два спорящих между собой джентльмена.

Свидетели со стороны железнодорожного общества принесли свой отчет и указывают стоимость имущества с точностью до последнего шиллинга; каждая статья оплачивается самым широким образом, как счет в гостинице с щедрыми «чаями». Никто не смеется. Разве можно смеяться? Свидетель сделал простое сложение нескольких сумм; складывайте их, как хотите, сверху вниз, снизу вверх, ошибки нет.

- В какой сумме определяете вы убыток от преграждения доступа к участку, г-н Односторонний?

Ага! вот дельный вопрос! Он может вызвать некоторое разногласие; будем ждать ответа как можно спокойнее, ибо г-н Односторонний так же спокоен, как будто только что закурил свою утреннюю сигару.

- Ну, знаете, — произносит свидетель с очаровательной железнодорожной улыбкой. При этой улыбке вы за бываете не только ответ, но и самый вопрос. — Знаете... — И в своей величественной невозмутимости перелистывая свой отчет, он с неотразимой грацией и убедительностью качает благообразной головой.

Вот где надо показать себя молодому адвокату! И ничего он не сделает, если не приобрел некоторого знания людей. Мыслимо ли взяться за перекрестный допрос головы, которая раскачивается и улыбается столь обольстительным образом. Это все равно, что плохому стрелку попасть в голову носовой фигуры корабля в бурю.

В эту минуту ваш противник вставляет какое-нибудь незначительное замечание, и свидетель продолжает улыбаться или, может быть, дает ответ, не отвечая на ваш вопрос, а уклоняясь от него. Не выпускайте его из рук.

- Так насчет преграждения доступа, г-н Односторонний?
- Насчет преграждения?

Он как будто и не слышал вашего вопроса и отвечает очень медленно:

- Видите ли — сэр — едва ли здесь можно... (Он перелистывает свой отчет с изящной небрежностью, как тетрадь с дамскими рисунками.) Я не знаю, — я

решитель но — не могу — понять — какие — тут могут — быть — убытки — от — преграждения — доступа — к участку.

– Может быть, есть выгоды?

Он пожимает плечами и улыбается, как бы предоставляя вам на выбор то и другое: я вызван сюда, чтобы высказать присяжным мое мнение, не склоняясь ни в ту, ни в другую сторону; если вы можете извлечь из моих слов что-нибудь для вас благоприятное,— пожалуйста, не стесняйтесь.

Это показание он дает своим обращением с вами, и показание это окажется не лишенным значения, если вы не разобьете его перекрестным допросом.

Вместо ответа он говорит: «Я пришел сюда не для шуток, сэръ!» — Железнодорожной улыбки уже нет.

Вот когда надо ухватиться за это замечательное северо-северо-восточное или юго-юго-западное железнодорожное создание. Вы видите, что свои вычисления он может отстаивать хоть до бесконечности, но доказать, что им соответствуют действительные убытки, не может ни на минуту. Я не хочу, конечно, сказать, что оценщик вообще не принимает в расчет убытки от преграждения доступа; я беру исключительные случаи, чтобы пояснить общие правила; чтобы свалить это дерево, лучше подрубить корень, чем тянуть за верхушку. Мне приходилось наблюдать применение обоих способов, но успех бывал только при одном. Вы сразу видите, что он весь погнулся в сторону; в эту сторону и надо свалить его. Если в его заключении все оказывается совершенно обесцененным,— а он постоянно стремится именно к этому,— вы очень плохой адвокат, если не сумеете обесценить и его заключения в глазах присяжных.

Это один прием. Есть и другой, иногда не менее успешный. Он заключается в том, чтобы навести этого сведущего человека на заключение о вещах, в которых он ничего не понимает. Он будет отвечать общими местами о большой доходности и о ничтожной доходности, смотря по тому, что выгоднее для его стороны.

Для вычислений этого последнего рода применяется иногда специальный «технический» прием; я узнал о нем со слов дешевого человека, часто появлявшегося в роли оценщика по маловажным искам. Кто-то спросил его в частной беседе, каким образом мог он давать свои заключения суду с такой уверенностью, не имея при себе никаких цифровых заметок.

«Это дело привычки,— сказал он.— Немножко практики, и все идет как по маслу. Прежде-то я немало времени тратил на всякие местные осмотры и расчеты; а теперь это другие за меня делают — те, кто с противной стороны выступает; я слушаю их объяснения, беру их цифры,— считаю, что эти цифры для них хорошие,— и скидываю с них три четверти; выходит и для нас неплохо».

Мне пришлось однажды прослушать перекрестный допрос одного кирпичного заводчика, вызванного в качестве сведущего лица со стороны железнодорожного общества, по поводу отчуждения земельного участка, занятого кирпичным заводом. Привожу некоторые из ответов этого «эксперта»: «Я пришел сюда, чтобы удостовериться убытки, понесенные истцом вследствие отчуждения земли, занятой его кирпичным заводом; я живу в NN. у меня там большой кирпичный завод; железная дорога, которая является ответчиком по этому делу,— один из крупных моих покупателей; могу почти сказать, что я на нее только и работаю; истец выделывает свой кирпич в Мидл-Эссексе; между его кирпичом и кирпичом, который выделывается в NN. нет ничего общего: разная выработка; я о выработке кирпичей в Мидл-Эссексе ничего не знаю; знаю только, что там их работают не так, как у нас. Мне не приходилось наблюдать выработку кирпича в Мидл-Эссексе. Хуже, чем у истца, я кирпича не видал. Он ничего не стоит. В этом году хороший кирпич не дает барыша; за последние три года барыша не было; в будущем году будет убыток. Если истец будет утверждать под присягой, что имел в этом году прибыль от своего завода, и докажет это своими торговыми книгами, я не поверю ни ему, ни его книгам, не поверю ничему, что бы он ни представил суду. Я не верю ему, когда он удостоверяет под присягой, что затратил деньги на устройство завода на его земле. Я считаю, что для истца было выгодно, что его земля и завод отошли под железную дорогу; это положит ему деньги в карман помимо всякого вознаграждения за отчуждение».

Этот господин много раз появлялся в суде по делам об отчуждениях со стороны одного железнодорожного общества с целью сбить оценку, хотя ни один судья, дороживший своим достоинством, не мог придавать его объяснениям ни малейшего значения. Нет нужды прибавлять, что он умел делать кирпичи без соломы; соответственно этому в его заключениях не хватало некоторого качества, необходимого для их прочности. Не всякий кирпичный заводчик говорит правду на суде.

21. ГРАФОЛОГ

Разбирается дело о преднамеренном убийстве. За свидетельской решеткой появляется господин с умным лицом и пронизательными глазами. Его уверенный взгляд сразу внушает вам

доверие. В нем есть что-то ученое и даже философское. Это, вероятно, и есть тот самый человек, которому дано умение читать «проповедь по камням, убийство по любовным письмам и развод по всяким неодушевленным предметам»?

Взгляд его обращен в сторону адвоката, приступающего к перекрестному допросу, и в этом взгляде можно прочесть приблизительно такой монолог: «Посмотрим-ка, что это за птица. Сейчас увидим. Ага! молокосос. Много мы таких видели. Посмотрим, посмотрим. А! вот ты с чего начинаешь? Ну, это не страшно. Я с первого слова вижу, что в нем есть. Мне только взглянуть — и прочел, что у него на лице написано: почерк виден».

«Сколько времени я занимаюсь каллиграфической экспертизой, сэр? Как сказать? Я уже привык к этому вопросу; раз тысячу слышал его в этом зале. — Невзирая на это обстоятельство, он, однако, не спеша складывает свои выхолненные руки над книгой, которую держит перед собой, прикрыв левую правой, смотрит в потолок, как если бы никто никогда не задавал ему столь глупого вопроса, и ему приходится заняться вычислениями сроков. — Тридцать пять лет, сэр».

Он вынимает свое *pinse-nez*, притрагиваясь к нему с осторожностью человека, привыкшего обращаться с хрупкими вещами. Золотой кончик покоится на средней фаланге среднего пальца и слегка придерживается большим; указательный палец грациозно прикасается к ободку стекла. Эти стекла существенный элемент в его заключении, и он с язвительным, ученым, почти математическим видом помахивает ими в сторону молодого адвоката. Берегитесь этой благодушной улыбки, о мой юный, доверчивый друг! Казалось бы, дно насквозь видно, а до дна очень далеко! Знакомы вы с такими местами, где над омутом поросла пушистая травка и мелькают голубые незабудки и желтенькая куриная слепота? Смотрите под ноги, молодой друг; у вас в руках ценная ноша: человеческая жизнь.

Да, подсудимого обвиняют в убийстве, и улика — почерк. Эксперт должен установить виновность. «Нет, нет,— говорит он про себя,— отнюдь не я. Мне дают образцы почерков и спрашивают моего заключения; я говорю: это почерк подсудимого. Вы говорите: если это писал он, он виновен. Так скажут и присяжные». Тонкое различие! Но позвольте спросить, г-н Непогрешимый, прежде чем высказать свое заключение: знали вы или не знали о том, к чему оно должно было привести?

Опасный вопрос. Посмотрите: эксперт по-прежнему изящно играет своими незаменимыми стеклышками; но он вместе с тем следит за вами, как врач за выражением лица своего пациента; он уже приводит свои «научные основания» в боевой порядок. Можно ли задать ему столь существенный вопрос в такой форме? Нет! Он видит, что вам нужно,— он прочтет вашу мысль в этих словах, как сквозь хрусталь. Надо утаить ее от него так, как будто вы через него пересылаете присяжным зашифрованную телеграмму, которой он не должен прочесть. Ответ на этот вопрос, если вы сумеете предложить его в надлежащей форме, может быть, лежит у самого основания вашей защиты.

Знал ли он о том, к чему должно было привести сличение почерков? Если вы не умеете задать вопрос в иной форме, лучше не спрашивайте вовсе; он категорически ответит: нет. Он принимал присягу и рассуждает по научным данным, а не как-нибудь иначе. Не забывайте этого. Одна точка над «1» может решить да или нет. Он из такой точки умеет извлечь убийство, как из черты буквы — прелюбодеяние.

Вам надо выяснить, что именно могло оказать влияние на него и толкнуть в определенную сторону его заключение о петле в букве «С» или о загибе в букве «У». Откуда родилось у него предположение, что это мог быть почерк подсудимого? Знал он о том, что совершено убийство?

«Да, но не знал, что оно составляло предмет исследования по настоящему делу».

Заметьте себе этот ответ и повторите свой вопрос. Никто, конечно, не говорил эксперту про убийство, когда ему вручили образцы почерка; ему не сказали, что это почерк обвиняемого, что ему предстояло сличить его с роковой запиской. Я могу сказать вам, почему никто не говорил ему об этом, ибо вам надо иметь это в виду с самого начала перекрестного допроса. Нет ничего легче, как найти сходство в почерках людей, принадлежащих к одной общей группе лиц, в почерках мальчиков и девочек, учащихся в одной школе, и даже в почерках лиц, служащих в одном учреждении, и потому вы легко можете признать рукописи двух или трех разных лиц за описание одного человека. Мальчики подражают своим учителям, девочки — учительницам; младшие писцы подражают старшим. Не забывайте также, что в этих случаях люди подражают именно так называемым особенностям, эксцентричностям почерка.

Никто ничего не говорил г-ну Непогрешимому; но он, вероятно, читал газеты и, следовательно, знал два факта: во-первых, что убийца оставил на месте преступления записку, в которой называл виновником другое лицо; во-вторых, что в последний раз перед убийством убитого видели в обществе одного торговца; а когда ему вручили книги, в которых имелись записи, сделанные этим торговцем, для сличения этих записей с запиской убийцы, эксперт не мог не узнать и третьего факта.

Выходит, таким образом, что г-н Непогрешимый имел довольно определенное представление о том, что от него требовалось. Вот что надо установить с самого начала: как — это уж ваше дело, вместо того чтобы спрашивать его, сколько лет он занимается своими экспертизами.

После этого надо выяснить приемы, которыми велось исследование этого знатока почерковедения. И вы изумитесь перед хитроумной системой, изобретенной наукой для переливания из пустого в порожнее. «Я начал с изучения несомненного почерка подсудимого», — говорит он. Это одно из его научных выражений: «несомненный почерк подсудимого»; он искал в нем «характерных особенностей письма» — это также научное выражение.

Но в этом уже есть логическая ошибка, (предвосхищение основания (лат.)). Есть ли это действительно особенности? Он их так называет и читает по ним: убийство. Затем он усматривает «в тринадцатой строке сверху, на странице четырнадцатой, милорд», — почтительно кивая в сторону председателя. «Строка тринадцатая на странице четырнадцатой», — повторяет председатель, считая изо всех сил: вот оно, вижу. «Милорд изволит усмотреть, — лукавый взгляд в сторону адвоката: послушай-ка любезный, что сейчас будет, — в букве "к" в слове "дурак" имеется в высшей степени замечательный угол пересечения жирной черты с волосной, угол в сорок пять градусов с половиной, милорд. Такие углы встречаются не более как один раз среди пятидесяти четырех миллионов почерков. Обращаясь к записям в предъявленной мне книге, на четвертой странице, двадцать вторая строка сверху, я усматриваю в той же букве "к" в слове "казак" такой же угол и то же, если можно так выразиться, крюкообразное закругление». Эксперт делает паузу в сознании, что это мощное выражение должно вызвать молчаливый восторг среди слушателей. Заметьте это научное открытие для перекрестного допроса, потому что в нем ровно ничего нет; вы найдете такие же крюки и «характерные особенности» в почерке девяти из десяти человек того круга людей, к которым принадлежит подсудимый. Это новый симптом, а все новые симптомы служат к вашей выгоде, если вы умеете ими пользоваться.

«Если вы изволите обратиться, милорд, — продолжает г-н Непогрешимый. Он нагнулся над книгой и то поднимает глаза к председателю, то опускает их на наблюдаемое насекомое; он дважды встряхивает стеклышками через правое плечо, когда смотрит вверх, и дважды прикладывает левую ладонь к раскрытой книге, когда смотрит вниз, как бы поймав бабочку. — Если милорд изволит взглянуть на пятую строку на четвертой странице снизу — та же страница, милорд, — вы изволите усмотреть чрезвычайно характерную особенность: это — изгиб волосной линии, соединяющей букву "P" с буквой "B"; он придает букве "P" несколько горбатый вид, милорд. (Пауза.) Милорд изволил усмотреть, что этот излом или, лучше сказать, это искривление позвоночника у буквы "P", если можно так выразиться, милорд (Судья одобрительно кивает головой. Разве для науки могут существовать запреты?), встречается не менее двух раз в несомненной рукописи подсудимого, милорд». Движение в публике. Эксперт поднимает глаза к судейному столу; лицо его сияет умом, *ripse-nez* закинута за левое плечо; он имеет вид акробата, сделавшего труднейший прыжок и принимающего гром аплодисментов.

Далее следует буква «Т» с перекалиной под небывалым углом, которая также встречается в рукописи подсудимого; потом «конволюция в букве "B", милорд».

Как-с?

Конволюция, милорд; иначе говоря, общее закругление; эта конволюция встречается не менее пяти раз в записке, найденной на месте преступления, и пять раз среди записей в книге; в высшей степени замечательное совпадение, милорд. — Это говорится под углом в сорок пять градусов.

Далее, милорд, имеется прописное «I»; я обращаю ваше особое внимание на перпендикулярность этого «I» или, вернее сказать, если выразиться с более научной точностью, на недостаточную перпендикулярность этого «I». («I» действительно имеет такой вид, как будто бражничало целую ночь.) Этот недостаток перпендикулярности повторяется три раза в несомненном почерке подсудимого и не менее двух раз в оспариваемой записке. Далее, милорд, на пятой странице, семнадцатая строка снизу, имеется право-окружное «O».

Как-с?

Правоокружное «O», милорд. Я, может быть, выразусь понятнее, если скажу, что это опрокинутое «O». Затем, милорд, здесь есть очень замечательная и резко выраженная особенность в букве «p»; вы изволите усмотреть, что петля или конволюция этой буквы представляется удлинненной. Это на странице 6, строка 2, сверху, милорд; эта особенность встречается два раза в записке и один раз в несомненном почерке подсудимого.

Следующая буква, на которую я обращаю внимание суда, милорд, это «XV», на странице 7, строка 8, в книге; она встречается три раза в записке. Милорд изволил усмотреть, что ее черты представляются зазубренными (обращаясь в другую сторону) наподобие пилы, г-да присяжные заседатели. Они зазубрены, милорд. И такие же зазубренные черты замечаются в букве «M» в несомненной рукописи подсудимого, милорд.

И это продолжается через весь алфавит: крючки, петли, перекладки, конволюции, лево- и правоокружности, горбы, искажения, искривления и т. д.; буквы делаются похожими на убийц, громил и тому подобных негодяев с палачом во главе.

Но стоит вам обратиться к здравому рассудку, и с его помощью перекрестный допрос низведет все эти чрезвычайные особенности к естественной склонности людей подражать чужому почерку. Подражание так свойственно нам, что мы подражаем чужим людям бессознательно и часто даже наперекор своему желанию.

- Я нахожу,— продолжает этот фельдмаршал крючков и петель,— совершенно необходимое сходство...
- Остановите его, дорогой друг!
- Одну минуту, г-н Непогрешимый!
- Виноват? — восклицает буквовед, встряхивая стеклышками на самонадеянного адвоката.
- Я очень извиняюсь,— умоляет тот,— но позвольте узнать, куда вы изволите смотреть?
- Я смотрю в книгу, сэр!
- А где именно, сэр?
- Я прошу меня извинить, сэр. Если меня будут перебивать на каждом шагу, я не могу продолжать, милорд.
- Но милорд вовсе не склонен помогать обвинению или г-ну Непогрешимому.
- Вы сравниваете с запиской те записи в книге, которые указаны вам судом, как несомненно сделанные подсудимым, или нет?
- Я сравниваю, сэр, записи в книге, которые я сравнил с несомненными записями подсудимого, и нахожу...
- В таком случае будьте любезны закрыть эту книгу.
- Но позвольте, сэр, если мне не дают говорить так, как того требует... Я тогда ничего сказать не могу, ми лорд...

Председатель:

- Если вы сравниваете записи, сделанные неизвестной рукой, с записями, сделанными подсудимым, и находите таким путем сходство с особенностями почерка в записке убийцы, я не могу допустить такой экспертизы.
- Тогда мне нечего говорить, милорд.
- Он шумно захлопывает книгу. Это все, что требуется.

Его заключение устраняется из числа улик, и все его хитроумные теории, построенные на воображаемом сходстве, разлетаются как дым.

Покажите присяжным, что жизнь подсудимого зависит от нажима в букве «О», или наклона в букве «С», или в черте буквы «Р», или в точке над «I», и он уйдет от петли. Люди не только умеют писать, но и подделывать чужие особенности почерка. Почерку редко можно верить, даже в тех случаях, когда он говорит правду.

Встречаются, конечно, свидетели и сведущие люди с другими особенностями душевного склада и характера; читатель без труда подметит их отличия по своим собственным наблюдениям; но, мне кажется, при внимательном разборе он убедится, что большинство их подходит под тот или другой из указанных выше общих типов.

Впрочем, к какому бы типу они ни относились и как бы ни отличались между собой, у всех без исключения есть одна общая слабость — тщеславие. Нет человека, свободного от нее; и один человек отличается в этом отношении от другого только предметом своего тщеславия и мерой влияния его на другие свойства его характера. У одного тщеславие стремится к короне английского пэра, у другого ограничивается тем, что он носит шляпу набекрень и держит большие пальцы в проймах своего жилета.

ГЛАВА V

Ложное алиби

Ложным алиби называется такое объяснение, в котором верны все факты, кроме даты. Некоторые думают, что такого рода алиби несокрушимы. Я полагаю, что это ошибочный взгляд, и хотя это трудная задача, мне кажется, что в большинстве случаев она может быть с успехом исполнена. Возьмем пример ложного алиби. Предположим, что А совершил кражу со взломом в определенную ночь, между одиннадцатью и двенадцатью часами. В, С и О согласились добиться его оправдания и берутся доказать, что в указанное время подсудимый был вместе с ними в расстоянии десяти миль от места совершения преступления. Если им удастся доказать это и устоять перед перекрестным допросом, они достигнут цели.

Они знают, что на перекрестном допросе их будут спрашивать порознь как о главных

обстоятельствах их встречи, так и о менее значительных подробностях: о времени выхода их из дому, о дороге, по которой они шли, о том, где останавливались, что ели и пили, как проводили время, и даже о том, в каком положении каждый из них находился по отношению к его спутникам. Если самая встреча вымышленная, нет ничего проще, чем опровергнуть весь рассказ. Но если бы А, В, С и О пошли вместе в определенное место, с тем чтобы впоследствии рассказывать о том, что делали, каждый из них будет с успехом отвечать в судебном заседании на самые хитроумные вопросы о подробностях их встречи. Им нужно будет только условиться между собой и твердо помнить, что все это происходило в ту ночь, когда было совершено преступление. Это был, несомненно, остроумный способ борьбы с правосудием, и надо думать, что он не раз достигал цели. Но способ этот был; очевидно, раскрыт, как только случилось, что на суде было установлено, что все факты были верны, а подсудимый все-таки виновен. Такое совпадение не допускало иного объяснения. Теперь является вопрос: «Как опровергнуть такое алиби?» Избитые вопросы вроде: где вы были накануне? на следующий день? и т. д. — и слишком просты, и слишком неловки, чтобы что-нибудь сделать. Не может быть сомнения в том, что должно существовать средство разбить это алиби; до сих пор никто, по-видимому, не выработал для этого каких-либо научных приемов; но лучшие из наших адвокатов дали нам определенные отрывки такой системы. Я попытался собрать их воедино.

Прежде всего следует выяснить, представляет ли вообще алиби правду или ложь (это далеко не то же, что доказать его лживость или достоверность); искусный адвокат сумеет сделать это тремя, четырьмя вопросами, или как поддельный металл выдает себя при пробе, так вымышленный рассказ обнаружит свою лживость перед опытным судебным борцом.

Коль скоро вы уяснили себе это, остается только один вопрос: как изобличить ложь свидетеля о дате? Так как все удостоверяемые ими события взяты из действительности, то всякие вопросы о них не только будут тратой времени, но, как уже сказано, будут подтверждать правдивость их объяснений. Надо поэтому искать точки опоры в таких обстоятельствах, которые лежат вне рассказа свидетелей.

Предположим, что кража совершена в четверг на страстной неделе в деревне и что встреча, устроенная для доказательства алиби, происходила в страстную пятницу. Свидетели будут подготовлены к рассказу об обстоятельствах этой встречи. Они заранее знают почти неизбежные, ненужные вопросы: «Где вы были накануне? Когда вы перед тем в последний раз виделись с подсудимым?» Эти вопросы и другие, им подобные, столь же привычны для тех людей, о которых идет речь, как и для адвоката, их допрашивающего. «Я уже раньше знал, о чем он будет спрашивать, — говорит после суда бывалый человек. — Они, умные, без того не могут, чтобы не спросить, где, мол, вчера шатался». Это наивные, стереотипные, ежедневно повторяющиеся вопросы, и свидетели являются в суд с заранее готовыми на них ответами.

Предположим, однако, что вы отведете свидетеля совсем в сторону от его рассказа и зададите ему вопрос, которого он не ожидал. Прежде всего, он будет бояться ответить, думая, что может попасть в западню, и чем меньше будет связи между вашим вопросом и обстоятельствами дела, тем больше будет его страх. За первым вопросом предложите ему второй и третий, столь же непонятный для его озадаченного соображения, а потом спросите, где он был утром. Это время чересчур отдаленное от того, о котором он говорил в своем рассказе, и он в недоумении: какое может это иметь отношение к одиннадцати часам вечера. Не зная цели вашего вопроса, он не знает, и как ответить, ему будет казаться рискованным пуститься без оглядки в новый вымысел, а может быть, не хватит для этого и находчивости, и он, по всем вероятностям, ответит правду. Если так, вы уже можете идти дальше, опираясь на факт. Таким же путем вы можете добыть еще факт, и еще. Ему волей-неволей приходится говорить о действительных фактах, потому что он не знает, что могут показать его сообщники. Он отлично понимает, что вы будете предлагать им те же вопросы. В счастливую минуту вам, может быть, удастся, при умении и осторожности, узнать от него, с кем он встречался в это утро, где и в какое именно время, — что они делали, куда ходили. Он никак не мог предусмотреть, что ему придется удостоверять не одно алиби, а целую дюжину — и для себя, и для своих знакомых; он неизбежно будет сбив с толку, будет вперемешку говорить правду и лгать и, таким образом, окажется в вашей власти. Возможно, что ему пришлось встретиться со многими знакомыми в это утро, и если ваши вопросы будут уже не тревожить, а, напротив, ласкать и ободрять его, он может признать, что видел их одновременно, и притом в таком множестве, что вы смело можете спросить: «Не выходили ли эти люди из церкви?» Мошенник снисходительно улыбнется и скажет: «Нет; ведь это был четверг». И этим ответом он уничтожит всю хитроумную историю. Присяжные, не задумываясь, согласятся с вашим объяснением, которое, впрочем, может быть подтверждено и показаниями добросовестных свидетелей, а именно, что по признанным им самим фактам тот день, о котором он говорил, был страстная пятница, а не четверг.

Но вы не ограничьтесь этим: вы ушли еще очень недалеко. Следующий свидетель сделает ту же ошибку и, может быть, прибавит частицу к отрывкам улики. Предположим, что в четверг

светило солнце, а в пятницу шел дождь. Вот простор для упражнения и радости вашего остроумия; не бросайте оружия, пока не заставите свидетеля признать, что встреча его с товарищами произошла под дождем. Вам, конечно, не добиться этого прямыми вопросами и в прямых ответах; но ответы не всегда заключаются в словах; они иногда проскальзывают против воли свидетеля в его манерах и обращении; он отвечает, не желая отвечать и даже вовсе не подозревая своих ответов. И впечатление от таких ответов будет то же, как и от ответов словами, если допрос ведется умело. Вы не будете настолько просты, чтобы дать ему догадаться, что вопросы наводят его на упоминание о дожде; это значило бы отказаться от цели; вы дойдете до нее только при условии, что она не будет видна допрашиваемому. Во все время допроса его мозг будет занят напряженной работой, старанием догадаться, к чему клонятся задаваемые вами вопросы; вы должны столь же старательно скрывать это от него. Один полисмен сказал мне однажды на выездной сессии в Мидленде: «Он умеет допрашивать, сэр: у него никогда не разберешь, куда он гнет».

Если вы заставите этих двух свидетелей признать хотя бы незначительное обстоятельство, сколько-нибудь подтверждающее предположение, что встреча была в пятницу, алиби уже почти уничтожено. Но вот за решеткой является С. Благодаря некоторому усилию памяти он оказывается в состоянии припомнить, по чьему заказу и какой работой он был занят; могло быть, что в это самое утро у него где-нибудь сломался станок. Самое ничтожное, постороннее на вид обстоятельство имеет свою ценность, если может осветить хотя бы одну точку дела. Если он отвечает быстро, он легко попадет на двух, трех вопросах. Если будет слишком осторожен, он сам выдаст себя: вы можете идти за ним, отпустить ему лесу, как щуке, проглотившей крючок. Возможно, что и работы у него не было, и станок не ломался, и вы все-таки можете установить его привычки, образ жизни, обстановку, его окружающую, и трудно допустить, чтобы среди всего этого вам не пришлось уловить какой-нибудь факт, который в связи с другим каким-либо фактом мог быть только в пятницу, а не в четверг.

Самый незначительный факт может быть связан с другим, более крупным, таким, точное время наступления коего общеизвестно или который заведомо для всех мог произойти только в тот, а не в другой день недели. Таким же образом можно вести допрос и прочих лжесвидетелей, помня притом, что допрос каждого из них должен искать новых фактов, касаясь предыдущих лиц в той мере, насколько это нужно, чтобы изобличить свидетелей в противоречии; эти новые факты, как бы малы они ни были, могут в своей совокупности обратить все алиби в пыль.

Здесь уже сказано больше, чем я думал сказать о перекрестном допросе. Целесообразность указанных мной приемов может быть доказана только применением их на практике, а не отвлеченными рассуждениями. Многие из этих замечаний могут показаться общими местами; тем не менее они составляют коренные основы адвокатского искусства, а знание этих основ часто приходит к нам лишь после долгого опыта или благодаря дружеским советам тех, кто знает больше, чем мы. Иной раз оно приходит лишь после горьких разочарований или тяжелых нравственных ударов. Я привел эти указания в надежде избавить некоторых от тех тягостных, напряженных усилий, которых столь многим не пришлось миновать.

Я ни разу не позволил себе такого указания, которое могло бы помочь адвокату сбить с толку или толкнуть в капкан свидетели добросовестного и правдивого; такой свидетель должен быть всячески ограждаем на суде; я хотел только указать те приемы, с помощью которых можно бороться против людей лукавых и бесчестных, чтобы наказать наглость и изобличить обман.

Мне остается прибавить еще одно замечание. Когда вы сделаете все то, что в ваших силах, чтобы изодраться в искусстве перекрестного допроса, следующая ваша задача будет заключаться в том, чтобы как можно реже этим искусством пользоваться; никогда не прибегайте к перекрестному допросу, если нет в этом прямой необходимости, а если начали допрос, спрашивайте как можно меньше и не задавайте вопросов без определенной цели. Искусный допрос почти всегда бывает краток.

Глава VI

О передопросе

Этот отдел не требует подробного разбора.

Не следует думать, что передопрос свидетелей не имеет значения для дела; напротив того, и этот момент в процессе заслуживает старательного изучения: в нем есть свои опасности, как и свои выгоды. Его главная задача заключается в том, чтобы исправить разрушения, причиненные обвинению перекрестным допросом.

Если вы следили за перекрестным допросом с тем непрерывно настроженным вниманием, с которым это должно делать, вы заметили и запомнили нанесенные вам удары. Некоторые из ваших доказательств совсем сметены из дела; другие так расшатаны, что утратили всю свою стройность и имеют самый непрочный вид; третьи оказываются покрытыми, если можно так выразиться, облицовкой толкований, которую необходимо снять; на земле в беспорядочных

кучах валяются всякие обломки: надо выбрать их оттуда, если вы хотите восстановить обвинение во всей его крепости. Словно ураган пронесся над вашей усадьбой, опрокинув несколько служебных построек на дворе, грозя гибелью и главному дому. В таком положении вещей вам будет немало работы. Первый вопрос — с чего начинать. Начинайте там, где сделан первый пролом. Свидетель, быть может, одним из своих ответов сказал не то, что хотел сказать; эта злосчастная ошибка могла быть основанием всей последующей разрушительной работы. В таком случае, устранив эту ошибку и идя дальше в том же направлении, вы постепенно, без труда можете починить и все другие разрушения, ею причиненные. В этом, как и во всем прочем, необходима строгая последовательность и порядок. Ведите свой ремонт в том же порядке, в каком противник ломал и сносил ваши постройки. Получив надлежащее разъяснение в этой стадии процесса, ваши доказательства могут еще выиграть благодаря временно застилавшей их неясности.

Но если только передопрос не является безусловной необходимостью, передпрашивать свидетеля ни в коем случае не следует. Нельзя снова братья за своих свидетелей ради каждого пустяка. Если противнику и удалось установить или опровергнуть какое-нибудь незначительное и несущественное обстоятельство, но основные факты дела остаются непоколебленными, предоставьте присяжным справиться с этим. Но известное обстоятельство может быть хотя и незначительным на вид, однако все-таки не лишены значения по существу вопроса. Он может получить известную силу от своего положения в ряду других данных дела. Ничтожная пылинка, попав в глаз, может сильно мешать зрению; кому мешает она под каблуком сапога? Надо убрать все то, что попало не в свое место, но нет нужды братья за лопату и тачку там, где достаточно махнуть платком. Воздержавшись, когда можно, от передпрашивания, вы избегаете опасности особого рода: опасности перекрестного допроса своих собственных свидетелей.

Вы не обязаны объяснять всего на перекрестном допросе. Случается иногда, что свидетель, по естественному недоверию к вашему противнику отвечает на его вопросы неопределенно, нерешительно, может быть, сделает явную ошибку. Нет никакой необходимости кидаться к нему на помощь, поднимать его на ноги, когда он еще не успел упасть. Если его первоначальное показание было сделано добросовестно, вы можете быть уверены, что присяжные отнесутся как должно к попыткам сбить его с толку. Тогда как, если вы броситесь выручать его без необходимости в том и будете стараться добиться от него объяснений, которых не удостоился ваш противник, свидетелю покажется, что вам нужны его ответы, и, оправившись от смущения, он заполнит пробелы, не заполненные перекрестным допросом. Другими словами, вы доведете до конца допрос вашего противника, с той лишней для него выгодой, что объяснения свидетеля будут казаться добровольно представленными суду вами, а не исторгнутыми у него вашим врагом.

Если во время перекрестного допроса свидетель показал что-нибудь для вас благоприятное, остерегитесь передпрашивать его по этому поводу; вам отнюдь не следует показывать, что вы придаете значение этому случайно выяснившемуся обстоятельству. Оно может послужить основанием для заключения о каком-либо другом обстоятельстве, и надо следить за такой возможностью и воспользоваться ею. Если вы возобновите допрос о самом факте, добытом в вашу пользу, может случиться обратное: ваш противник, предусмотрительно воздержавшийся от дальнейших вопросов по опасному для него пути, не без удовольствия прослушает от свидетеля, в ответ на ваши вопросы, новое указание, которое вполне сгладит его ошибку.

«Не троньте того, что хорошо». Благоприятный вам ответ, данный вашему противнику при перекрестном допросе, должен служить не к новым вопросам с вашей стороны, а к тому, чтобы извлечь из него все, что можно, в вашу пользу при возражении на защитительную речь.

Следя со вниманием за перекрестным допросом вашего свидетеля, вы, может быть, впервые заметили многие слабые пункты ваши в деле. Если в нем было такое обстоятельство и вам удалось искусно обойти его при первоначальном допросе, вы имеете полное основание рассчитывать на меткий удар противника именно в это место. Вам надо поэтому следить за ним, как помощнику при атлетической борьбе, ибо этот удар, по всем вероятностям, опрокинет свидетеля, и вам придется поднять его на ноги. Как это сделать, я сказать не могу, потому что у меня нет в руках заметок по вашему делу и обстоятельства его мне неизвестны. Искусство передпрашивания заключается в умении справиться с подобной неудачей; и только ближайшее изучение фактов и их взаимных отношений даст вам возможность поддержать вашего свидетеля после нанесенного ему удара.

Перекрестный допрос может быть настолько удачным, что показание данного свидетеля окажется совершенно уничтоженным. В таком случае опытный адвокат не станет более думать о нем. Если в деле есть другие свидетели, на показание которых он может рассчитывать, все его старания должны быть сосредоточены на них; если нет, с провалившимся свидетелем должно провалиться и все дело.

Наблюдая самым тщательным образом за всем, что может быть установлено против вас на судебном следствии, не должно упускать из виду и тех ответов свидетелей, которые могут быть обращены вам в свою пользу. Ваш противник, может быть, не слишком ловкий и опытный адвокат, возможно, что он не отличается особым искусством в перекрестном допросе; в этом случае вы смело можете рассчитывать, что он даст вам несколько козырей. Он дает свидетелям повод передать такие отрывки разговоров, по которым можно восстановить другие части их, или предъявить суду имеющиеся при них документы, столь же полезные для вас, не говоря о том, что они обеспечивают за вами право на возражение; и, если вы были предусмотрительны, вы сами предоставили ему повод задать один-другой вопрос именно с этой целью. Это не значит, что вы упустили при первоначальном допросе установить какое-либо обстоятельство, имеющее существенное значение; это было бы величайшим безрассудством. Вы должны всегда исходить из предположения, что противник не будет доказывать обвинения. Я говорю о таких указаниях, которых вы сами ввести в дело не можете, но которые тем не менее имеют для вас большое значение.

Необходимо следить и за тем, не было ли в перекрестном допросе личных нападок на вашего свидетеля. Если противник пытался набросить тень на его добросовестность, вы должны быть готовы в случае надобности восстановить доверие присяжных к нему, ибо оно составляет основу всего его показания; чтобы сделать это, надо предложить ему несколько вопросов, могущих разъяснить обстоятельства, оставленные вашим противником под сомнением, устранить возможные поводы к подозрениям против него, указать действительное значение обстоятельств, допускающих двоякое толкование. Эти пояснения очень ценны для присяжных, если сделаны с надлежащим умением! Они будут испытывать такое чувство, как будто вы сняли с них тревожное бремя. Они будут рады убедиться, что вы устранили подозрения, брошенные на человека, которому они хотели бы верить; они вместе с тем освободятся и от представления о том, что свидетель пытался ввести их в заблуждение; их настроение после временной тревоги вновь обретет свое равновесие; они будут чувствовать себя спокойными и удовлетворенными.

Перекрестный допрос о нравственных качествах свидетеля представляет в большинстве случаев ненадежный прием. Вы никогда не можете предугадать, какое впечатление останется в конце концов у присяжных. Они бывают менее всего благосклонны к адвокату в тех случаях, когда ему приходится выступать в роли изобличителя против свидетелей. У них является подозрительная мысль, что и каждый из них мог бы подвергнуться столь же чувствительным нападкам, если бы необходимость заставила его предстать перед судом в качестве свидетеля; что беззастенчивый и грубый по натуре адвокат готов был бы обнажить на позорище его малейшие промахи, грубо затронуть его сокровенные чувства. Пусть даже мысль эта не имеет никакого основания: раз подозрение налицо, оно не останется без влияния на присяжных. Мне нечего говорить, что вы обязаны всеми силами оберегать ваших свидетелей от нападков подобного рода. Это достигается иногда посредством возражения против вопроса, предложенного противником, в противном случае вы должны призвать на помощь все свое искусство, чтобы выполнить эту задачу посредством дополнительного допроса.

Укажу один случай из многих, мне лично известных, когда неопытный адвокат, позволивший себе грубое нападение на нравственные качества свидетеля противной стороны, был сам уничтожен своим допросом. Он спросил свидетеля, не был ли тот осужден за тяжкое преступление. Несчастный свидетель тщетно возражал ему, что вопрос этот не имел никакого отношения к делу. Адвокат настаивал на своем вопросе: «Были ли вы осуждены за тяжкие преступления или нет?»

Свидетель обратился к председателю: «Неужели я обязан ответить на это, милорд?» — «К сожалению, да, — отвечал судья. — Я не могу освободить вас от этого. Вам лучше ответить, потому что отказ от ответа ляжет на вас с неменьшей тяжестью». — «Да, был», — проговорил свидетель со столь болезненным выражением унижения и стыда, какого я никогда не видал. Адвокат с торжествующим видом опустил на свою скамью. Но торжество это было непродолжительно.

Дождавшись своей очереди, его противник спросил свидетеля: «Когда это было?» — «Двадцать девять лет тому назад!»

Судья: «Вы были еще ребенком в это время?» Свидетель: «Да, милорд».

Нужно ли прибавлять, что слова эти вызвали громкое к справедливое негодование во всей зале, и замечания, сделанные по этому поводу судьей в его заключительном слове, были далеко не лестны для неосторожного адвоката.

Случается, что свидетель дает при перекрестном допросе такой ответ, который нельзя назвать неблагоприятным ни для той, ни для другой стороны, но было бы небезопасно продолжать расспросы в том же направлении. Вам придется решить, можете ли вы без риска пойти дальше, чем решился идти ваш противник, и, чтобы решить это, лучше всего взвесить все факты дела и возможное влияние на них ответа, каков бы ни был ответ; можно также предложить свидетелю один или два вопроса, чтобы изведать почву, и затем, смотря по ответам,

продолжать допрос или прекратить его.

Возможно, что во время перекрестного допроса в объяснениях свидетеля проскользнуло помимо воли вашего противника какое-нибудь указание, которым вы можете воспользоваться при дополнительном допросе; но возможно и то, что он намеренно предложил соблазнительный вопрос, чтобы заманить вас на опасный путь. Следует поэтому быть в высшей степени осмотрительным в тех случаях, когда противник, затронувший какое-либо обстоятельство, останавливается, чтобы уступить вам дорогу. Он неверный проводник, и чем дальше вы будете от него держаться, тем лучше.

Можно отметить здесь, что не следует быть слишком поспешным в возражении против вопросов, задаваемых противником. Он иногда только для того и задает их, чтобы вызвать возражение с вашей стороны, а если это так и вы попали в ловушку, ясно, что ваше возражение должно произвести неблагоприятное впечатление на присяжных. Им сейчас же покажется, что есть какие-нибудь закулисные обстоятельства в деле, которые вы хотите от них скрыть. Вы утратите их доверие и, по всем вероятностям, вызовете в них представление, что их стараются обойти и обмануть.

Если попытки вашего противника опорочить добросовестность свидетеля оказались неудачными, гораздо лучше указать на это в речи, чем повторять стереотипные вопросы: «Имеете ли вы какие-либо основания думать?..» и т. д. и т. д. Присяжные уже слышали, что таких оснований нет, и простое повторение того, что им известно, ничего к делу не прибавит; мало того, естественное негодование, вызванное этими попытками, может только выиграть от того, что вы несколько замедлите его выражение. Прежде всего надо помнить, что дополнительный допрос не заключается ни в повторении основного, ни в разъяснении благоприятных для вас ответов свидетелей. Если ваше дело было поставлено прочно и свидетели дают добросовестные показания, вам не много придется сделать в этой части процесса. Если дело сомнительное и свидетели ваши будут изобличены во лжи, никакие дополнительные вопросы не вернут им доверия присяжных. Дополнительный допрос имеет огромное значение и даже необходим для того, чтобы разъяснить что-либо, оставшееся неразъясненным, чтобы изгладить неверные впечатления или развить обстоятельства, которые сами по себе кажутся для вас невыгодными; в других случаях дополнительный допрос будет по большей части хуже простой потери времени, ибо несомненно повредит вашему делу.

В основании дополнительного допроса лежит право стороны объяснять обстоятельства дела. Допрос этот часто бывает настолько важен, что адвокат может выиграть дело, разумно пользуясь им; притом это в большинстве случаев столь невинный прием, что нужна высшая изобретательность и полная неопытность адвоката, чтобы погубить им дело. С другой стороны, для того чтобы в полной мере использовать его и представить присяжным свое дело во всей яркости, приданной ему перекрестным допросом, вам необходимо в совершенстве знать ваши факты и с величайшим вниманием следить за каждым вопросом противника. Но нет ничего более скучного и тягостного для судей или присяжных, как видеть адвоката, который топчется среди установленных уже фактов, сбивая и запутывая их, и делать это только потому, что после продолжительного и, может быть, сильного перекрестного допроса противника ему кажется необходимым задать еще несколько вопросов своему свидетелю. Уясните прежде всего себе, какие факты искажены или затемнены противником и какие новые данные могут быть введены вами в дело; тогда вы будете знать, что надо восстановить перед присяжными и что разъяснить им, прежде чем предложите хотя бы один дополнительный вопрос.

В дополнительном, как и в перекрестном допросе, изучив в совершенстве искусство задавать вопросы, следует немедленно обратиться к изучению искусства их не задавать!

ГЛАВА VII

О вступительной речи поверенного ответчика

Это очень важный момент в процессе, и здесь роль адвоката существенно отличается от приемов поверенного истца.

Последний в большинстве случаев идет по свободному пути; тот встречает всевозможные затруднения как в обстоятельствах дела, так и в изобретательности своего противника.

Посмотрите вокруг себя, как полководец на поле битвы, взгляните в силы противника и их расположение. Ищите слабые места; если таковые найдутся, вы на них и направите ваши усилия. Возможно, что в эту минуту ваше дело кажется проигранным безнадежно. Если бы присяжным пришлось решать дело в его настоящем положении, они вынесли бы единогласный вердикт в пользу истца. Но, если факты не слишком сильны или не слишком силен его поверенный, или не сумел последний использовать свои преимущества, единогласия у присяжных не будет и безусловных сторонников у истца не окажется. При таких условиях дело ответчика можно назвать выигранным. Если поверенный истца не сумел к этому времени склонить присяжных в свою сторону, его ждет поражение.

В эту роковую минуту его иной раз охватывает прилив неожиданного великодушия.

Не лучше ли будет, если путем взаимных уступок стороны придут к любовному соглашению? Благоразумный представитель ответчика не поддастся на такие заигрывания. Белый флаг есть знак гибели противника, и вам следует довести ваши преимущества до законного предела. В одном процессе на предложение поверенного истца указать возможные условия соглашения поверенный ответчика сказал: «Мое условие — вердикт в пользу ответчика». Нельзя принимать мирные условия, когда сражение выиграно; нельзя сдаваться, когда неприятель отступает по всей линии. Я видал многих, бессознательно делавших это. Нельзя, однако, сказать, чтобы ненадежный иск всегда имел наибольшие шансы на удовлетворение именно в этот момент процесса. Мне часто приходилось наблюдать, как поверенный ответчика приносил истцу существенную поддержку; приходилось видеть, как перекрестный допрос свидетелей ответчика устанавливал безусловные доказательства иска.

Отсюда следует, что вступительная речь поверенного ответчика требует большой осмотрительности и умения. Она окружена всякими опасностями и составляет задачу несравненно более трудную, чем вступление со стороны истца.

Прежде всего следует решить, с какого пункта начать атаку. От этого может зависеть многое. Неопытные люди часто теряют много энергии на бесплодную работу. Слабые места, конечно, бывают привлекательны, но в виде общего правила лучше пока не касаться их, потому что позднее они произведут больше эффекта и противники будут казаться уничтоженными окончательно. Итак, начинайте нападение с сильных мест противника, но избегайте прямых ударов. Нельзя опрокинуть толстую стену, стуча в нее головой. В требовании истца могут встретиться маловероятные подробности, противоречия, а иной раз и пристрастия. Возможно, что вам удастся добраться до них и расшатать самые основания всего сооружения.

Если что-нибудь удалось вам при перекрестном допросе, оно теперь принесет вам неоценимую пользу. Но ближайшая задача вашей речи заключается в том, чтобы ослабить положение противника, прежде чем пустить в ход резервы, заготовленные при перекрестном допросе.

Сила вступления ответчика заключается именно в том, чего следует избегать во вступлении истца,— в логическом разборе! Я не хочу сказать, что единичный факт может быть опровергнут логическими соображениями; но, если перед вами ряд фактов, и среди них есть и верные, и неверные, вы можете разрушить одни другими. Тощие коровы всегда могут пожрать тучных. Случается, что один гнилой на вид факт губит самое прочное дело.

Если признать все факты верными, вам удастся показать, что главный вывод вашего противника не является их необходимым последствием, вы сделаете многое в доказательство вашего собственного основного положения.

Идя таким путем, вы уже можете справиться с наиболее сильными доводами своего противника. Когда дойдет очередь до более слабых мест, то прежде всего избегайте страстных и бурных нападков на них, иначе они будут казаться страшнее, чем есть на самом деле. Чтобы вбить обойный гвоздь, нет нужды брать за кузнечный молот. Надо соразмерять силу с задачей. Точно изложенное рассуждение сделает гораздо больше, чем бурная декламация; она напоминает мне пасечника, который колотит в сковородку, отроивая молодых пчел.

Если вам удастся спокойно, но убедительно опровергнуть некоторые из положений вашего противника, присяжным будет казаться, что правда на вашей стороне и по отношению к тем его положениям, которых вы, может быть, и не опровергали. Ваш кредит в их глазах будет гораздо больше, чем вы на самом деле сделали, и ваш успех будет в частности иметь, так сказать, обратное действие.

Иными словами, факты, сами по себе вполне заслуживающие уважения, пострадают в глазах присяжных вследствие своего соседства с теми, коих слабость и сомнительность вам удалось изобличить. Как ассоциация идей, так и ассоциация фактов или людей имеет большое влияние на зрителей, так же, как окружающие нас обстоятельства налагают на наш жизненный путь отпечаток добра или зла, горя или счастья.

Среди свидетелей, выставленных поверенным истца, часто встречаются такие, которые ничего в пользу иска удостоверить не могли. Они могут быть бесполезны для вас. Только не торопитесь нападать на такого свидетеля. Он похож на человека низкого роста, стоящего в толпе; если вы хотите использовать его, старайтесь не пришибить, а приподнять его. Приберегите его в виде неожиданности к концу вашего разбора свидетельских показаний в пользу иска; приподнимите его над их толпой и сделайте из него центральную фигуру всей группы. Все, что было им показано в вашу пользу, конечно, даст вам существенную поддержку и подкрепит ваши доводы. Благодаря такому приему окажется, что вы опровергаете иск показаниями тех, кто вызван для его доказательства,— самый удачный иск из всех возможных приемов судебной защиты. Признание, сделанное стороной в противность своим интересам, обладает такой доказательной силой, которая уступает только документам.

Плохая речь подточит самое прочное дело. Это все равно, что нарядить миллионера в тряпки. Мнение присяжных о вашем положении в процессе сложится под влиянием их впечатления от вашего вступления, а раз оно сложилось, с ним так легко справиться. Плохой оратор — это моряк, который при самом отплытии уже выкидывает сигнал бедствия; многие пожалеют о нем, но никто не пойдет к нему на помощь.

С другой стороны, мне не раз приходилось наблюдать дела, выигранные вступительной речью со стороны ответчика. Эта речь сметала все перед собой, оставляя свободный простор для предстоящих доказательств. Я готов сказать, что, если только поверенному ответчика удалось забрать в руки присяжных своим вступлением, дело можно считать выигранным. Доказательства будут казаться простым дополнением к тому, что уже сделано; они только подтвердят заключение, уже сложившееся у присяжных. Конечно, факты сильнее, чем рассуждения, но если перед нами факт, не безусловно установленный, то рассуждения в союзе с красноречием могут отнять у него всякое доверие слушателей и уничтожить его как мыльный пузырь.

Люди почти не изучают, и еще менее знают, искусство речи. О влиянии речи на ум человека они не имеют никакого представления. Между тем плохая речь может погубить самое верное дело, как кутила может промотать огромное состояние, тогда как хорошая речь придает и ненадежному делу действительные или хотя кажущиеся преимущества. В речах заурядных адвокатов совсем не бывает искусства, но при умелом пользовании им против того, КТО им пользоваться не умеет, и при равенстве прочих условий едва ли можно сомневаться в исходе процесса. Это магазинное ружье против кремневого.

Никогда не следует упускать из виду, что за речью предстоит возражение противника. Вы должны считаться с этим на каждом шагу процесса и строить вашу аргументацию так, чтобы она как можно меньше пострадала от надвигающегося вихря. Ошибочное рассуждение есть большой промах, но и оно может иной раз выиграть дело; ложные доводы опасны и в большинстве случаев губят дело, как, например, положительное заявление о наличии факта, который не может быть доказан данными судебного следствия, или утверждение, что факт не установлен, когда на самом деле он доказан. Выставляя такие доводы, вы окажетесь в положении изобличенного обманщика. Подобные ошибки постоянно повторяются в наших судебных речах к ущербу тяжущихся; это происходит не от неопытности, а от того, что наши адвокаты не изучают своего искусства. Судебная практика от таких промахов отучить не может. Столяр, сделавший дверь слишком малого размера, может быть, сработал не одну сотню дверей с тех пор, как взялся за пилу и рубанок, но он неверно измерил просвет.

Когда слово будет за вами, присяжные приготовятся слушать вас так, как будто им предстоит любоваться вторым действием занимательной драмы. Им интересно узнать, что вы скажете в ответ на все доводы вашего противника, и они охотно одарят вас своим вниманием. Но берегитесь разочаровать их ожидание: они перестанут слушать, и вы погубите дело, если начнете с неудачных соображений или будете тянуть слова, как будто вам приходится отвечать за грехи вашего доверителя.

После нескольких вступительных замечаний опытный оратор сумеет затронуть любопытство слушателей каким-нибудь положением, которое увлечет их своей красотой или бросит свет на одно из ранее незамеченных обстоятельств дела, "Умение непрерывно подстрекать внимание слушателей есть одно из основных правил красноречия. Неожиданное сравнение, оригинальная мысль или изящный период — все это служит указанной цели в искусно составленной речи.

Покончив со слабыми местами в доводах вашего противника и ослабив, насколько можно, искусно построенной аргументацией более сильные его положения, вам надо теперь изложить присяжным ваши факты; здесь основное правило заключается в том, чтобы расположить факты по соображению с вероятностями данного дела. Это соблюдается не всегда, а иногда и совсем забывается. Те же факты могут быть расположены столь неудачно, что побочные обстоятельства (которых никогда нельзя упускать из виду, хотя бы они и не имели прямого отношения к делу) могут значительно ослабить вероятность ваших выводов. При искусном расположении фактов получится обратный результат. Если оратор нарушил это правило, его речь будет походить на известную картину, в которой повозка подходит к мосту, лошади уже перешли его, а хозяин погоняет их за полверсты позади.

В этой части процесса многое зависит от искусной группировки фактов с вашей стороны; мало того, чтобы они были представлены в наивыгоднейшем освещении; нужно еще, чтобы они по возможности заслоняли факты противника. Как я уже говорил, в судебном красноречии большое значение имеют контрасты. Но одно голое противопоставление ваших фактов фактам противника при их взаимном противоречии — это еще далеко не все. Если вы не умеете сделать большего, вы недалеко ушли в своем искусстве. Старайтесь, конечно, выставить факты вашего противника в самом ярком контрасте с вашими, но умейте расположить их так, чтобы ваши факты представлялись наиболее соответствующими данной обстановке. Поставьте молодого человека и

девушку у входа в церковь; это будет больше похоже на свадьбу, чем если вы посадите их в партер театра. А если ко времени их выхода из церкви вы прибавите колокольный звон, присяжные неизбежно придут к заключению, что молодые люди обвенчались, хотя ни церковь, ни звон сами по себе не доказывают, что была свадьба.

Если вам придется иметь дело с явно несообразными или преувеличенными показаниями, не останавливайтесь на них как на данных, заслуживающих серьезного разбора; укажите на их нелепость — и только, давая понять, что они ею одной достойны внимания.

Если свидетель удостоверяет под присягой факты, противоречащие всякому человеческому опыту, не утомляйте присяжных соображениями о нелепости его показаний. Но когда вы подойдете к фактам правдоподобным и удостоверяемым добросовестными свидетелями, тогда будет своевременно показать ваше умение спорить. Здесь уже, приходится опираться на вероятности, а не на сообразности, и в этих случаях ничтожнейшее обстоятельство может иногда получить большое значение. Здесь дело становится похожим на так называемые головоломки, составленные из множества отдельных кусочков., складывающихся вместе в известную фигуру. Если бы в 'кучку кусочков попали части, принадлежащие к другой -такой же игрушке, вы будете всматриваться в их края., цвет и рисунок дерева, чтобы отобрать лишнее. Так надо приглядеться и к фактам, выставленным вашим противником, поскольку они не согласны с вашими, представляясь вместе с тем вполне соответствующими другим обстоятельствам дела.

Но, как бы ни было затруднительно ваше положение, остерегайтесь беспомощного топтания на месте.

Если ваши свидетели заслуживают доверия, не распространяйтесь об их нравственных достоинствах: они могут только проиграть от этого.

Если ваш противник стремится перекрестным вопросом подорвать доверие к добросовестному свидетелю, это почти равносильно признанию его правдивости.

Два человека идут по улице; один показывает на другого и кричит: «Вот идет честный человек! Смотрите на этого честного человека!» Вы скажете, что они задумали какое-нибудь мошенничество. Нет худшей рекомендации для человека, как преувеличенное восхваление, и нет худшей ошибки перед присяжными, как старание сделать из него воплощенное совершенство.

Имейте также в виду необходимость приводить ваши доказательства так, чтобы они производили наибольшее впечатление. «Разумеется, разумеется»,— скажет всякий. Но это в действительности совсем не разумеется. И это указание, как и многие другие, столь же полезно для многих опытных адвокатов, как и для начинающих. Чтобы усовершенствоваться в адвокатском искусстве, мало одной практики. Возьмем для примера (если это не слишком скромное сравнение) магазинное окно, в котором выставлено множество дорогих вещей. Они расположены в известном порядке по старательно обдуманному искусному расчету: одного навыка для этого недостаточно. Это расположение нравятся вам, но вы почти не знаете, почему именно. Это оттого, что ни один предмет не оскорбляет глаза, не навязывается вашему вниманию. Искусное сочетание всего вместе взятого таково, что главные вещи привлекают ваше внимание потоку, что прочие, кругом их расположенные, незаметным образом выдвигают их напоказ. Окно не кажется заваленным; все, что в нем есть, находится на виду. Если вам удастся с таким же искусством расположить в своей речи ваши доказательства, вы произведете впечатление, которое нелегко будет изгладить. Можно иногда выиграть все дело, показав, так сказать, товар лицом.

Я пойду дальше и скажу, что, если основания иска сильнее возражений против него, но ваша речь искуснее речи поверенного истца, ваши шансы на выигрыш дела будут несравненно больше.

Избегайте вставочных предложений; пользуйтесь ими только как средство обратить особое внимание слушателей на ту или иную мысль. Чтобы делать это с успехом, нужно умение, и притом такое, которое приобретается не навыком, а прилежным трудом. При умелом обращении со вставным предложением вы можете сделать его особенно заметным, подобно главной фигуре в пышном фейерверке; но, если это будет сделано неискусно, оно окажется более похожим на какое-нибудь подмокшее «солнце», которое не горит и образует черное пятно в самом центре окружающих его огней.

Приберегите для заключительных слов ту фразу, которая сложится в наиболее удачной форме. Красивый риторический оборот всегда производит хорошее впечатление, а хорошо построенное заключение может загладить немало из тех шероховатостей, которые промелькнули в вашей речи; слушателям часто кажется, что если конец был хорош, то и все прочее хорошо. Не следует также забывать, что искусство речи заключается не в одних словах. Впечатление, остающееся у слушателей после слов настоящего оратора, есть ряд образов. Люди не столько слышат, сколько видят и чувствуют истинно великую речь. Поэтому слова, не вызывающие образов, скоро утомляют их. Перед человеком, способным только на извержение слов, слушатели представляют то же, что ребенок, перелистывающий книжку без картинок.

Оратор — чародей, который взмахом своего волшебного жезла создает перед своими слушателями сцены, в которых они не только зрители, но и актеры; они испытывают на себе непосредственное отражение разворачивающихся перед ними событий и переживают окружающие их радости и горести. Я не хочу сказать, что следует искусственно заряжать присяжных истерикой. Нет; но вы должны достигнуть того, чтобы они не только слышали ваши слова, но и видели картину, рисуемую перед вами, и были увлечены порывом ваших собственных чувств.

Вот в чем заключается искусство вступительной речи со стороны поверенного ответчика. Если вам удастся выполнить эту часть вашей задачи с успехом, вам нечего опасаться того, что может еще сказать противник, хотя, конечно, ни одно слово не было сказано вами без вдумчивой предусмотрительности перед предстоящим возражением истца.

ГЛАВА VIII

О заключительной речи ответчика

Об этом приходится сказать лишь несколько слов. Не потому, что эта отрасль нашего искусства имела меньше значения, чем прочие. Напротив того, это — одно из самых ценных прав поверенного на суде. Надо помнить, что заключение не есть повторение вступительной речи; там вы разобрали доказательства, представленные истцом, и показали, что в них совсем не заслуживает внимания, что будет опровергнуто вашими свидетелями. Если это было выполнено вами хотя наполовину так, как мне представляется возможным и нужным, тогда то, что вы устранили из дела, устранено окончательно. Теперь перед вами полный простор для аргументации, анализа и сравнения различных данных дела. Здесь может представиться и удобный случай для некоторого увлечения и усиления речи внешними приемами, иногда даже для некоторого пафоса. Но если это так, необходимо помнить, что нужны пафос фактов и красноречие фактов; если не будет этого, вы можете с таким же успехом стучать в бубен и воображать себя оркестром.

Вы не лишены, конечно, возможности разбирать доказательства, представленные суду вашим противником, хотя, строго говоря, вам предоставлено только право «сделать сводку». В общий итог могут войти не только ваши собственные доказательства в их самостоятельном виде, но и те же данные, поскольку они развиваются и подкрепляются объяснениями истца и его свидетелей. Здесь нельзя указать общего правила, но судья не будет слишком требователен в наблюдении за границами вашего изложения в этом отношении.

Так как за вашей речью должно последовать возражение поверенного истца, то вы, конечно, примете в расчет его вероятные доводы, и, если вы сколько-нибудь умеете понимать людей, вы будете знать, какие ваши удары были наиболее чувствительны для него. В эту минуту почти все карты уже разыграны, и вы должны в точности знать, какие остались у него на руках. Само собой разумеется, что вам надо подкрепить те пункты, на которые предстоит вероятное нападение, и как можно ярче выдвинуть вперед те, для которых никакие натиски красноречия уже не страшны.

Если только вы не зевали во время судебного следствия, никакие хитрости вашего противника не введут вас в обман. Если он сумел подметить у вас слабое место, от вас ускользнувшее, вашему доверителю грозит полное поражение. Это бывает очень часто, и потому-то с самого начала процесса до последних слов последнего свидетеля необходима величайшая бдительность ко всему происходящему на суде.

Никогда нельзя сказать, какое замечание, — иной раз, какое одно слово свидетеля, — может решить дело. Вы можете лишь догадываться о том, каким мерилom будут присяжные проверять представленные вами доказательства; но, что от наблюдения вашего не должно ускользнуть ни единое слово, это столь же несомненно, как то, что моряк, обзирающий поверхность океана, не может оставить без внимания ни единой скалы и ни единого показавшегося над водой камня, не рискуя гибелью судна.

Я сделаю еще одно замечание. Следите за точностью ваших итогов в заключительной речи; иначе вы можете опрокинуть расчеты ваших собственных свидетелей.

Присяжные не терпят ложных подсчетов. Как бы ни расценивали они отдельных слагаемых, им нужен верный итог.

Если ваш общий подсчет верен, они, может быть, исключат из него некоторые отдельные статьи, но примут другие в основу своего решения; в противном случае они могут отбросить и все вместе, под влиянием неудовольствия или даже разочарования.

Не забывайте также, что, если у вас в руках два и два, нет нужды убеждать присяжных, что выйдет четыре; а главное, не вздумайте доказывать, что выходит пять.

ГЛАВА IX

О возражении со стороны истца

Люди часто судят о нас по мерке
своего собственного тщеславия.
Ромола

Возражение истца имеет всегда большое значение для решения дела, и стороны часто борются за то, чтобы оставить за собой право на последнее слово. Многие отрицают силу этого «слова», но только не те, кто настолько владеет красноречием, чтобы воспользоваться всеми выгодами этого права. Случается даже, что представитель стороны отказывается от представления доказательств ради права на последнее слово, хотя я сомневаюсь, чтобы это было правильно, коль скоро доказательства имеют хотя бы самую незначительную ценность. Как бы ни были сильны аргументы, факты сильнее. Тем не менее иногда приходится взвесить вопрос, следует ли положиться на возражение или выставить свидетелей со своей стороны и предоставить последнее слово противнику. Как бы то ни было, при всяких условиях — за исключением тех случаев, когда один из противников сильный оратор, а другой говорит плохо, — последнее слово всегда составляет драгоценное преимущество. Впрочем, бывают и такие речи, которые хуже молчания и силой контраста могут только помочь противной стороне.

Никто, полагаю, не станет сомневаться в том, что прежде всего надо овладеть вниманием присяжных. Вслед за тем — вниманием судьи. Хотя я ставлю это последнее на второе место, оно часто бывает важнее первого, ибо случается, что, не успев склонить на свою сторону присяжных, вы все-таки можете выиграть, если убедили судью. Он может оказаться сильнейшим вашим сторонником; старайтесь поэтому привлечь все его внимание к вашим словам. Я слышал недавно, как адвокат, проигравший дело, говорил своему счастливому противнику: «Вы выиграли, потому что присяжные пошли за судьей!» — «Да, — ответил тот. — Но судья-то пошел за мной».

Если судья согласится с вашим толкованием закона или фактов, оно повторится и в ответе присяжных. Но так бывает не всегда. Как о фактах, так и о смысле закона у него может сложиться суждение, не вполне согласное с вашим толкованием дела. Тогда задача труднее: надо склонить на свою сторону присяжных наперекор судье. Вот цель, к которой идет последнее слово, как, впрочем, и вся остальная работа стороны в процессе. Как достигнуть этого — вот вопрос, на правильное разрешение которого нельзя жалеть ни времени, ни труда.

Те указания, которые я предлагаю читателю на этих страницах, основаны на наблюдении и опыте и могут до некоторой степени быть полезны для начинающих, хотя сами по себе такие советы, сколько бы их ни было, никогда не создадут адвоката. Искусство речи, привычка к здоровой рассудочной деятельности, правила риторики — все это входит в рассматриваемую область адвокатской деятельности. Мы должны предположить, что читатель уже посвятил всему этому много работы. Если это не так, ему следует обратиться к этим занятиям безотлагательно и с величайшим прилежанием. Искусство речи, по моему глубокому убеждению, далеко не пользуется у нас должным вниманием, и в последние годы создалось какое-то нелепое обыкновение смотреть на него, как на нечто второстепенное в судебной деятельности. Но факты остаются фактами, и в большинстве случаев лучший оратор бывает и лучшим адвокатом, т. е. ведет дела с большим успехом; если участник процесса задается целью использовать в речи перед присяжными или собственными свои способности, или преимущества представляемой им стороны дела, — ясно, что чем он лучше владеет искусством слова, тем легче достигнет и того, и другого. Умение говорить есть обязанность адвоката, и, чтобы усовершенствоваться в нем, не следует жалеть ни времени, ни труда. Умение говорить есть залог успеха, и чем лучше вы говорите, тем меньше соперников окажется вокруг вас на избранном поприще.

Стараясь расположить к себе присяжных, чтобы обеспечить себе их внимание, надо, как я уже говорил, остерегаться того, к чему слишком часто прибегают молодые адвокаты. Я говорю о лести. Надо помнить, что, сев на свои места в суде, присяжные остаются такими же людьми, какими были раньше. Человеку, уважающему свое достоинство, не подобает «гладить их по шерстке». Если вы станете толковать им, что они умные люди, как будто нужно напоминать им, что они не совсем дураки, вы внушите им далеко не лестное представление о вашем собственном уме и знании людей. Нет также никакой нужды объяснять им, что они англичане; они сами знают это; а если между ними есть люди других национальностей, им не слишком приятно будет слушать вас.

Нет нужды твердить им, что вы видите в них людей здравомыслящих; это также не слишком занимательно, и вы ничего не выиграете этим в их глазах. Надо убедить их, что вы рассуждаете здраво, а не они. Нет надобности также говорить о вашей уверенности в том, что они «честно и беспристрастно оценят обстоятельства дела»; это не возражение по существу дела и не риторика; это — самое жалкое пустословие. Заезженные выражения не производят впечатления на слушателей, напротив, раздражают их своей беспомощностью; они выдают бедность мысли и слога, изобличают полную несостоятельность говорящего. Есть ли смысл в том, чтобы рассуждать перед присяжными об их честности, точно кто-нибудь сомневается в ней, или в их беспристрастии, как будто вы подозреваете в них сильное предубеждение в пользу вашего

противника. Короче сказать, не следует давать присяжным основания думать, что вы собираетесь водить их за нос. Тот, кто станет убеждать их верить в самих себя, не покажется ли просто глупцом в их глазах? Куда лучше будет, если вы сумеете заставить их верить в вас!

Для этого надо прежде всего внушить им, что вы сами верите в себя. Вера в себя есть важнейшее условие успеха. Я говорю не о пошлой и грубой самоуверенности и не о тщеславии, а разумею искреннюю и спокойную уверенность в себе. Вера — великая сила и успешная сотрудница всякого начинания. Вера не раз оказывала величайшее влияние на судьбы человечества. Джордж Элиот говорит: «Уверенность деятеля в своих силах состоит в значительной доле из веры в него других». Вера передается окружающим и в них же черпает собственную силу. Если бы мне предоставили выбор, я предпочел бы, чтобы мой адвокат верил в себя, а не в дело, мной ему порученное. Если бы я знал, что он верит и в то, и в другое, я считал бы дело выигранным.

«Если,— говорит Уэтли,— поверенный сумел убедить присяжных не в своей честности вообще, а в своей уверенности в правоте его доверителя, это значительно усилит его шансы на успех, ибо они будут видеть в нем как бы нового свидетеля с той же стороны. Опытные адвокаты знают это и часто с успехом пользуются этим. Их речи и обращение бывают рассчитаны на то, чтобы в них выражалась полная убежденность и глубокое чувство».

Нельзя также не назвать неудачным началом для возражения всяческие нападки на вашего противника, его доверителя или стряпчего. Присяжным нет никакого дела до них. Надо разбить доказательства вашего противника, а не его самого. Брань не есть ни доказательство, ни возражение; всякие личные нападки переходят в оскорбление, если только они не вызваны необходимостью изобличить во лжи свидетеля, с которым иначе справиться нельзя.

Юниус говорит в одном из своих писем: «Выбор, во всяком случае, предвещал человека большого таланта и знаний. Таков он или нет, пусть скажут за него его распоряжения, поскольку они стали известны, и его мероприятия, поскольку они успели оказать свое действие. Во-первых, мы видели решительные заявления, не подкрепленные доказательствами, декламацию без логических доводов, запальчивое порицание без достоинства и умеренности, но не видели ни точности в изложении, ни благоразумия в задачах». Вот хороший урок для начинающих.

С другой стороны, и ваши ответы на неудачные личные нападки вашего противника не принесут вам ни малейшей пользы. Берегитесь, чтобы от юридического разбора дела вас не отвлекли в личную схватку, за которую будет расплачиваться ваш клиент. Спор идет не о вашем деле, а о деле вашего доверителя. Если было сказано что-либо, требовавшее ответа, надо было ответить тогда же. Когда вам предоставлено возражение, внимание присяжных должно быть всецело отдано интересам вашего клиента, а не вашим.

Внешнее обращение говорящего не менее важно для того, чтобы завладеть вниманием слушателей, чем содержанием речи. В этом отношении прежде всего надо, чтобы оратор был или казался всецело проникнутым своей задачей. Два, три замечания в разговорном тоне, без лишней торжественности, сделанные так, чтобы они видели, что не вполне уверены в них, хотя и не считаете нужным высказать этого им в лицо, и не менее уверены в себе, не распространяясь и об этом,— несколько таких слов устанавливают взаимное доверие между вами и присяжными с самого начала. Если это не удастся вам, то, как бы сильна ни была ваша речь по своему содержанию, она не произведет на них особого впечатления; удастся — и каждый из ваших доводов получит в их глазах свой истинный вес по отношению к спорному вопросу.

После этого все ваше внимание вновь принадлежит тому, что должно было целиком поглощать его до той самой минуты, когда вы встали, чтобы говорить,— я разумею порядок изложения и распределение вашего материала в речи. Она никогда не будет хороша без этого, а с этим не может быть совсем плохой. Слушателям будет легче следить за вашими соображениями и понимать их, если вы будете вести их за собой в той постепенности, в которой совершались события,— идти, так сказать, по большой дороге, чем если погоните их скачкой с препятствиями по полям и оврагам. Старайтесь расположить ваши доводы с таким расчетом, чтобы по мере движения вашего по пути фактов слушатели заранее видели, что должно следовать за каждым отдельным вашим положением; слушателям будет казаться, что ваш рассказ должен быть верен, коль скоро факты с такой естественной последовательностью вытекают один из другого. Мы легче читаем по карте, на которой границы обозначены крупными чертами, чем по такой, на которой они не указаны. Все содержание вашей речи раскинуто перед присяжными, как географическая карта, и чем ярче границы, тем лучше усвоят они их взаимное отношение. Все это может быть достигнуто посредством надлежащего построения речи и умелого распределения в ней данных дела. Ваш противник разработал его со своей точки зрения, выдвинул, насколько мог, вперед свои факты, отодвинул ваши как можно дальше; иные расшатал, некоторые совсем уничтожил. Теперь черед за вами; надо сделать то же самое по отношению к его фактам, а вместе с тем осветить места, оставшиеся в тени с вашей стороны, и выдвинуть ваши факты из окружающей их темноты.

Я убедился по своим наблюдениям, что лучшие адвокаты (которые всегда следуют известной системе в ведении дела) по большей части начинают с разбора доводов противника. Эти доводы были только что изложены перед присяжными, и с ними легче справиться, пока они еще не успели глубоко проникнуть в их сознание. Если вы возьметесь за них уже после изложения ваших доказательств, вам придется спорить против данных противника, а не устранять их; таким образом они все-таки могут оставить последнее и более глубокое впечатление.

При разборе доказательств противника не следует останавливаться подолгу на незначительных противоречиях и вообще на мелочах дела. Мелочные придирки ослабляют силу речи подобно тому, как пыль замедляет движение колес у машины. Они вызывают трение и задерживают, а не двигают дело вперед. Присяжным кажется, что у вас нет более серьезного материала, и к тому времени, когда вы доберетесь до более важных вопросов, они уже будут чувствовать себя утомленными; впечатление от вашей речи будет значительно слабее. Вы не можете указать того раздела речи, в который следует отнести мелочную критику противника; это лучшее доказательство того, что она нигде уместной быть не может. Если вы возьметесь за нее, не успев еще развить ваших основных рассуждений, вы покажетесь скупым; возьметесь за низ после, ослабите главные соображения. Мало того, вы этим самым придаете пустякам искусственное значение, которого они в действительности не имеют. Вы указываете на них присяжным и подставляете им при этом увеличительное стекло. Уэтли говорит: «Слишком страстное и старательное опровержение аргументов, в сущности ничтожных или представленных в ничтожном виде противником, нередко приводит к тому, что они получают действительную силу. То, что сказано вскользь и затем презрительно отставлено в сторону, уже по одному этому часто будет казаться и на самом деле не стоящим внимания в глазах многих читателей и слушателей. А если им будут настойчиво твердить и повторять об этом, они начнут сомневаться».

При возражении следует также помнить, что вам надо считаться не с самими свидетельскими показаниями, а с тем, что из них естественно вытекает, или с тем, что от них осталось после перекрестного допроса. В пояснение этого я укажу на одно дело, рассмотренное недавно в присутствии судьи Брета. Владелец дорогой лошади предъявил к кузнецу иск об убытках от неправильнойковки по небрежности ответчика; лошадь захромала, и ее пришлось пристрелить. Истец доказывал, что задние подковы лошадей делаются «на разные ноги». Ответчик утверждал, что этого не бывает; его свидетели подтвердили это заявление. Поверенный истца предъявил ответчику подкову и спросил, не сделана ли она на левую ногу. Тот ответил, что подкова годится на обе ноги. Поверенный истца спросил, набил ли бы ответчик эту подкову на любую заднюю ногу лошади, как бы ни пришлось. Тот отвечал утвердительно. Тогда в отверстия подковы были вставлены гвозди, и так как отверстия были пробиты с надлежащим наклоном, то концы гвоздей на одной ветви подковы приняли наклон наружу, а на другой — наклон внутрь.

Ответчика спросили, может ли он ввиду такого обстоятельства утверждать, что подкова не была сделана на левую ногу. Он остался при своем. На вопрос, почему же гвозди наклонены под разными углами, он сказал: «Так принято». — «Так принято у всех кузнецов?» — «Да». В своем напутствии присяжным судья сказал: «Если вы видите, что известную вещь принято делать по известному образцу, особенно если образец этот соблюдается везде и всюду, вы можете быть уверены, что это имеет вполне разумное основание. Если все кузнецы делают подковы с отверстиями, имеющими один наклон на одной ветви и иной наклон на другой, то вы можете с уверенностью сказать, что это делается не ради одной прихоти. Что можем мы вывести из объяснений свидетелей? Их объяснения указывают, что если прибить подкову к соответствующему копыту, то гвозди, благодаря известному наклону, войдут в рог копыта правильно и лошадь будет подкована как следует. Но если прибить ту же подкову к копыту другой ноги, то гвозди могут попасть в мясные части копыта, и лошадь окажется закованной, будет хромать. Вопрос заключается в том, не было ли сделано это в настоящем случае. Не была ли правая подкова набита на левую ногу?»

«Присяжные, приняв в соображение то, что вытекало из свидетельских показаний, пришли к заключению, что так и было на самом деле, между тем сами по себе эти показания, не опровергнутые истцом, доказывали противное».

Едва ли нужно пояснять, что вам всегда выгоднее разбирать естественные выводы из слов свидетеля, чем его добросовестность, если, например, вместо того, чтобы доказывать, что свидетель лжет, вы будете оспаривать точность его передачи, твердость памяти или верность наблюдений. Уэтли говорит: «Люди бывают склонны к неверным суждениям о положениях, лицах и обстоятельствах, не известных им в точности, вследствие того, что они применяют к ним мерку своих собственных чувств и наблюдений; это приводит к тому, что верное описание незнакомых вещей часто кажется им неестественным, а ошибочное — естественным». Присяжные всегда избегают предположения, что свидетель лжет под присягой, особенно если он не заинтересован в исходе дела. Всякие нападки на личность свидетеля также действуют на них неприятно. Если вы

не умеете избегать этих ошибок, вам лучше молчать, чем говорить; ибо вы можете только повредить своему доверителю.

Итак, надо разобрать в воображении выводы, вытекающие из свидетельских показаний. Если же является безусловно необходимым настаивать на том, чтобы присяжные не верили словам свидетеля, что должно случиться иногда, и вы лишены возможности объяснить не иначе, как его недобросовестностью, избегайте все-таки обвинения его во лжи: это можно делать только в крайних случаях, когда благородное негодование не только просится наружу, но и вы не в силах удержать его; но вы убедитесь, что, разведя пары наполовину, по выражению одного моего товарища, уже сделаете все, что требуется при всяких условиях. Надо только, чтобы ваше справедливое негодование было настолько заметно, чтобы оно встретилось со сдержанным негодованием присяжных и дало исход последнему в их ответе. Чтобы вызвать у присяжных сомнение в показании свидетеля противной стороны, лучше всего напомнить им показания одного или двух ваших свидетелей. Решение некоторых вопросов будет зависеть частью от фактов, частью от суждения и понимания фактов свидетелем, их удостоверяющим; у него может быть совершенно ложное представление о происшедшем, и его заключение, приводимое им как факт, может также оказаться неверным. Обращаюсь опять к архиепископу Уэтли; он подтверждает мои слова. «Если,— говорит он,— человек сообщает нам, что, будучи в Вест-Индии, он наблюдал случай заболевания людей особой болезнью после сна под лучами луны и что заболевание этих людей уступало действию известного лекарства, его рассказ есть не более как удостоверение ряда фактов; но если он утверждает, что эти люди заболели от лунного света, что таково вообще действие лунных лучей в этом климате, его свидетельство, при всей добросовестности, заключает в себе уже вывод другого рода, а именно: не единичный, а общий вывод, справедливость которого будет зависеть не только от его правдивости, но и от верности его суждений».

«Но и в первом случае, т. е. когда вопрос касается только фактов в тесном смысле слова, нельзя упускать из виду влияние умственного склада человека на его рассказ. Человек может подчиняться сильным предубеждениям — чем слабее он сам, тем больше поддается им; ему даже может казаться, что он видит то, чего он не видит».

Следует всегда принимать в соображение умственный склад и способности человека, коль скоро вопрос стоит выше скромного понимания людей самого незначительного развития.

Решительность свидетельских показаний бывает прямо пропорциональна невежеству свидетелей. Невежда готов утверждать под присягой, что Солнце вращается вокруг Земли только потому, что так кажется. Это, конечно, крайний пример; но можно было бы привести самые обычные примеры того, как люди удостоверяют под присягой то, что кажется, в полной уверенности, что кажущееся есть действительно существующее.

«Правда не всегда правдоподобна» — это старое изречение очень полезно помнить при возражении на суде. Полезно разъяснить эту старую истину присяжным, ибо они также бывают очень склонны ко внешности, и для них нет большего удовольствия, как удивление, которое они испытывают, своевременно убедившись, что были введены в заблуждение каким-нибудь обманчивым обстоятельством. Они испытывают нечто подобное тому, как если бы им сказали ответ на загадку, которой они не могли разгадать. Если вам удастся вызвать в них это ощущение, вы можете быть почти уверены в их решении.

Вероятное гораздо лучше возможного. Присяжные, как и всякие другие люди, придают ему больше значения. Вероятности очень ценны в возражении; ими следует пользоваться как можно чаще. Чрезвычайно важны также те условия, при которых свидетели могли видеть или узнать то, о чем они показывают, равно как и основания их суждений; все это может служить к тому, чтобы краткими, убедительными доводами опровергнуть показание в глазах присяжных, не вынуждая их видеть в свидетеле лжесвидетеля. Следует исчерпать всю свою изобретательность в аргументации, прежде чем прибегать к этому крайнему способу, если только у вас нет достоверных указаний на лжесвидетельство; а в этом последнем случае начинайте прямо с этого и говорите смело, не давая лазейки лжесвидетелю. Вы, конечно, заметили, что на минуту, но только на минуту, переступили намеченную черту,— разобрать данные противной стороны, прежде чем браться за свои. Но это необходимо для более яркого противопоставления того и другого, и это много облегчит вам опровержение доводов противника. Это уклонение в сторону не нарушит последовательности вашей аргументации; напротив того, оно придаст силу той части речи, в которой вы будете разбирать факты, установленные с вашей стороны.

Едва ли нужно напоминать, что при разборе доказательств вашего противника вы не упустите отметить противоречия или мало-мальски существенные разногласия в словах его свидетелей, а также указать на все невероятное в предложенном им толковании дела или выяснить, что выставленные им доказательства, в противоположность вашим, не обнимают дела в его полном объеме.

Разобрав показания существенных свидетелей и разбив их, насколько возможно, или

оставив их в целости до более удобного случая, вам надо теперь выдвинуть вперед факты, установленные вами, и вновь представить их присяжным как основание ваших домогательств. Вы можете теперь собрать воедино показания ваших свидетелей и предложить суду ваше толкование дела в законченном и обоснованном виде.

Следует всегда говорить кратко, но в настоящую минуту это нужнее, чем когда-либо; здесь надо быть кратким, елико возможно. Если вы не оратор, лучше быть кратким, потому что плохая речь не производит впечатления; а если вы обладаете даром слова, вы тем паче можете быть кратким, потому что умеете сказать многое в немногих словах. Короткая речь, как бы ни была коротка, доходит до конца; а пустословие неизбежно останавливается где-нибудь на полпути. Но и хороший оратор должен остерегаться затемнить свои доводы многословием; люди, одаренные способностью свободной речи, более других нуждаются в «подрезке» на первых шагах. Все, что требуется,— это чтобы ваши факты были ярко очерчены и бросались в глаза, как плоды на редких ветках яблони, ползущих по стене. Лучше, пожалуй, скупость, чем расточительность на слова. Не одевайте факты в пышные фразы, не старайтесь сразу установить несколько пунктов. Не предлагайте их присяжным в виде виноградной кисти: не все будут видны им. Надо, чтобы каждое ваше положение было установлено отдельно от других с полной отчетливостью, как произведение искусства, подлежащее их строгому рассмотрению; и коль скоро известное положение вами установлено, не задерживайтесь на нем и переходите к следующему. Указав, таким образом, ваши основные положения и представив каждое из них в отдельности в наилучшем освещении, вы можете теперь собрать их вместе и еще раз выдвинуть перед судом всю их совокупность, как нечто целое. Выражаясь на военном языке, следует закончить смотр «церемониальным маршем»; это представляется мне лучшим средством для того, чтобы показать боевую силу и снаряжение вашего отряда.

Есть одно указание, о котором я не упоминал бы вовсе, если бы оно не нарушалось так часто в наших судах, а именно: следует избегать ходячих затверженных выражений, а также привычных поговорок; последние от постоянного употребления в разговоре почти переходят в то, что называется «условный язык у светских людей или воров»; такие выражения изобличают бедность мыслей и отсутствие оригинальности, отнимают силу у речи. Когда человек прибегает к ходячему изречению, чтобы подтвердить свое положение, он дает слишком мало для слушателей. В таких речениях нет ни красоты, ни доказательности; они годятся для балаганов, а не для форума. Но худшее в общих местах — это то, что они так малоубедительны и что их так легко бывает разбить.

Есть ли смысл говорить: «Г-да присяжные! По старинному изречению...», когда противник отвечает на это здравыми логическими доводами. А если спор идет в области предположений, кто станет тратить сильные, неотразимые слова здравого смысла в ответ на подобное пустословие? «Старинное изречение» может вызвать смех, а решит дело новое слово или новая мысль.

Я не хочу сказать, что не следует пользоваться примерами; они составляют один из самых полезных риторических приемов. Пример есть наилучшее средство для пояснения мысли; но пример должен, по крайней мере, быть оригинальным. Это должна быть искра вашего собственного ума, а не отблеск чужого фонаря, как бы ярко он ни горел. Архиепископ Уэтли говорит: «Метафора или сравнение, вошедшие в общее употребление и уже знакомые слушателям, производят сравнительно мало впечатления на них». Пример, хотя бы самый простой, всегда бывает приятен и убедителен для них, если только он подходит к случаю и не повторяет старого.

Я уже предостерегал адвоката от слишком свободного выражения чувства. Едва ли нужно говорить, что прямое обращение к страстям присяжных в возражении неуместно и несправедливо. Они призваны решать дело не под влиянием страстей или чувства, и попытки к воздействию на них в этом направлении могут привести их к неверному решению. Вы имеете право искать сочувствия присяжных, но это следует делать фактами, а не продажной чувствительностью; только воздействие фактами на чувства есть законный прием адвокатского искусства и законное пользование властью красноречия; искусство заключается в том, чтобы представить факты в таком виде, чтобы они сделали то, что вам делать воспрещается. Но было бы слишком смело с моей стороны рассуждать об этих высших талантах оратора, которым нельзя научить и которых нельзя приобрести. Я хочу только сказать, что всякая попытка оказать влияние на присяжных поверенных обращением к их чувствам неизбежно вызывает их неудовольствие. В лучшем случае этот неловкий, грубый прием ничем не лучше прямого запугивания; если вы не умеете затронуть их чувства иначе как бурным натиском на них, лучше держитесь фактов и поберегите свой пафос для вашего клиента.

Столь же бесплодны будут и ваши усилия склонить в свою сторону судью, если вы будете открыто стремиться вызвать в нем предубеждение. Это своего рода риторический разбор, и всякий, кто может обойтись без такого насилия, должен старательно избегать его. Это прием не только безнравственный, но и логически неправильный. Если обстоятельства дела сами по себе

вызывают сочувствие присяжных к вашему доверителю, вам нет нужды греметь в трубы, чтобы заявлять об этом во всеуслышание; если нет, жалкие уловки затронуть это сочувствие останутся втуне: мало того, они могут вызвать в судье раздражение против вас, а иногда и настроить его против вашего доверителя; вы можете быть уверены, что, проникнутый желанием быть справедливым по отношению к обеим сторонам, он всячески будет препятствовать вам выиграть дело каким-либо несправедливым преимуществом; если затем вы проиграете верное дело вследствие его стараний помешать вам выиграть его недостойным приемом, в этом будете виноваты вы, а не он.

Возражение должно охватить все дело и вместе с тем быть сжатым, спокойным и смелым. В его умеренности будет его сила. Страстные выражения — признак слабости, громкий голос — шум, оглушающий ухо, вместо того чтобы содействовать пониманию. Если вся речь произносится в повышенном тоне, говорящий не может модулировать голоса, а модуляция есть музыка красноречия.

Лорд Брум сказал про Эрскина: «Присяжные признавались, что не могли оторвать глаз от его лица, ибо один взгляд его, чаруя, приковывал их к себе. А голос его, обладая необычайной нежностью, ясностью и гибкостью, вместе с тем чудесно отражал минуты внутреннего напряжения».

«Его внешнее обращение,— говорит Эспинас,— было всегда пристойно, естественно, непринужденно... Звук речи, хотя несколько резкий, отличался полнотой, без малейшего шотландского акцента, и был приспособлен ко всякой обстановке,— почти математически рассчитан по условиям минуты».

Говоря о внешности, я могу сказать, что все указания так называемых учителей красноречия о жестикуляции есть пустые слова. Кто хорошо говорит, у того естественные и подходящие жесты являются сами собой; кто говорит плохо, у того их вовсе нет. Изящной жестикуляции научиться нельзя, так же, как нельзя научиться быть красивым.

«Все, что преувеличивается, теряет в силе»,— сказал нынешний генерал-солиситор в разговоре с клиентом; вот правило, которое полезно помнить как во вступительной речи, так и при возражении. Вы можете «перестараться» с вашими фактами, как и с фактами вашего противника; в суде всегда, когда можно, бывает выгодно выставить напоказ свою умеренность. Сдержанность голоса нравится не меньше, чем сдержанность в выражениях. Мне приходилось наблюдать адвокатов, которые кричали так, как будто присяжные были злосчастные люди, выброшенные на скалу в океане после кораблекрушения, а оратор — человек, сидящий с берега перекричать рев бури для их спасения; я хотел бы проникнуть в сердца погибавших, чтобы узнать, что испытывали они, внимая громам бога бури.

Два слова о том, что называется заключение. Оно не должно трещать, как шумиха, ни разлетаться звездами в небе, как ракета. Оно должно быть разумным и приятным заключением сказанного — привлекательно, внушительно, по возможности безупречно по слогу. Надо, чтобы оно оставило приятное впечатление в умах присяжных. Оно должно быть хорошо построено, уместно и коротко. Назначение вступления, вступление, состоит в том, чтобы завладеть вниманием присяжных; заключение должно оставить у них сознание, что их внимание не пропало даром. В одной из последующих глав читатели найдут один или два примера искусно составленных заключений речи, взятых мной у наших лучших ораторов как образцы сжатости, краткости и красоты.

Мне кажется уместным привести в заключение этой главы необычайные мысли, высказанные лордом Брумом в одном знаменитом процессе (Гаррис понимает процесс королевы Каролины), которые, как я думаю, ввели в заблуждение не одного неопытного адвоката и будут иметь такое же влияние еще на многих других, к вящей опасности для их злосчастных клиентов и для их собственных дальнейших успехов. Люди молодые бывают слишком склонны принимать на веру слова человека с громким именем, особенно если он к тому же является авторитетом в области их деятельности. Великие люди часто изрекают неважные слова, которых никто бы не заметил в устах обыкновенного человека, и нет ничего менее разумного, как принимать без собственной проверки хотя бы слова мудреца. Бедняк, конечно, не станет взвешивать монету, брошенную ему богачом, но если она покажется подозрительной по виду, он все-таки ударит ее об стол, если только он человек осторожный, не то его доброе имя может пострадать, когда он передаст ее другому за настоящую. Из того, что великий человек или мудрец сказал то или иное, еще вовсе не следует, что мы должны беспрекословно подчиняться его суждению и слепо повторять его; и, я думаю, что честный человек, по зрелом обсуждении, не может согласиться с приведенными ниже словами лорда Брума, который, при всех своих выдающихся достоинствах, несомненно поддавался увлечениям.

«Есть многие люди, которым необходимо напоминать, что адвокат — во имя священной связи, соединяющей его с клиентом,— при исполнении своих обязанностей знает только одного человека в целом мире — этого клиента, и никого другого. Служить этому клиенту всеми

целесообразными средствами, охранять его, не стесняясь возможными последствиями для всякого другого (в том числе и лица, уже пострадавшего), а также и для самого себя,— есть его высший, несомненный долг. Он не может отступить перед тревогой, страданиями, мучениями, гибелью, которые может принести другим. Нет; отделяя даже долг перед родиной от своего адвокатского долга, он обязан идти вперед, пренебрегая возможными последствиями своих действий, если, на его несчастье, судьба поставит интересы его клиента в противоречие с благом его отечества».

Хотя с некоторыми частями этого чересчур смелого отрывка и можно было бы согласиться, особенно в тех условиях, при которых говорил оратор, в нем, несомненно, есть многое, от чего отшатнулся бы честный человек, хотя бы он и принимал в самом широком смысле слово «целесообразность». В том увлечении судебной борьбой, в котором находился Брум в упомянутом процессе, произнесение этих слов могло, пожалуй, быть извинительным; но при спокойном рассмотрении с этими положениями едва ли можно согласиться.

Едва ли можно допустить, что адвокат пользуется большей свободой, чем мог бы пользоваться сам его клиент в своей защите. Дозволено ли было бы последнему пренебрегать страданиями, мучениями, гибелью, которые он может причинить другим? И где те условия, при которых все эти чрезвычайные несчастья стали бы целесообразными? Если они не могут быть целесообразны никогда, то остальная половина периода, со всеми ее ужасами, теряет всякий смысл. Если могут, скажите — когда?

Предположим, что тридцать лет тому назад свидетель был подвергнут ссылке по судебному приговору; что с тех пор он успел сделаться богатым купцом в Англии; он окружен семьей, у него множество друзей, совершенно незнакомых с его далеким прошлым. Он является в качестве свидетеля перед судом и дает показание о факте, имеющем существенное значение для дела. Можно ли допустить, чтобы адвокат спросил, не был ли он присужден к ссылке тридцать лет тому назад? Но предположим, что адвокат находит «целесообразным» установить это обстоятельство. Я полагаю, что он один может судить об этой целесообразности. Что же выйдет? Может быть разорение человека, позор его друзей, несчастье его семьи. И оратор останется не связанным никакими другими соображениями, кроме интересов его клиента, может быть, по жалкому взысканию по векселю. Такие приемы в нашем деле представлялись бы мне крайней жестокостью, никоим образом не оправдываемой.

Адвокат обязан бережно относиться к чувствам посторонних людей, невзирая ни на какие «священные связи, соединяющие его с клиентом»; он должен быть охранителем, а не разрушителем частной жизни своих сограждан; он обязан соблюдать золотое правило: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»; он не может умерять или приостанавливать в себе чувства христианина и порядочного человека; он должен считаться со «страданиями, мучениями, гибелью, которые может принести другим». Пусть служение своему клиенту будет его «высшим, несомненным долгом», но можно все-таки надеяться, что ради этого долга он не забудет своих обязанностей как человека и не затруднится отказаться от ведения дела, которого не может выиграть честными средствами. С другой стороны, адвокат, не щадящий никого из окружающих, может ввергнуть и собственного клиента в общую гибель и, во всяком случае, не может не повредить ему в глазах присяжных.

Глава X

Об обвинении на суде

На первых шагах после своего вступления в сословие молодые адвокаты бывают преимущественно заняты или, пожалуй, точнее говоря, запутаны обвинениями по уголовным делам. Во многих городах на четвертных сессиях установлен порядок, который, надеюсь, не скоро будет изменен, а именно: обвинения по делам, в которых не участвуют стряпчие, распределяются между наличными членами адвокатуры. Можно держаться различных взглядов о достоинствах этого порядка для дела, но что касается меня, то, судя по собственному опыту, я убежден, что это лучшее, что можно найти, и что обычай этот приносит неисчислимую пользу как молодым адвокатам, так и обществу.

Чтобы научиться плавать, нет нужды иметь в своем распоряжении Атлантический океан. Молодой адвокат может научиться начинать — это первое, что надо сделать — с таким же удобством на выездных сессиях, как и в Вестминстере. Я лично думаю, что там он сделает это несравненно скорей. Самое лучшее и верное средство испытать свои способности — это быть предоставленным самому себе. Когда старый орел хочет узнать, окрепли ли крылья у молодого орленка, он уносит его ввысь над гнездом и выпускает его из своих когтей.

Полезно поэтому будет дать несколько указаний по отношению к этой далеко не маловажной отрасли адвокатской деятельности. Ибо и в этом отношении знание не дается человеку при рождении. Говоря по правде, я знавал немало зрелых адвокатов, так называемых

«старших», которые ничего бы не потеряли от напоминания им тех правил, которые они должны были бы затвердить давным-давно.

Итак, скажу прежде всего, что адвокат, ведущий на суде обвинение по уголовному делу, не должен ни в каком случае выказывать в нем своих личных чувств. Он не есть пострадавший от преступления, не исполнитель правосудия, как его иногда ошибочно называют. Он призван представить подсудимого во власть суда; ему менее чем кому-либо прилично волноваться. Я говорю это потому, что в одном недавнем процессе обвинитель, под влиянием особенной безнравственности преступника, выказал в своем усердии немало раздражения. «Правда от слова не станется», как говорит пословица, но потому, между прочим, и следует избегать резких выражений, что они ничего не доказывают.

В словах обвинителя не должно быть заметно желания добиться обвинения. Кто бы ни был обвинитель, кто бы ни был подсудимый, каково бы ни было деяние, вменяемое последнему в вину, в речи обвинителя должно быть видно только одно неуклонное стремление — представить факты дела суду, призванному постановить о них свое решение.

Непоколебимая справедливость есть первый долг того, кто, как я говорил, иногда называет себя исполнителем правосудия. Ни свойство преступления, ни личность подсудимого, ни высокое положение потерпевшего, ничто иное не должно нарушать равновесие ума и сердца обвинителя.

Но предостережение против чрезмерной страстности не столь важны в делах о более жестоких или низменных преступлениях. В этих делах обыкновенно злоупотребляют гробовым тоном, как будто несчастный преступник изрекает чужими устами свои последние слова. Я имею в виду дела о клевете, при особенно предосудительных приемах виновного или когда пострадавшим является человек с выдающимся общественным положением, а также некоторые другие общественные проступки, где иногда уголовное преследование кажется возбужденным не столько во имя божественной справедливости, сколько ради простой человеческой злобы.

Но в чем бы ни заключалось преступление, кто бы ни был подсудимый или потерпевший, обвинитель не должен подчиняться чувству,— по крайней мере, не должен выказывать его.

Нет ничего хуже этого как с точки зрения чистой справедливости, так и в практических целях. Тот, кто вносит страстность в обвинение, вызывает противоположное отношение к подсудимому со стороны присяжных. Уважение к тому, что называется «честная игра, равенство условий для каждого в спорте, в торговой конкуренции, в судебном состязании и т. п.», присущее каждому англичанину, возмущается при виде попыток добиться осуждения человека посредством декламации и резких слов. Виновен он или нет — вот в чем вопрос. Вы не призваны громить преступление; если есть преступление, конечно, есть и преступник: но оно не будет хуже, злее, как бы вы ни громили против него. Вы не призваны громить и подсудимого. Он может быть невиновен; что же вы будете нападать на невинного человека? Он может быть и виновен; что же, вы — судья его или палач?

Он не станет лучше, не станет хуже; преступление не делается более безнравственным, ни обвинение тверже установленным от декламации и раздражения. Не раздражайтесь, когда обвиняете; вы можете только проиграть от того. Я знал случаи оправдания подсудимых вследствие слишком настойчивого стремления адвокатов добиться обвинения; особенно те случаи, когда люди, к тому не призванные, прибегают к общественным подпискам во имя общественной нравственности.

Во-вторых, никогда не говорите, что подсудимый виновен. Это слова совершенно бесполезные и, кроме того, внушающие представление, что у вас нет полного беспристрастия, даже когда вы безупречны в этом отношении. Ваша задача — представить присяжным факты, из сопоставления которых нет иного разумного вывода, кроме заключения: виновен. Это — общая сумма выводов и вероятностей, вытекающих из фактов, и определение этой суммы принадлежит только тем, кто обязан во имя присяги решить вопрос о виновности.

Еще ошибка, которой следует остерегаться обвинителю,— это аргументация во вступительной речи. Аргументации нет места в этой части процесса (разве бы вы стали убеждать присяжных, что собираетесь говорить правду); ее главным последствием будет сомнение в доказанности обвинения. Факты, с первого появления своего уже требующие ухода, как дети, должны быть очень слабы; будьте уверены, ваши пеленки не предохранят их от скорой смерти. Что может быть сильнее и надежнее трезвого изложения простого факта?

Хорошо; но если имеется не один простой факт, а ряд сложных фактов, как быть тогда? Это самая простая арифметика. Приведите сложные факты к простым. Этот анализ не требует аргументации. Лучшее вступление для обвинителя — это отчетливое и сжатое изложение фактов без прикрас, без рассуждений и выводов, без выражения чувства. Может быть нужным объяснить обстоятельства дела, отделить одни от других или сопоставить их между собой; возможно, что вы найдете иную, более подходящую форму для более отчетливой их передачи; но никогда не может быть необходимым и, следовательно, всегда будет ошибкой придавать им ту или иную окраску,

или изменять их внешний вид, или придавать им искусственное и, может быть, ложное толкование.

Следует также всячески избегать преувеличений; не преувеличивайте того, что можете доказать, не приводите ни единого факта, которого доказать не можете. Это не только технически ложный прием, это безнравственный поступок. Желательно, чтобы по мере приближения присяжных к фактам, т. е. по мере движения судебного следствия, факты росли в их глазах, а не уменьшались; если вы преувеличили их во вступительной речи, они не могут не уменьшиться. Мне приходилось видеть присяжных потрясенными ужасом во время вступления обвинителя и улыбающимися перед представленными им доказательствами; а к концу процесса от всего обвинения не оставалось ничего, кроме пены, в изображении обвинителя, который казался обиженным тем, что подсудимый оказывался невиновным. Не должно прибегать к искусственным приемам ради того только, чтобы добиться осуждения человека, но никто не обязан и отказываться от них только потому, что предметом речи является преступное деяние. Ваша обязанность заключается в том, чтобы доказать виновность подсудимого перед присяжными, если можете сделать это местными средствами. Чтобы достигнуть этого, следует передавать факты в их естественной последовательности (это искусство), в наиболее сжатом виде (это также искусство) и с наибольшей простотой (и это искусство).

Но важнее всего, важнее даже наказания виновного, должна быть для вас забота о том, чтобы в ваших словах не проскользнуло указание на малейшее обстоятельство, которое вы по совести не считаете подтвержденным доказательствами. Если бы это случилось помимо вашей воли, вследствие неверных указаний в ваших инструкциях (Instructions — негласное дознание, получаемое адвокатом от стряпчего; большая или меньшая точность этого дознания зависит только от солиситоров; барристер не проверяет этих данных перед судебным заседанием; поэтому добросовестные заблуждения с его стороны всегда возможны), вы не должны жалеть никаких усилий к тому, чтобы устранить ошибку и рассеять впечатление, произведенное ею на присяжных. Вы не знаете, что может сделать одно слово; самое незначительное замечание может оказать влияние на их решение. Вот почему вы должны немедленно исправить всякую ошибку, которая могла бы оказаться опасной для подсудимого.

Есть другая, часто повторяющаяся ошибка, которую следует избегать непременно. Молодые адвокаты часто говорят присяжным: я думаю, что могу доказать вам то-то и то-то, или: я думаю, что могу показать то-то и то-то. Это несправедливая натяжка в обвинении, если вы не сделаете того, что рассчитывали сделать, и это нельзя не назвать очень дешевым приемом в противоположном случае. Говорите о том, что вы несомненно можете доказать, а то, что еще под сомнением, пусть ждет доказательств.

Нужно ли говорить, что такие выражения, как: «Мыслимо ли, чтобы подсудимый знал?..» или «Допустимо ли, чтобы он мог думать...», не должны встречаться в обвинительной речи. Выражения вроде: «Это ложь, г-да присяжные» — неуместны и непристойны. Поверенный обвинителя не должен также заявлять, что берет на себя защиту своего доверителя или доверительницы. Он может сделать это с большим успехом, если сумеет; но это не должно казаться главной пружиной самого возбуждения дела. Если жена Цезаря выше подозрений, она не нуждается в защите ее доброго имени; и ей будет далеко не лестно, если вы заявите, что пришли в суд с этой целью.

Я говорю об этом потому, что слышал подобные выражения не только от молодых адвокатов, и считаю долгом удостоверить, что всяческие промахи и всякие неуместные выражения встречаются не только у начинающих. Старшие также небезупречны и часто делают то, что у младших было бы почти предательством; но молодые юристы, как бы ни уступали они старшим в опытности, не должны опасаться их превосходства в искусстве речи, если только будут трудиться над ними, как над искусством. Умение хорошо говорить столь же доступно для молодости, как и для зрелого возраста, равно как и умение сказать вступительную речь в гражданском процессе или поддерживать обвинение в уголовном; надо только изучить эти отрасли адвокатской деятельности. И искусство перекрестного допроса не заставит себя ждать при надлежащем внимании к нему с вашей стороны.

Опыт дает старшим великие преимущества, но старательная работа может во многом возместить даже недостаток опыта. Во всяком случае, чистое, естественное произношение, расчетливое построение речи, целесообразное распределение доказательств, первоначальный допрос — все это может быть в сравнительно скором времени развито вами настолько, насколько оно требуется в любом обыкновенном процессе, если только вы обладаете здравым смыслом и не гнушаетесь пользоваться его указаниями. В адвокатском деле нет каких-либо чрезвычайных трудностей; оно не требует гениальных способностей; нужно только иметь мозги немножко выше среднего уровня и привычку честно и прямо идти к цели. Допустим, что ваш клиент — очень высокая особа; ваше дело не станет выше от этого; обязанности ваши также не станут важнее. Область адвокатской деятельности есть высшая отрасль человеческой деятельности вообще,

независимо от того, выступает ли адвокат на защиту требований отдельного лица или прав целой нации; значение его труда не меняется в зависимости от того, служит ли он богатому или бедному человеку. Вы можете перейти от одного клиента к другому, от представительства интересов монарха перейти к защите мужика, но это не отразится на достоинстве служения вашего. Вы можете быть поверенным того и другого перед законом и судом; первый не прибавит блеска вашему призванию; второй ничего не отнимет от него.

Итак, установив твердо, что стороны не должны «биться» из-за ответа присяжных, что страстность не подобает «исполнителю правосудия», посмотрим, какие приемы вернее всего ведут к цели уголовного преследования, т. е. к выяснению истины.

Прежде всего, существо обвинения должно быть выражено ясно и точно. Не удивляйтесь, юный друг; оно далеко не всегда бывает выражено ясно и точно; нельзя даже сказать вообще, что оно всегда бывает выражено; не удивляйтесь, если я скажу, что это случается редко. В большинстве случаев после долгого судебного следствия и долгих прений председателю приходится разъяснять присяжным, в чем состоит обвинение, в чем заключаются его законные основания. Я часто удивлялся тому, что начинающие адвокаты, обвинители и защитники большей частью упускают из речи обвинительный пункт. Между тем стоит только председателю разъяснить присяжным существо обвинения, и они во многих случаях немедленно произносят свой оправдательный вердикт.

Нет сомнения, что существо обвинения может быть выражено самыми разнообразными способами, но существует только один способ объяснить присяжным, какое преступление вменяется в вину подсудимому. Прежде всего следует установить юридические термины. От столпотворения вавилонского не было языка, менее понятного людям, чем язык законников. Как бы ни были безграничны познания лингвиста, он не в силах исчерпать глубину этого омута. Если вы хотите доставить себе несколько веселых минут, последите за лицами присяжных в то время, когда им оглашается какой-нибудь искусно составленный обвинительный пункт с такими хитросплетениями, из которых, кажется, не выбрался бы сам отец всех хитросплетений мирских.

Ваша обязанность для вас вполне ясна; вам надлежит разъяснить эти неведомые вещи сидящим перед вами простым людям, которых называют «представителями общества». Когда эта простая вещь закутана в бесчисленные юридические термины и малопонятные подробности, мыслимо ли обыкновенным здравомыслящим людям разобрать, что такое перед ними: волк из сказки или родная бабушка? И знайте, что эта простая вещь останется непонятной присяжным, пока вы не расскажете ее будничными словами простого здравого смысла; если где-либо должно называть лопату лопатой, так именно перед теми, кто работает лопатой, и если в состав преступления входит «знание последствий своего деяния» или «цель обманного похищения», мало сказать это, а надо простыми словами объяснить присяжным, что это значит. Не усвоив вполне существа обвинений, они никогда не будут в силах уловить более тонкое значение доказательств, а это может быть важнейшим условием возможности привести их к правильному выводу. Это не значит, что надо болтать без конца, как однозвучный бубенчик над ухом лошади; вы должны научиться передавать содержание обвинительных пунктов обыденными словами; научившись этому, вы будете разъяснять их просто и кратко.

Затем следует обсудить, представляется ли необходимость говорить об общественном положении, обстоятельствах жизни и о состоянии подсудимого; не забывайте: что не необходимо для обвинения, того и быть не должно в обвинительной речи. Возможно, что мотив преступления зародился в обстоятельствах жизни подсудимого; если так — в них же кроются и вероятности, и на это следует указать присяжным с самого начала. Его положение в обществе, может быть, дало ему самую возможность совершить преступление, — вероятность растет и подкрепляется.

Близость к деньгам, недостаток их могут указать на величайшего врага — соблазн. Итак, во-первых — преступление, во-вторых — обстоятельства жизни подсудимого; в-третьих — его положение; другими словами — преступление, мотив, возможность выполнения.

Теперь идут факты. Но помните, что вы не должны приводить фактов, не имеющих прямого отношения к предмету обвинения. Все, что может вызвать у присяжных предубеждение против подсудимого, если только вы дорожите чистой совестью и уважаете в себе честного человека, должно быть старательно устранено из речи; но более всего остерегайтесь сделать косвенным путем то, что не решается сделать прямо; кто не умеет быть безупречным, пусть, по крайней мере, не будет трусом. Это не лишнее указание: я часто наблюдал ненамеренные ошибки в этом смысле со стороны слишком ревностных «служителей правосудия», которые в частных или общественных делах не позволили бы себе ни малейшего отклонения от требований полного беспристрастия. Не думайте, что вы призваны играть роль «адвоката-дьявола», призываемого, как говорят, к спору при канонизации святых. Вы не призваны и причислять подсудимого к лику святых, но должны быть вполне справедливы к нему, не возбраняя себе и некоторой доли сожаления к его положению.

А теперь скажу еще раз: порядок и расчетливое распределение материала, если хотите,

чтобы присяжные вполне поняли ваше основное положение; показания свидетелей должны идти в том же порядке, в каком вы излагаете данные дела; при всем разнообразии вопросов, затронутых в речи, последовательность событий не должна быть нарушаема; в вашем рассказе может быть несколько глав, но они должны быть представлены слушателям в том порядке, в каком развивались действительные события. Если хотите образец, возьмите дело по обвинению Кастро в ложном показании на суде (один из процессов, возникших из знаменитого дела Тичборна), вдумайтесь в распределение глав, описание событий и их развитие.

Свидетельские показания дают неясный и сложный материал. В продолжение судебного следствия доказательства и улики устанавливаются перед судом в разрозненном, отрывочном виде, со всякими задержками и отсрочками. В этом отношении едва ли возможно соблюсти какой-либо определенный порядок. Но вы должны будете отделить и собрать вместе отрывки каждого доказательства, прежде чем представлять их присяжным.

Ни в каком случае не следует утверждать слишком многого; это может привести к тому, что вы докажете слишком мало. А. старание доказать больше, чем можете,— это немаловажный промах. Лучше остановиться на умеренной высоте, чем стараться ухватить то, до чего нельзя дотянуться. Всякая неудача вызывает разочарование. Она обманывает ожидания присяжных и вредит делу, ничего не прибавляя к заслугам адвоката.

Чрезмерная щедрость на доказательства есть опасный прием со стороны обвинителя. Нужно ли вооружаться тюфяком, периной и парой подушек, чтобы задушить мышь; для этого достаточно одной перины. Если несколько свидетелей говорят об одном и том же, их показания не могут совпадать во всех подробностях; я разумею не совпадение в выражениях,— это потопило бы их,— я говорю, что совпадение невозможно и в фактах; приведя нескольких свидетелей, вы, по всем вероятностям, вызовете в их показаниях несколько противоречий; а стоит только двум свидетелям впасть в противоречие, хотя бы по обстоятельству самого малого значения, если только оно значение имеет, и присяжные в большинстве случаев обратят это обстоятельство в пользу подсудимого, разве бы другие данные дела склонили их в другую сторону. Этим вы уже установите некоторое сомнение в пользу подсудимого.

С другой стороны, если в вашей речи много доказательств, среди них могут затесаться и несколько ненадежных проходимцев; вы, пожалуй, и не различите их, но ваш «ученый друг» скоро познакомит вас с ними, если только мало-мальски умеет делать свое дело; если показания ваших свидетелей или сами они, как говорится, шатки, они расшатывают и все остальное; ваши преимущества в деле во всяком случае пострадают от этого. Чтобы удержать на поверхности обвинение, к которому подвешено показание свидетеля, не заслуживающего доверия, нужно привести не двух и не трех, а многих достоверных свидетелей.

Здесь будет нелишним сказать несколько слов об уголовном преследовании от короны; в этих случаях обвинительная власть бывает очень склонна к чрезмерному обилию доказательств. Я помню одно очень громкое дело, в котором корона оказалась в тупике, и с тех пор всегда ношу в себе к короне глубокое сочувствие. Это было дело об убийстве. Тяжелое дело. Преступление зверское. Население по всей стране волновалось и напряженно следило за розысками виновных. Это было одно из самых громких убийств в истории человечества. Естественно, что полиция суежилась чрезвычайно, и между полицейскими властями возникали всевозможные столкновения. Между лондонской и местной полицией шла ожесточенная война. Все это события вчерашнего дня, всем памятные. Я помню и сцены, происходившие изо дня в день в полицейском суде, помню, как «власти», сменяемые ведомственным и личным соревнованием, шли каждая по-своему, толкаясь в разных направлениях и только мешая друг другу. Убийство выходило из ряда обыкновенных преступлений и наделало много шума.

Но нас интересует не свойство преступления, не профессиональная зависть и не степень усердия или бездействия, проявленные искусными и неискусными полицейскими, а сама коронная, обвинительная власть и ее деятельность по собиранию «доказательств». Само собой разумеется, что «доказательства» появлялись во множестве и с необычайной быстротой; почти у всякого было «доказательство». Казалось, все население было отвлечено от своих обычных занятий, чтобы стать очевидцем убийства. Одни видели подсудимого в одном месте, другие в другом; там он делал покупки, здесь рассматривал товар; там он пел, здесь плясал; в одном уединенном углу был на любовном свидании, в другом убивал. Никто еще никогда не видал столько «ходов» к розыску одного человека. Наконец-то хоть одно по крайней мере возмутительное убийство не останется безнаказанным к чести полиции! Это искупит бесплодные поиски по многим другим делам. Это зажмет рот людям, вечно недовольным ее «бездействием».

Одни за другими, целыми дюжинами являлись к руководителям всевозможные свидетели. Показания их записывались, проверялись, взвешивались, измерялись, можно сказать, аршинами; в этой веренице проскользнули двое-трое из простодушнейших и «самых невиннейших» молодых людей в целом Лондоне и, помнится, одна или две из безвреднейших женщин. Так как корона не ошибается и не способна мыслить худо о людях, то ее представители не выказали особого

внимания по отношению к этим интересным свидетелям; они выслушали то, что те с торжественным видом поведали им, и отпустили их, как водится, с надлежащим вознаграждением от казны.

Все эти упорные старания привели наконец дело на суд; улики против злосчастного подсудимого казались сокрушительными. Возбужденная публика с нетерпением ждала возвещенного торжества правосудия. Но в числе свидетелей обвинительной власти каким-то непонятным образом оказались несколько человек, показания которых решительно опровергали некоторые улики, размыкали кольца, разбивали заклепки в цепи, оплетавшей подсудимого; проще говоря, их показания опрокидывали все тщательно возведенное здание обвинения. Корона смутилась, заглядывала в акты дознания, сравнивая их с устными показаниями свидетелей, задавала им всевозможные хитроумные вопросы, но тщетно: показания расходились, впадали в непримиримые противоречия,— и все это складывалось в пользу подсудимого. Числа были перепутаны: подсудимый оказывался в одно и то же время в двух или трех разных местах. Это продолжалось в течение всего судебного следствия вплоть до председательского напутствия. Председатель не мог устранить противоречий, да и нельзя было. Присяжные и подавно.— Нет, не виновен. Улики оказались недостаточными, потому что их было слишком много.

Конечно, невинных людей осуждать не подобает, а потому чрезмерного усердия в уголовном расследовании быть не может. Требование правосудия заключается не в казни некоторого количества людей, а в наказании виновных. Допустим, что оно должно быть слепо, но оно все-таки удержит карающую руку, пока вы не представите неоспоримых доказательств, что она не опустится на невинную голову. Остерегайтесь поэтому преувеличить карательные требования правосудия; проще говоря, когда поддерживаете уголовное преследование, не думайте вовсе о каре.

Еще опасность, которой следует остерегаться, — это излишняя доверчивость к показаниям полицейских. Я считаю, что намеренное лжесвидетельство полицейских чинов встречается очень редко; среди них найдется не много людей, готовых без нужды «накоплять» улики; но они усердны, а усердие, как всякий знает, есть сила, способная иногда увлечь нас за пределы разумного суждения. Их надо держать, не выпуская, в крепких руках; чрезмерное усердие с их стороны, чрезмерная озабоченность исходом процесса с вашей неизбежно окажут свое влияние в ущерб тому, что в устах обвинителя неизменно называется «задачами общественного правосудия».

Излагая свои доказательства, обвинители не всегда умеют устоять от соблазна предугадать возражения защиты против обвинения в целом или против отдельных его положений. Этого никогда не следует делать, хотя бы по тому очевидному соображению, что, если подсудимый не признает себя виновным, за вами остается право на обвинительную речь и на возражение. Но, может быть, вполне уместно разобрать дело в пользу подсудимого с той точки зрения на событие, которую вы считаете нужным устранить. Как только в ваших словах будет заметно желание добиться обвинения, присяжные начнут подозревать вас или вашего доверителя в мстительности; это худшее, что только может случиться со свидетелем или со стороной.

Против уголовного обвинения возможны только два возражения: по закону или по фактам. Практически они распадаются на три: 1) преступление совершено не подсудимым (ошибка в личности), 2) преступление не было намеренным поступком подсудимого и 3) преступления вовсе не было. Я говорю здесь о тех преступлениях и проступках, по которым адвокатам главным образом приходится выступать в качестве обвинителей на столичных и уездных сессиях с присяжными; но я не уверен, что все сказанное не подходит ко всем делам о нарушениях как по статутному, так и по обычному праву.

Всякая уголовная защита может быть отнесена к той или другой из указанных двух категорий. Душевное расстройство, спор о праве собственности, отсутствие умысла, добровольное согласие и т. д. Раз это так, то, приступая к перечислению и распределению доказательств, надо прежде всего установить, что может и что не может быть оспариваемо. Скажем, подсудимый не может отрицать, что совершил известное деяние. Он может доказывать отсутствие состава преступления или законную причину невинности, отсутствие умысла или преступной неосторожности, или добровольное согласие пострадавшего. Нетрудно будет заметить, в каких пунктах надо подкрепить обвинение. Если вы будете доказывать всеми силами, что преступление совершено не кем иным, как подсудимым, в то время как главное положение защиты — что он действовал без знания последствий своего деяния или без корыстной цели, может случиться, что мошенник, заслуживший кару, уйдет от правосудия вследствие вашего неумения, как может уйти от полицейского, потому что у того не оказалось наручников.

Не думайте, что это маловероятно; не обольщайтесь уверенностью, что этого не может случиться с вами; вы будете чудом среди адвокатов или не проведете ни одного дела, если так. Правило в этом отношении простое: став у одной лазейки, смотрите, чтобы подсудимый не ушел через другую.

Один человек обвинялся в присвоении денег, вырученных от продажи сена из стога, принадлежавшего его хозяину. Следствием не было доказано, что он получил деньги, а если и получил, оставалось недоказанным, что они поступили к нему по расчету с хозяином и для передачи последнему. Защита доказывала, что единственное возможное обвинение было обвинение в краже. Уголовное преследование за присвоение было прекращено, и он был предан суду за кражу. Защита возражала, что единственное возможное обвинение было обвинение в присвоении, так как он имел право продавать сено. Он был оправдан. Не потому, чтобы не был виновен.

Чтобы показать, как важно точное указание предмета обвинения, а также ясное и систематическое изложение фактов во вступительной речи, равно как и надлежащее распределение доказательств в ходе судебного следствия, возьмем следующий пример. Несколько человек: Броун, Джонс, Робинзон и Томпкинс «с корыстной целью вовлечь в невыгодные по имуществу сделки поименованных ниже лиц 1 апреля такого-то года вступили между собой в тайное соглашение о совместном при общем содействии обманном похищении принадлежавших упомянутым лицам» и проч. (английская терминология еще хуже)

Сомневаюсь, чтобы один человек на сто, не посвященный в законный смысл выражений закона и воспринимающий эти слова только своим здравым смыслом, мог когда-нибудь ответить на них: виновен или не виновен. У него может сложиться вполне определенное убеждение, что Браун, Джонс, Робинзон и Томпкинс (который ведет торговлю под фирмой «Томпкинс и К^о») составляют шайку (в житейском смысле слова) мошенников чистой воды, но было ли между ними «соглашение о совместном при общем содействии похищении», невзирая на то, что они находились в четырех концах Британского королевства,— вот в чем трудность. Не изощренные в юридических тонкостях присяжные не в силах уразуметь, является ли с точки зрения законодателя пребывание четырех человек в возможно далеком расстоянии друг от друга их совместным пребыванием или нет; а между тем они проникнуты желанием исполнить свои обязанности со всей строгостью, хотя бы и считали подсудимых явными мошенниками. Поэтому, прежде чем собирать улики с севера, юга, востока и запада и предлагать их присяжным, необходимо разъяснить им, что «совместно» может обозначать «раздельно» и т. п. Убедив присяжных, что это так по закону, хотя и не укладывается, может быть, в голове обыкновенного человека, вы можете приступить к перечислению ваших доказательств; предположим, что первым из них является документ, например письменное требование о поставке товара, изложенное притом не на языке закона, а на коммерческом языке, который присяжные понимают прекрасно и в котором легко подметят первый шаг к обману. После этого документальные доказательства и свидетельские показания при надлежащем сопоставлении их между собой установят по крайней мере одно обстоятельство, а именно, что фирма «Томпкинс и К^о» вела обширные и разнообразные дела, хотя, пожалуй, и не отличалась чрезмерной аккуратностью в платежах. Вы покажете, что во всех своих отделениях и по всем своим предприятиям почтенная фирма твердо и неуклонно держалась одного принципа — никогда не платить никому ни копейки, и присяжные без всяких затруднений придут к заключению, что основатели этого торгового дома «вступили между собой во взаимное соглашение о совместном при общем содействии обманном похищении» и т. д., как и было вами указано на самом точном основании буквы и разума закона.

Самое утомительное и вполне бесполезное — это перечисление мелких подробностей, если только они не имеют значения для дела. Конечно, иногда ничтожнейшее обстоятельство может иметь величайшее значение; но разумный адвокат всегда сумеет отличить существенное от ничего не значащего. Мне приходилось наблюдать допросы, продолжавшиеся целыми часами, там, где все нужное можно было сделать в несколько минут, будь это для того, чтобы успокоить нервничающего свидетеля или чтобы повесить кого следует,— а иногда и кого не следует,— смотря по обстоятельствам.

Вопрос. Так вы подошли к двери? — говорит многоречивый обвинитель.

Ответ. Да, сэр.

В. А потом? Был с вами еще кто-нибудь или нет? О. Была г-жа Броун, сэр. В. Г-жа Броун. А кто такая г-жа Броун? О. Эта наша соседка, сэр. В. Она где живет? О. Рядом с г-жой Мекдудль, сэр.

В. С г-жой Мекдудль. Ну-с, почему же г-жа Броун там оказалась?

О. А мы с ней вместе подошли, сэр.

В. А вы не видали, откуда она пришла?

О. Нет, не видал.

В. Ну хорошо, подошли вместе?

О. Так точно, сэр.

В. Может быть, еще кто-нибудь был?

О. Как же, сэр.

В. Кто такой?

- О. Мужчина один, сэр.
 В. Что он делал?
 О. Трубку курил.
 В. Трубку курил. Может, еще что-нибудь делал?
 О. Так точно, сэр; руки в карманах держал.
 В. Ага, руки в карманах; знали вы его раньше?
 О. Никак нет, сэр.
 В. Не знали?
 О. Никак нет, сэр.
 В. И раньше не видали?
 О. Никак нет; видал.
 В. Часто видали?
 О. Никак нет, сэр; один раз.
 В. Когда это было?
 О. А когда я белье домой носил.
 В. А он где был?
 О. В трактире, сэр.
 В. Ну хорошо. Подошли к двери. Что потом было?
 О. Я постучался, сэр.
 В. Постучались. А сколько раз постучали? Раз или два?
 О. Один раз, сэр.

Вся эта трата времени понадобилась для того, чтобы свидетель «показал», что постучал в дверь; а для чего было это нужно, никто сказать не может, потому что было вовсе не нужно. Но государственное обвинение не может идти просто: оно шествует, подбирая всякий сор. Нечего прибавлять, что подсудимый обвиняется в предумышленном убийстве и за дверью лежит «мертвое тело».

Я не буду повторять сказанного выше о перекрестном допросе со стороны защиты. Вы можете быть уверены, что обильный поток вопросов со стороны вашего противника даст кое-что в пользу обвинения. Нужно быть очень искусным адвокатом, чтобы в длинном перекрестном допросе ни разу не натолкнуть свидетелей на ответы, невыгодные для спрашивающего, не обнаружить фактов, подкрепляющих обвинение. Поэтому вы, как обвинитель, должны следить за каждым вопросом защиты, отмечая каждый ответ, требующий дополнительных вопросов с вашей стороны или пояснений и выводов в вашей обвинительной речи или возражении. Я видал людей, признанных виновными только вследствие ошибок их защитников, видал немало несомненных преступников, уходивших на свободу вследствие неумелости обвинителей. Можно быть превосходным законником и плохим адвокатом. Не зная людей, не обладая большой опытностью, нельзя быть настоящим адвокатом. Но где взять опыт молодому человеку? Где найти жертву, которая согласилась бы служить покорным орудием для его упражнений? Я скажу только, что лучше ему учиться на чужих ошибках, чем на своих, а для этого ему будет представляться случай всякий раз, когда он будет выступать перед судом в качестве обвинителя: ему стоит только внимательно следить за вопросами своего противника и отмечать его промахи; бывают вопросы неудачные, бывают неправильные; это не одно и то же; надо думать о том, как задавать вопросы, и особенно о том, в какой форме предлагать их так, чтобы как можно меньше вредить и как можно больше помогать делу. Одно знание закона не сделает вас адвокатом, как длинный шест не научит ходить по канату. Дайте мужику в руки хорошую шпагу, не думаю, чтобы он проявил ловкость в обращении с нею. Выступление перед судом в качестве обвинителя есть превосходная школа для будущего защитника. Впрочем, одних обвинений для этого мало; некоторые люди никогда не научатся искусству уголовной защиты, сколько бы ни обвиняли на суде.

Я не сказал бы ни слова о возражении обвинителя в уголовных делах; но иные люди, забывая, какое жалкое существо стоит за решеткой перед ними, не всегда умеют удержаться от страстных нападок и так называемых «энергических обращений». Я скажу по этому поводу, что голос того, кто требует осуждения человека, должен звучать спокойно и сдержанно. Следует считаться с теми слабостями, от которых не свободен ни один из нас; где бы ни оказалось место, не занятое бесповоротно обвинением, оно должно быть свободно для дрожащей ноги подсудимого; и все, что может требовать от присяжных обвинитель,— это беспристрастная оценка фактов, перед ними установленных.

Глава XI

О защите на суде

Хотя большая часть сказанного мной в этой книге относится в равной мере и к

гражданским и к уголовным делам, я считаю, однако, небесполезным сделать несколько указаний, касающихся непосредственно ведения защиты в уголовном процессе.

Молодым адвокатам нередко приходится выступать защитниками уже на предварительном разбирательстве дела в судебно-полицейском порядке (предварительное следствие происходит устно, в состязательном порядке, перед полицейским судьей; оно оканчивается определением о прекращении уголовного преследования или о передаче дела в обвинительную камеру). Я полагаю, что некоторые указания в этом отношении могли бы пригодиться им. Защита обвиняемых перед полицейским судом часто представляется мне своего рода предварительным возмездием за все гарантии, предоставленные им при судебном разбирательстве. Молодой человек, успевший провести каких-нибудь две-три защиты по делам о буйстве или появлении в нетрезвом виде в публичном месте, незнакомый с более серьезными делами, сразу выступает перед присяжными по делу об умышленном убийстве или другом тяжком преступлении с неизбежным обвинительным исходом. Что может он сделать, чтобы оградить интересы подсудимого? Только одно: держать язык за зубами. Глядя на ту легкость, с которой молодой адвокат готов выйти на арену и вступить в бой за подсудимого, можно подумать, что уголовная защита есть самая простая вещь в мире, не требующая ни подготовки, ни знаний, ни опыта: стоит только быть принятым в сословие или попасть в списки стряпчих или быть назначенным письмоводителем стряпчего. Это все равно, как если бы подмастерье становился мастером, подписав с хозяином договор об учении. Если молодому стряпчему или письмоводителю стряпчего поручена при таких условиях уголовная защита при судебно-полицейском производстве, я смело советую ему набрать в рот воды на все время разбора дела. В противном случае он почти неизбежно должен повредить подсудимому; и, что всего хуже, он почти наверное свяжет руки тому, кому придется защищать его перед общим судом.

Иногда может оказаться нужным закрепить два-три факта в актах полицейского производства, но для того, чтобы разобрать, какие именно факты нужны, уже требуется некоторая опытность. Необходима величайшая осмотрительность, чтобы решить, следует ли предложить известный вопрос или нет; за весьма редкими исключениями, можно сказать, что следует воздержаться от перекрестного допроса, если имеется в виду предание обвиняемого суду.

А делается как раз наоборот. Начинается длинный перекрестный допрос; точнее говоря, молодой человек, которому поручена защита, старается задавать как можно больше вопросов каждому свидетелю в уверенности, что это и есть перекрестный допрос, и получает невыгодные, а иногда и губительные, роковые для обвиняемого ответы. Чтобы сажать под замок всяких злополучных «преступников», правительству нет нужды заботиться о государственных обвинителях, пока существуют начинающие защитники, ибо эти молодые люди могут задавать свидетелям вопросы по таким обстоятельствам, о которых обвинитель не имеет права спрашивать; мало этого, они имеют возможность опросить обвиняемого наедине, а потом, под видом вопросов свидетелям, рассказать во всеулышание все, что от него узнали с глазу на глаз, и между прочим такие факты, которые исключают предположение о его невинности, подтверждая, например, его присутствие на месте преступления, тогда как защита на суде должна заключаться в установлении алиби.

Я не могу отказать и от грустной мысли, что немало невинных людей погибло от «последствий» строгого перекрестного допроса в этом роде. В представлении многих юных защитников перекрестный допрос, по-видимому, заключается в повторении каждого заданного обвинителем вопроса со всей суровостью, доступной еще ломающемуся юношескому голосу, и с предварением: вы готовы подтвердить это под присягой, сэръ?— или в виде разнообразия, чтобы не показаться лишенным оригинальности,— вы не забыли о присяге, сэръ?

Бывают, однако, случаи, когда выяснение всех обстоятельств происшествия при судебно-полицейском разбирательстве может предупредить предание заподозренного суду. Это возможно иногда и в делах о самых тяжких преступлениях. Но при таких условиях защиту нельзя поручать неопытному адвокату. Не так давно в Лондоне случилось убийство, привлечшее общее внимание некоторыми необычайными подробностями преступления. В одном из притонов близ улицы Гасфорда была зверским образом зарезана женщина. Полиция, как полагается, нашла след; оставалось только захватить виновника. Агенты пошли по следам с той необыкновенной ловкостью, которая всегда проявляется ими в трудных делах; на одно мгновение след потерялся на судне, уходившем в океан, но был немедленно найден на том же самом месте, где потерялся. К сожалению, вместо того, чтобы задержать того, кого «по имевшимся негласным указаниям» следовало, они накинулись на безобидного, добродушного пастора и арестовали его по подозрению в умышленном убийстве. Очень скоро нашлись и свидетели (предложение в Лондоне всегда отвечает спросу, какой бы товар ни понадобился), выдавшие пастора выходящим из публичного дома, в котором немедленно за тем было обнаружено убийство. По замечательному совпадению задержанный был действительно необыкновенно похож на того, которого они не

видали выходящим из того же дома и которого агенты не сумели найти. Было вполне очевидно, что обвинение на суде невозможно, но тем не менее представлялось, конечно, в высшей степени желательным предупредить самое предание суду. Защите пришлось выступить активно; свидетели полиции были подвергнуты перекрестному допросу; со стороны заподозренного также были выставлены свидетели, и вне всяких сомнений пастор оказался совершенно непричастным к делу; выяснилось, что он находился в другом месте в то время, когда его будто бы видели на улице, и во всем его поведении не нашлось ни одного сомнительного обстоятельства.

Бывает много таких случаев, где участие опытного защитника в судебно-полицейском производстве могло бы немедленно освободить заподозренного от уголовного преследования; но в этих случаях защита может быть поручена только опытному адвокату. Можно сказать в виде общего правила, что, если предание суду неизбежно, защиты в собственном смысле слова на предварительном разбирательстве быть не должно. Надо внимательно следить за данными полицейского розыска, задавая лишь изредка короткий вопрос в тех случаях, когда несомненно, что ответ будет в пользу заподозренного. Если ответ сомнителен, спрашивать нельзя. Строгий перекрестный допрос и великолепные защитные речи на полицейском производстве выгодны только для обвинения.

В тех случаях, однако, когда защита основана на свидетельских показаниях в пользу подсудимого, свидетели должны быть представлены уже к судебно-полицейскому разбирательству; ибо отсутствие их может вредно отразиться на защите перед судом. Это представляет еще и ту выгоду, что издержки по вызову их могут быть приняты на казну, если судья признает их показания существенными и заслуживающими доверия.

Но если даже свидетели защиты вызваны к полицейскому разбирательству, следует ограничиться лишь общими чертами из фактов, им известных; подробности благоразумно оставить в стороне до судебного следствия. Иногда бывает полезно вызвать свидетелей к судебно-полицейскому разбирательству, но не допрашивать их, если это не окажется необходимым. Это предупреждает ядовитые вопросы обвинителя: «Были ли вы на допросе перед полицейским судьей?» или: «Когда вас просили быть свидетелем по этому делу?» Это очень часто может оказаться, как сказал бы Брум, «целесообразным».

Предположим теперь, что полицейский судья не прекратил преследования и ваш клиент передан суду. Первая обязанность адвоката, приглашенного для защиты,— это просмотреть обвинительный акт. Я подозреваю, что молодые адвокаты в большинстве случаев забывают об этом, а последствием этого иногда бывает осуждение подсудимого без законных к тому оснований. Возможно, что в обвинительном пункте нет состава преступления; иногда, напротив, в нем их несколько: что-нибудь существенное может быть выпущено или очень много лишнего приписано. Короче говоря, может найтись ошибка, воспользовавшись которой можно обеспечить оправдание. Такая возможность встречается чаще, чем можно думать, и потому внимательное рассмотрение обвинительного акта имеет большое значение. Считаю, что пишу для адвокатов, которые вместе с тем хорошие законники, я предполагаю, что вы тщательно прочитали и разобрали данные обвинительного акта, знаете твердо все, что в нем есть, и не станете требовать его отмены иначе как по необходимости (ибо это далеко не безопасный шаг); что вы не предоставили обвинительной власти изменить обвинение, чтобы сохранить за собой право предъявить своевременно «возражение» и тем принудить противника указать тот пункт, по которому он будет поддерживать обвинение, и, наконец, что вы не станете и возражать в слабой надежде на отмену предания суду, вместо того чтобы приберечь свои доводы для решительного боя.

Обсудив внимательно все эти соображения, остановившись твердо на определенной системе защиты и помня при этом, что одно надежное возражение против обвинения лучше двух, вам надо теперь внимательно следить за вступительной речью обвинителя. Если обвинитель поставит обвинение шире, чем бы следовало, тем лучше для вас. «Виновный,— говорит Уэтли,— может часто (надеюсь, не слишком часто) ускользнуть от наказания благодаря преувеличенному обвинению, так же, как и благодаря чрезмерному изобилию доказательств, если в этом множестве окажутся в числе верных и не совсем прочные; так, подсудимый может иногда склонить присяжных к оправданию, указав им, что один из свидетелей бесчестный доносчик или шпион; между тем не будь таких доказательств, обвинение было бы обеспечено по другим данным дела».

Если ваш противник, излагая во вступительной речи обстоятельства дела, допустит существенные отклонения от показаний, данных свидетелями при судебно-полицейском разбирательстве, вы можете впоследствии с успехом воспользоваться этой ошибкой. Но пока не возражайте против его заявлений; вы не знаете доказательств, которые будут им представлены, а если по проверке доказательств окажется, что он не мог подтвердить всего, что утверждал, тем лучше для вашего клиента. Но надо внимательно следить и должно возразить, если обвинитель собирается огласить частную переписку или письменные акты, не подлежащие оглашению, или

передаст разговор, о содержании которого свидетели не имеют права показывать. Раз дело сделано, его исправить нельзя. Судья скажет присяжным: «Этот документ или этот разговор по закону не признается судебным доказательством, и вы должны совершенно забыть о нем при решении вопроса о виновности»; но эти слова останутся словами. Присяжные не могут забыть того, что слышали, и что бы вы ни говорили, слышанное останется для них доказательством и по свойству природы человеческой должно оказать влияние на их решение. Деревенский законник настойчиво убеждал человека, сидевшего в колодцах, что его нельзя было сажать в колодки; но тот с такой же настойчивостью отвечал ему: «Однако сижу».

Настояв на устранении документа из числа доказательств, необходимо следить за тем, чтобы противник не делал каких-либо ссылок на этот документ; это часто делается без этого умысла, но это составляет существенное нарушение интересов подсудимого.

Нет нужды записывать показания свидетелей; следите по мере допроса каждого за протоколом судебно-полицейского разбирательства, но не для того, чтобы придираться к словам или ловить всякую пустую ошибку или разноречие, а для того, чтобы отметить существенное различие и существенные противоречия. Если такие найдутся, вы укажете на них присяжным при перекрестном допросе. Это надо сделать, ибо иначе они не узнают об этих противоречиях. Ниже я остановлюсь на этом с большей подробностью, ибо это требует большого умения и имеет большое значение. Если перед вами в лице свидетеля ловкий человек, он сумеет так искусно примирить все противоречия и ошибки в данном им показании или, по крайней мере, настолько сгладить их, что они потеряют значение в глазах присяжных. Ваша задача вовсе не в том, чтобы устранить его ошибки или помочь ему выпутаться из них, а, напротив, закрепить их перед присяжными и подчеркнуть, а не сгладить его противоречия. Следя за противоречиями в показаниях свидетелей при полицейском производстве и на судебном следствии, должно следить и за разноречиями свидетелей между собой, равно как и за совпадениями в их показаниях. Имейте в виду следующее соображение: их показания могут совпадать в некоторых обстоятельствах, вам выгодных, и расходиться в частях, вам опасных; в сущности, всякое разноречие между свидетелями может быть обращено в пользу защиты. При некотором опыте и большой наблюдательности вы научитесь отличать мелочи, иной раз выдающие лжесвидетельство, от мелочей, лишенных всякого значения; отличать неточности в показаниях, вызванные привычкой к небрежному мышлению, от неточностей, злонамеренно вплетенных в правду, чтобы ввести в заблуждение судей.

Неточные свидетели при искусном перекрестном допросе нередко разбивают показание самых точных, вызывая сомнения, которые иначе возникнуть бы не могли. Поэтому не следует упускать из виду неточности по отношению к числам месяцев, времени, месту, положению действующих лиц, к тому, что было сказано, кем, и т. п., считаясь, однако, при этом с тем, что сказано выше о мелочах, лишенных значения. Следя с величайшим вниманием за тем, чтобы на судебном следствии не оглашались данные, оглашению не подлежащие, нельзя, однако, возражать на этом основании против каждого вопроса противника, ни против каждого наводящего или вообще неправильного вопроса. Слишком частные возражения обращаются в пустую проволочку времени и вызывают несправедливое подозрение в присяжных против подсудимого.

Нужно ли упоминать о том, что защитник должен соблюдать невозмутимое спокойствие в обращении на суде? Ваше спокойствие — один из элементов самой защиты, и далеко не последний. Придирчивость и раздражительность — плохие союзники в самом надежном деле; и если вам удастся выиграть его, то не благодаря, а вопреки их содействию.

Пусть говорится против вас все, что угодно; лишь бы не было все доказано. Вот о чем надо заботиться, тщательно следя за словами свидетелей обвинения.

При перекрестном допросе, скажу еще раз, необходима величайшая осмотрительность; иначе факты, вместо того чтобы несколько «поинять», станут еще более наглядны. Опасность настолько велика для злосчастного существа, участь которого может быть решена одним неразумным вопросом, что лучше совсем воздержаться от перекрестного допроса, если у вас нет безусловной уверенности в том, что вы идете по верному пути и что ваши вопросы не ставят на карту его свободу или жизнь. Если вы не знаете, о чем спрашивать, не спрашивайте совсем.

Я считаю, что, как бы ни был умен адвокат, ему не должно брать на себя защиту по серьезному делу, пока он не приобрел некоторого опыта. Не имея опыта, нельзя вести перекрестный допрос иначе как с большим риском. Неопытный защитник будет задавать вопросы и получать ответы, но он должен родиться под исключительно счастливой звездой, чтобы не повредить подсудимому больше, чем свидетелям. Доведя до конца энергичный перекрестный допрос, молодые защитники не раз обращались ко мне с вопросом: «Кажется, я его прикончил?» По сердечной обходительности своей я отвечал: «Кажется, прикончили». Не сомневаюсь, однако, что мы говорили совсем о разных лицах: они разумели свидетелей, а я — злополучного подсудимого.

Лучшей подготовкой к умению вести перекрестный допрос служит внимательное изучение приемов истинных мастеров этого искусства, а также изучение характера, природы человека, того, что называется «светом». Одному это дается легче, другому труднее, но никто не может сколько-нибудь приблизиться к совершенству иначе, как путем долгих упражнений и многолетних наблюдений. Поэтому человек обыкновенных способностей не должен жалеть работы на основательное изучение этого искусства. Пока вы будете допрашивать свидетелей обвинения, ваш противник будет следить за новыми уликами в их словах и ловить повод обнаружить перед присяжными такие данные, которых ранее касаться не мог. Не будь этого так называемого перекрестного допроса, он во многих случаях не нашел бы в деле достаточных оснований к тому, чтобы требовать обвинительного вердикта; знайте это и спрашивайте как можно меньше. Если вы не можете помочь подсудимому, старайтесь не повредить ему. Само собой разумеется, что чем больше у вас навыка и знания, тем больше сумеете вы сделать немногими вопросами.

В начале допроса бывает полезно задать два-три неважных и безобидных вопроса, чтобы уяснить себе характер и настроение свидетеля. Этим достигается также, когда нужно, некоторое взаимное расположение между вами. Возможно, что он вызван в суд против его желания и был вынужден сказать то, что сказал; будьте ласковы с ним, и в большинстве случаев он пойдет за вами с такой же готовностью, как и дружеский свидетель. Возможно, что он знает гораздо больше того, что сказал, а то, что он знает, может во многом осветить уже сказанное. В конце концов, он может даже оказаться благоприятным для подсудимого свидетелем, может быть склонен придать всему делу другую окраску. Вы знаете, что небольшое количество краски может изменить вид голой стены; также может измениться и вид голого факта. А если вы сразу начнете с неприязненного обращения к свидетелю, как бы заранее признавая, что в качестве свидетеля обвинения он должен быть врагом подсудимого, вы потеряете все то, что он мог бы сказать ему на пользу.

Если, напротив, вы заметили, что свидетель сильно заинтересован в исходе процесса, старайтесь допрашивать его как можно меньше. Он вгонит по самую шляпку каждый гвоздь, не забитый до конца обвинителем. Вы задали ему один вопрос, он ответит так, как будто их было двадцать, и каждый ответ будет вам во вред. Лучше вам собственной головой бить в свидетельскую решетку, чем допрашивать такого свидетеля; оно не так опасно для подсудимого. Если вам удастся получить благоприятный ответ, это будет случайность, и произойдет это от того, что ни он, ни вы не подозревали того, что заключалось в вопросе. Каждое ваше слово дает ему желанный повод для обвинительной речи против подсудимого. Если вам представится возможность одним, двумя вопросами изобличить его пристрастие, это все, что можно сделать с таким свидетелем, если только нет возможности изобличить его во лжи. Вне этого у вас нет благоприятных шансов в его словах.

Но если перед судом прошли несколько свидетелей, враждебных подсудимому, следует особо считаться со степенью враждебности и с настроением каждого из них. Иногда бывает возможно уничтожить значение неблагоприятного свидетеля, вызвав у присяжных усиленное представление о неприязненном отношении его к подсудимому. Можно навести его на явное преувеличение; иной раз он откажется от своих слов, а затем может повторить ранее сказанное. Если вам не удастся стащить его с высокого коня в одну сторону, попробуйте столкнуть его в противоположную; надо свалить его, а где он свалится — для вас безразлично. Возможно, что, потеряв самообладание, он выдаст свое озлобление против подсудимого, а это будет полезно для вас, потому что присяжные не любят озлобленных свидетелей.

Каждый задаваемый вопрос должен иметь определенное назначение сообразно принятой системе защиты. Сами по себе противоречия в показаниях ни к чему привести не могут; надо показать, что они несовместимы с утверждаемыми вами вероятностями.

Сделав что должно в этом направлении, вы, однако, будете слишком осмотрительны, чтобы «представить суду, что данные дела не дают оснований для обращения его на обсуждение присяжных заседателей» («No evidence to go to the jury»). Председатель имеет право предложить присяжным прекратить уголовное преследование подсудимого в любой момент процесса, если находит улики явно недостаточными), когда данные, хотя и незначительные, существуют; напротив того, вы подумаете о том, не следует ли потребовать допроса свидетелей со стороны подсудимого, если только заблаговременно уже не решили поступить так или иначе. Если улики против подсудимого слабы, а показания ваших свидетелей не слишком сильны, — воздержитесь от допроса. Иначе вы потеряете право последнего слова, и, что, может быть, еще несравненно важнее, вы рискуете подкрепить имеющиеся против подсудимого улики, предоставив противнику возможность перекрестного допроса ваших свидетелей. Эта ошибка часто ведет к гибели подсудимого.

Если вы все-таки признаете необходимым выставить своих свидетелей, старайтесь, чтобы их не было больше, чем нужно, точнее — больше, чем нужно, чтобы установить необходимые

обстоятельства. Один хороший свидетель стоит дюжины посредственных; а в двенадцати показаниях гораздо легче найти противоречие, чем в двух или трех; между тем, как бы ни были правдивы свидетели, в показаниях всегда могут оказаться противоречия. Не забывайте, что противоречия между вашими свидетелями имеют несравненно больше значения, чем между свидетелями обвинения, ибо, хотя закон и признает всякого невиновным, пока не доказана виновность, присяжные считают всякого подсудимого виновным, пока не убедятся, что собранные против него улики недостаточны. В большинстве случаев они относятся к доказательствам в пользу подсудимого с некоторым недоверием, и каждая спивая точка в них будет представляться им в увеличенном виде. В большинстве случаев свидетели защиты или спасают или топят подсудимого. Если показания имеют значение, а сами свидетели заслуживают доверия, они могут принести неоцененную пользу, но коль скоро свидетели не кажутся безупречными, их показания будут казаться сомнительными и могут только повредить делу.

Но как бы то ни было, будут ли допрошены ваши свидетели или нет,— вы в конце концов подойдете к моменту вашей защитительной речи. Это задача высокой важности. Искусство речи не входит в предмет настоящей книги, если бы даже я и обладал умением научить ему. Я предполагаю, что вы давно и много работали над собой в этом отношении; что вы посещали кружки самообразования (т. наз. *debating societies* - кружки для упражнения в публичной речи), выступали в качестве оратора в общественных собраниях, произносили речи и людским волнам, и своей мебели; что вы изучали это искусство со всем пылом человека, поставившего себе целью выйти в лучшие люди вашего сословия, и с величайшим прилежанием; словом, что вы отдали этой работе все, что могли, для того чтобы развить в себе чарующую силу слова.

Итак, вы приступаете к защитительной речи с полной непринужденностью, но и с подобающим достоинством; если подсудимый — человек, пользующийся уважением, особенно если это человек с некоторым общественным положением, вы не замедлите обратить внимание присяжных на эти обстоятельства. Это лучшее средство к тому, чтобы возбудить их внимание и расположить их в пользу подсудимого; вместе с тем это подстрекает и занимает их любопытство. Это чувство похоже на удивление, а удивление есть сильнейший стимул внимания. Мало того, вы уже почти заронили в присяжных надежду на благополучный для подсудимого исход дела. Образ обвинителя исчез из их представлений; его место занял другой — образ почтенного, воспитанного человека, которого надо судить. Воображение говорит о переживаемом им унижении, вызывая к нему еще большую симпатию. Без всяких напоминаний с вашей стороны они будут страдать за тех, кто близок ему, чьи сердца бьются заодно с его сердцем. Здесь не следует торопиться, ибо необходимо дать чувствам присяжных время разыграться. Потом возьмитесь за обвинение. Если преступление тяжкое, чрезвычайное или носит гнусный или возмутительный характер,— какой контраст между личностью подсудимого и приписываемым ему деянием! По самому существу вещей невероятно, чтобы такой человек оказался виновным в таком преступлении. Это хороший контраст для начала.

И здесь, опять-таки, не торопитесь отвлекать внимание присяжных от столь благоприятного для вас положения в драме. Если вы провели эту часть защиты с искусством и умением, вы уже подготовили присяжных к впечатлениям, предстоящим для них впереди. Задержитесь немного около этой сцены, не столько для того, чтобы сказать еще что-нибудь, сколько для того, чтобы дать им время проникнуться созданным вами настроением, прежде чем вы перейдете к логическому разбору фактов; это облегчит вашу дальнейшую работу. Дайте им всмотреться в тяжелую сцену и почувствовать ее.

Предположим, что, наряду с другими невероятностями, в деле не видно мотива преступления. В таком случае, теперь своевременно остановиться на этом. Если обвинитель выставил возможный мотив, надо разобраться в его предположениях и сделать это как можно скорее; если нет — это счастливое обстоятельство, и по этому поводу необходимо несколько самых кратких, но сильных замечаний.

Вы увидите, что присяжные следят за каждым вашим положением, за каждым вашим словом, и чем сильнее ваши доводы, тем напряженнее их внимание. Если теперь вы укажете им возможность оправдать подсудимого, не нарушая их присяги, они будут готовы идти вам навстречу. А если вам удастся дать удовлетворительное объяснение двум-трем особенно подозрительным обстоятельствам и тем выбросить их из цепи доказательств,— дело выиграно. Настолько уже расшатано оно тем, что вы успели сделать до сих пор, не прибегая ни к каким обманам или передержкам. Как видите, вы ушли далеко. Вы завладели сердцами присяжных: им хочется оправдать.

Теперь надо показать, как можно это сделать. Проведите перед ними улики не в виде худосочных младенцев, требующих того нежного, заботливого ухода, с которым носил их ваш противник, а как уродливое чудовище, которое надо рассмотреть, чтобы более к нему не возвращаться. Что это за улики? Можете вы показать, что между ними нет того взаимного совпадения, которое должно быть в подробностях всякого правдивого рассказа; что это лепня,

сделанная из разного материала и разных цветов; что в ней нет общего рисунка? Если можете, обвинение уже теряет свою силу в глазах присяжных; невероятности размножаются и растут; растет и сочувствие присяжных к подсудимому; у каждого из них начинает шевелиться мысль: что, если он сделался жертвой ужасной ошибки или, еще хуже, гнусного заговора против его чести и состояния? Поддерживайте этот страх, не высказывая прямо, что оно так и есть; говорите так, чтобы они сами пришли к этому убеждению. Уж если выдвигается против человека столь тяжкое обвинение, то оно должно быть подтверждено достаточными и неопровержимыми доказательствами, а не уликами, допускающими столь веские возражения; что это за доказательства, когда каждое из них теряет силу при ближайшем рассмотрении? И неужели вы не скажете, что нельзя губить человека, пользующегося общим уважением, когда против него говорят люди, потерявшие всякое право на уважение? Будь хоть один такой человек среди свидетелей обвинения, этого достаточно для вас. Возможно, что обвинитель — жадный ростовщик, а подсудимый — человек, обремененный долгами; что обвинитель — разоритель семей, подсудимый — человек, лишившийся своего очага, обвиняемый в обманном получении денег. Этим путем вы можете противопоставить друг другу обвинителя и обвиняемого, вызвав в присяжных сострадание к одному и отвращение к другому. Может быть, вам удастся найти какое-нибудь особое побуждение в действиях обвинителя, а не одну только заботу о священных «интересах правосудия»; если так, это есть некоторого рода торпеда, взорвав которую, вы можете послать почтенного обвинителя под облака. Дальше надо будет показать, что вам не чужд и благородный пафос. Не теряйте времени: ведь за вами стоит жертва, а за свидетельской решеткой — преступление. Так, по крайней мере, кажется присяжным в последней сцене драмы. Вы сделали свое дело, и я опускаю занавес. Если кто скажет, что картина, мной нарисованная, неверна или прикрашена, я могу только ответить, что она написана с натуры. Не один талантливый адвокат и в наши дни, и раньше нас не раз достигал успеха теми самыми средствами, о которых я сейчас говорил, или им подобными. Коль скоро, ведя защиту, вы встретите колебание в настроении присяжных и вместе с тем удобный случай к тому, чтобы честным образом вызвать в них предубеждение против обвинителя, вы имеете возможность разбить и все обвинение в немногих горячих словах искреннего пафоса (автор говорит «declamation»; но мне кажется, было бы неверно сказать «декламация» в русском переводе). Искусное пользование обличительным пафосом можно сравнить с ударом кавалерии, брошенной в бой в ту минуту, когда ряды неприятеля уже готовы дрогнуть: своим натиском она сметет их с поля битвы.

Говоря об Эрскине как об адвокате, Вильям Говит писал: «Наши лучшие адвокаты называют лорда Эрскина величайшим судебным оратором Англии, но его заразительное, пламенное красноречие было не более замечательно, чем горячие, благородные порывы его души. Любовь к людям и к родине, ненависть ко всякой несправедливости и угнетениям зажигали и вдохновляли его великий ум, и слова, передававшие эти чувства, увлекали за ним слушателей с неотразимой силой. Под горячим потоком его страстной любви к правде, его могучей ненависти ко всякому злу в самых глухих сердцах просыпалась новая жизнь, загоралось неведанное прежде пламя; он добивался желанного ответа от таких людей, которые без его заразительной силы никогда не узнали бы божественных высот справедливости и правды, к которым он уносил их за собой. Тайна его успехов заключалась в единении благородного сердца с быстрым, подобным инстинкту умом. Казалось, он сразу схватывал суть каждого дела и почти бессознательно увлекал за собой слушателей к намеченной цели. Нельзя не назвать особо счастливой удачей то, что ум Эрскина не поддавался мертвящему влиянию холодной осторожности и технических тонкостей, прививаемых нам юридическим образованием, и искал успеха только в торжестве добра к людям; его высокий дух не поддавался ни ласкам трона, ни соблазнам политической роли, не говоря уже о своекорыстных расчетах эгоизма; он находил удовлетворение только в торжестве правды, презирая всякую опасность, не отступая перед прямым самопожертвованием в борьбе за нее. Такие люди не чужды слабостей; их не был чужд и Эрскин, но им дана сила, которой одним умом и знаниями достигнуть нельзя. В числе наших великих законников нет ни одного, чье жизнеописание могло бы доставить мне такое наслаждение, как жизнь Томаса Эрскина».

Если вами выставлены свидетели, первая ваша задача, конечно,— это ярко противопоставить их показания с показаниями свидетелей обвинения, оттенив вместе с тем, что первые легче согласить с представлением о личности подсудимого, чем вторые.

Заметьте, что личность подсудимого сама собой выдвигается вперед на каждом шагу, безо всякой навязчивости с вашей стороны. Нельзя, конечно, говорить присяжным, что подсудимого надо оправдать, потому что он хороший человек, но представление о личности его получает большую силу, коль скоро обстоятельства дела сомнительны и вероятности уравновешены с обеих сторон,— когда факты равно допускают толкование против подсудимого и в пользу его. Он должен поэтому играть главную роль в вашей речи, как герой в главной роли на сцене, постоянно появляясь перед зрителями в нужную минуту и в подходящей сцене. Не один великий

мошенник ушел, конечно, этим путем от заслуженной кары, но и не один невинный человек был спасен от несправедливого обвинения, от гибели, не одна семья спаслась от разорения и позора. Итак, если есть у вас союзник в личности подсудимого, противнику трудно будет одолеть вас. Бывают, конечно, дела, в которых личность подсудимого при всех его достоинствах не имеет и не может иметь влияния на присяжных; но в большинстве случаев личность его приобретает огромное значение; вот почему, настаивая на приведенных выше указаниях, я готов был почти забыть о возможных исключениях из этого общего правила.

Я отнюдь не хочу сказать, что факты теряют силу хотя бы при сильнейшем сочувствии присяжных к подсудимому; но отношение их к личности последнего определяет оценку ими улики после того, как они уже взвесили вероятности дела с той и другой стороны; отсюда понятно, как велико значение характеристики в речи. Нет смысла взывать к чувству, не подчинив себе предварительно рассудка слушателей. Присяжные могут дать снисхождение, но не оправдают.

Возможно, что рассудок легче поддается обману, когда возбуждены чувства, но за это вы не отвечаете. Назначение человека, полагаю, заключалось в том, чтобы быть тем, что он есть, и если он попал на скамью присяжных заседателей, адвокату остается честно пользоваться его человеческими свойствами на пользу своего клиента. То, что иногда называется его слабостями, составляет, быть может, его благороднейшие достоинства; и я считаю, что адвокат вправе крепко взяться за них в тех случаях, когда, как бывает, ему приходится бороться против самых гнусных его пороков.

Начинающий адвокат не будет видеть в этом наброске общее изображение его работы в уголовных защитах, но я надеюсь, что ему не раз представится удачный случай применить эти указания. Этот набросок может показаться преувеличением и не был бы свободен от этого упрека, если бы не одно существенное обстоятельство: его подтверждают многие примеры из практики лучших судебных деятелей наших дней.

Глава XII

Примерные дела

В то время, когда первое издание этой 'книги готовилось к печати, на пространстве десяти дней, были рассмотрены судом указанные ниже дела, которые могут подтвердить сказанное мной о защите в уголовном процессе, и я поэтому привожу здесь как обстоятельства каждого дела, так и наиболее удачные отрывки из перекрестного допроса. Следует заметить, что, за исключением дела переплетчика, со стороны защиты не было свидетелей в опровержение факта; она опиралась главным образом на сведения о безупречном прошлом подсудимых.

Ни одно данное дело не может, конечно, служить безусловным указанием для ведения другого; но всякая правильная защита есть образец, по общим основаниям которого можно построить защиту и в других случаях. Факты неизбежно будут другие, но цель сопоставления фактов со стороны обвинителя всегда одна и та же — изобличение подсудимого. Задача защиты заключается в том, чтобы раздробить собранные воедино факты или предотвратить вероятное последствие искусства обвинителя.

1. ДЕЛО ПОЧТАЛЬОНА

Один почтальон был предан суду по обвинению в краже шиллинга; по второму обвинительному пункту ему вменялось в вину получение шиллинга посредством обмана с корыстной целью (в обоих случаях здесь подразумевается одно и то же деяние). На суде обвинитель поддерживал второе обвинение.

Улики. 10 апреля он получил в почтовом отделении письмо, подлежащее вручению в пределах его обычного обхода. Оно было адресовано «г-же Броун, № 50, улица Грегам». Письмо было от солдата с театра войны с зулусами и подлежало доставке без оплаты.

Г-жа Броун съехала с квартиры в доме № 50, и почтальон обратился к г-же Смит, чтобы узнать, где поселилась г-жа Броун.

Г-жа Смит сказала, что укажет ему, куда идти.

Подсудимый сказал: «Надо заплатить шиллинг». Кто-то — кто именно, осталось невыясненным, но только не почтовый чиновник, — сделал на письме карандашную отметку: 1/ (т. е. один шиллинг); были указания, что эта отметка могла быть сделана подсудимым.

Г-жа Смит отвела подсудимого к г-же Джонс, у которой, по ее словам, поместилась г-жа Броун. Придя туда, г-жа Смит сказала г-же Джонс: «Принесли письмо г-же Броун; надо заплатить шиллинг»; подсудимый вручил письмо и получил шиллинг, причем г-жа Джонс сказала, что г-жа Броун охотно заплатит шиллинг, потому что «ждала этого письма от брата с войны». Г-жа Смит сказала шутя: «Не прокутить ли нам этот шиллинг?» — «Нет, — ответил честный почтальон, — это шиллинг не мой; его надо внести куда следует».

Обе свидетельницы знали подсудимого; судя по непринужденному обращению г-жи Смит,

можно думать, что она давно знала его.

Спустя день или два подсудимый на своем обходе снова встретил этих свидетельниц, которых, кажется, можно, не нарушая должного уважения, назвать «веселыми кумушками», вместе с самой г-жой Броун.

Г-жа Смит сказала: «Вот почтальон, который принес письмо с войны». — «Он самый, — сказал подсудимый, — и, не будь меня, она никогда не получила бы письма; оно болталось повсюду целую неделю».

Тождество личности подтверждалось несколькими свидетелями, можно сказать — всем местным населением. Обвинение было возбуждено властью *ex officio* (по обязанности (лат.)).

Два месяца спустя по заявлению г-жи Броун почтовое начальство потребовало объяснений от подсудимого по поводу описанных обстоятельств.

Подсудимый донес (его донесение было приложено к делу), что он несомненно должен был находиться в указанном участке и несомненно совершал свой обход в указанное время, но совсем не помнит об этом и безусловно не получал шиллинга. Это решительное отрицание получения денег представляло главную трудность защиты.

Были предъявлены почтовые листы в удостоверение того, что подсудимый не представил этого шиллинга в почтовое отделение.

Таковы были улики. Нельзя не сказать, что на бумаге дело кажется едва ли не безнадежным для защиты.

Защитник начал с перекрестного допроса свидетелей, опознавших подсудимого: если обвинительная власть признала нужным выставить такое множество их по этому обстоятельству, то, как увидите, такой прием защиты являлся вполне целесообразным. Корона сделала из этого главный пункт обвинения. Государственное обвинение полагало, что, установив тождество личности, оно устранит возможность всякой защиты подсудимого по иным основаниям.

Интересно, что, по мнению обвинителя, защита сделала ошибку, начав с нападения на главный пункт обвинения.

Защитник, однако, ограничился допросом двух-трех свидетелей обвинения по этому поводу и перешел к другим обстоятельствам дела. На перекрестном допросе прочих свидетелей обвинения было установлено следующее:

Письмо было сдано в разнос без штампа — упущение со стороны почтовых чиновников.

В другом почтовом отделении также было некоторое упущение по отношению к тому же письму.

На конверте не было никаких отметок о том, что письмо было отправлено солдатом и подлежало бесплатной доставке.

При данных условиях подсудимый мог думать, что должен был потребовать с адресата шиллинг для оплаты доставки письма из Африки.

Если бы, истребовав шиллинг, он представил его в почтовое отделение, такой поступок, хотя и являлся бы нарушением некоторых почтовых правил, был бы по существу законным и разумным.

Почтовый лист на 11 апреля не был приложен к делу, и хотя в платежном листе 10 апреля взысканный шиллинг не значился, свидетели не решились утверждать, что этот шиллинг не поступил в почтовое отделение. (Вероятности, однако, складывались именно в этом смысле, так как подсудимый утверждал, что не получал шиллинга.)

В почтовом отделении вообще бывали недосмотры; таким недосмотром могло объясняться и отсутствие записи о предоставлении шиллинга подсудимым.

Было возможно, что шиллинг не был представлен подсудимым по недосмотру.

Прошло два месяца, прежде чем его внимание было обращено на обстоятельства происшествия.

За это время через его руки прошло бесчисленное количество писем, как подлежащих, так и не подлежащих оплате со стороны адресатов.

Он с полной откровенностью признал, что письмо должно было поступить к нему для доставки, утверждая лишь, что не может припомнить обстоятельств, при коих получил его.

Обвинитель имел, быть может, основания заключить по главному (на первый взгляд) направлению перекрестного допроса, что защита будет основана исключительно на споре о тождестве личности; на этом обстоятельстве он и сосредоточил главную силу обвинительной речи; однако защитник заявил, что сомнения в личности нет, ибо тождество признано собственноручным донесением подсудимого. Действительно, спорный вопрос заключался в том, был ли шиллинг получен подсудимым с целью корыстного обмана, — причем было установлено, что он служил в своей должности десять лет, и все свидетели давали о нем превосходные отзывы, — или, получив шиллинг, он забыл представить его по принадлежности, или, наконец, не был ли шиллинг своевременно представлен им и занесен на приход в какую-нибудь другую приходную ведомость. Трудно было предположить, чтобы человек столь хороших нравственных

качеств продал себя за один шиллинг.

Свидетели защиты подтвердили безупречное прошлое подсудимого, присяжные без малейшего колебания оправдали его. Я не решаюсь сказать, что обвинение было направлено по ложному пути, но нельзя утверждать безусловно, что, если бы защитник вовсе не затронул вопроса о тождестве личности, обвинитель не воспользовался бы этим как признанием факта и не устранил бы этого обстоятельства из своей речи. Тогда его красноречие направилось бы именно на те второстепенные обстоятельства и мимолетные предположения, которые казались столь незначительными под ветерком непринужденного перекрестного допроса, но успели пустить корни, а потом и разрослись в большие вероятности под благодатным действием теплой и искренней защитительной речи. А там показались лучи нравственных качеств подсудимого и бросили такой веселый солнечный свет на присяжных, что последние не захотели смотреть в мрачные трущобы возможной виновности и — оправдали.

Дело это казалось вполне безнадежным на первый взгляд; но в тем случаях, когда можно установить прочную нравственную характеристику подсудимого, дело редко может быть действительно безнадежно. Скажу кстати, что, выставляя свидетелей для нравственной характеристики, лучше, по моему мнению, выставить многих, чем двух, трех. Одна снежинка не более другой, но когда их много, они заметнее, плотнее, а иногда белизна их становится и неотразимой. Судьи часто говорят: «Кажется, лучших отзывов ждать нельзя, г-н защитник?» Правда, милорд; и в вашем строго логическом уме все новые хвалители подсудимого будут мнимой величиной; Пифагорова теорема также представляется доказанной обычным теоретическим рассуждением в ваших глазах; но присяжные, пожалуй, предпочли бы, чтобы перед ними смирили оба квадрата и, разделив их на мелкие квадратики, разложили последние в большой квадрат. Как прикажете быть в таком случае, милорд? Я скажу: давайте свидетелей; двое, трое, может быть, еще не произвели впечатления, а вот еще один; почему, не знаю, но он пришелся по душе тому, другому, третьему присяжному; он им свой человек; его отзыв о подсудимом станет для них решающим, хотя бы все прочие казались пустыми словами. Поэтому я скажу: чем больше свидетелей о нравственных качествах подсудимого, тем лучше, особенно когда вся защита основана на характеристике.

Из этого примера можно видеть также, что на перекрестном допросе не следует открывать противнику все свои карты. Допрос этот должен служить защите, а не обвинению. Устанавливайте нужные факты, но не вывешивайте их напоказ: искусный обвинитель превратит их в пугала для птиц.

Это дело может также служить некоторым пояснением теории о том, что «государственное обвинение может действовать нецелесообразно».

Письменное заявление подсудимого со всеми его признаниями казалось недостаточным в глазах короны; потребовалась куча свидетелей в удостоверение того, что почтальон был тот почтальон, который признал, что он был тот самый почтальон, о котором в своем донесении он упоминал как о почтальоне, вручившем письмо адресату. Другими словами, было признано нужным доказывать, что подсудимый был подсудимый, а не кто-либо другой.

2. ДЕЛО ПОЛИЦЕЙСКОГО

По другому делу судился полицейский, обвинявшийся в краже девяти шиллингов и десяти с половиной пенсов. Факты, установленные свидетелями, заключались в следующем. Подсудимый при содействии унтер-офицера местного полка задержал дезертира и, представив его по начальству, зашел в трактир и заказал два стакана пива. Когда пиво было подано, он заплатил сиделице три пенса. В эту минуту человек, которого я назову Шатуном, стоял, облокотившись на вырубку, почти лицом к лицу с подсудимым и его спутником унтер-офицером. Перед ним также стоял стакан пива. В то время, когда все трое стояли у прилавка, в трактир вошла женщина, потребовала стакан пива и положила на вырубку золотую монету в полсоверена. Сиделица унесла монету в заднюю комнату, чтобы разменять ее, а женщина, взяв свой стакан, прошла в другую комнату, с наружной стороны прилавка. Спустя минуту или две сиделица принесла сдачу (предполагаемую сумму похищенного), состоявшую из серебра и меди, и положила ее на прилавок между унтер-офицером и полицейским; здесь деньги пролежали около пяти минут. Сиделица, женщина вполне порядочная и в честности которой сомнений не возбуждалось, утверждала под присягой, что по прошествии пяти минут видела, как полицейский взял сдачу и опустил ее себе в карман. Она ничего не сказала по этому поводу, потому что забыла, кому принесла сдачу. После этого солдат и полицейский поспешно допили свое пиво и вышли из трактира. Через минуту или две женщина подошла к прилавку и спросила сдачу. Сиделица тотчас же вспомнила, что видела, и воскликнула: «Да ведь полицейский взял деньги!» Шатун, вмешавшись в разговор, сказал: «Он; я видел, как он взял».

Все трое вышли на улицу; солдата не было видно; его казармы стояли напротив трактира; полицейский был в расстоянии приблизительно ста ярдов; он шел в другую сторону. Сиделица

просила Шатуна догнать и вернуть его.

Однако Шатун, вместо того чтобы пойти за полицейским, пошел, по-видимому, за унтер-офицером. На судебно-полицейском разбирательстве сиделица удостоверила только, что послала его за подсудимым и потом почти до девяти часов вечера не видала его (это обстоятельство необходимо иметь в виду при дальнейшем изложении). Шатун подтвердил, что видел, как подсудимый взял деньги, и кроме того показал, что сначала сходил за унтер-офицером, потом вернулся в трактир и пошел за подсудимым, которого застал в участке; там он сделал заявление о происшествии, и полицейский был арестован. Унтер-офицер показал, что видел деньги на прилавке за минуту до своего ухода из трактира вместе с подсудимым. Были ли деньги на прилавке, когда они выходили, он не помнил.

Таковы были данные обвинения. Улики прямые. Стоит признать достоверным показание сиделицы или Шатуна, и виновность доказана.

Свидетелей факта со стороны подсудимого не было. Защите, следовательно, оставалось извлечь что можно из перекрестного допроса и доказывать малую вероятность кражи, опираясь на безупречное прошлое подсудимого.

На перекрестном допросе были установлены следующие обстоятельства (прошу читателя не забывать приведенных выше данных из показаний свидетелей обвинения).

Во-первых, защитник предложил несколько вопросов женщине, давшей сиделице золотую монету:

- Был ли кто-нибудь в трактире, когда вы вошли?
- Кажется, никого не было.
- Вы положили монету на вырубку?
- Да.
- И только.
- Во-вторых, затем была допрошена сиделица.
- Какой длины у вас прилавок?
- Пять футов.
- Кто первый вошел в трактир?
- Шатун.
- А потом?
- Солдат и полицейский.
- А потом?
- Женщина.
- Мужчины, войдя в трактир, сразу подошли к прилавку?
- Да. Свидетельница прибавляет: - Женщина могла не заметить их, когда вошла в трактир.

Вопрос:

Почему вы это говорите? Молчание.

Вам известно показание этой женщины?

Она могла не заметить их.

Эти слова свидетельницы объясняются, по всем вероятностям, тем, что она говорила о деле с другими свидетелями и знала, что в этом отношении их показания расходятся. Таким образом, одно обстоятельство в пользу подсудимого было установлено, и, если принять во внимание запоминание свидетельницы о том, кому принадлежала сдача, обстоятельство это не было лишено значения.

- Стаканы стояли на прилавке между вами и подсудимым?
- Да.
- И пивными кранами?
- -Да.
- Сколько пивных кранов на прилавке?
- Шесть.
- Они занимают около двух третей расстояния до се редины прилавка?
- Да.
- Не отходили ли вы от прилавка, после того как власти и полицейские вышли из трактира?
- Отходила.
- А кто оставался у прилавка?
- Шатун.
- Больше никого?
- Никого.
- Не приходилось ли вам подавать прочим посетителям по другим комнатам, пока деньги лежали на прилавке?

- Приходилось.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание читателя на довольно обычную ошибку, которую мог бы сделать в эту минуту очень неопытный адвокат. Юному защитнику было бы трудно удержаться от соблазнительного вопроса:

А не мог ли кто-нибудь другой взять деньги? Свидетельница, несомненно, сказала бы «нет!» самым решительным тоном. Это сомнение надо предоставить присяжным, и, если вы сами не выбьете у себя почву из-под ног, они, несомненно, будут сильно склонны думать, что деньги взяты кем-нибудь другим. Следующий вопрос был:

- Вы послали Шатуна за подсудимым?
- Я послала его к унтер-офицеру.
- Вы показали так и на предварительном разбирательстве?
- Да.

Оглашается первое показание; оно расходится с настоящим. Там свидетельница говорила, что послала за полицейским; это уже не случайное разноречие; можно думать, что оно произвело на присяжных известное впечатление.

Вы подтвердили это под присягой?

Подтвердила. А все-таки я послала за солдатом, а не за полицейским.

Это уже не только противоречие, это нечто неправдоподобное; это неразумный поступок; присяжные все это видят; на то они и присяжные.

Вопрос:

- Вы поручили Шатуну потребовать ареста подсудимого?

Эти слова сказаны таким тоном, что перед свидетельницей мелькает возможность оказаться в ответе за неосмотрительное требование; она отвечает с величайшей решительностью, не без некоторого негодования.

- Никому я этого не поручала.
- И жалобы против подсудимого не заявляли?
- Никогда!!

В голосе свидетельницы по крайней мере два восклицательных знака.

Допрашивается Шатун. Он показывает, что его послали за унтер-офицером, а не за полицейским.

На вопрос, куда положил подсудимый взятые им деньги, свидетель отвечает:

- Почему я знаю? Может, в шапку спрятал.

Это был глупый ответ; но я склонен думать, что два-три предыдущих глупых на вид вопроса привели свидетеля в состояние, подготовившее его к глупому ответу. Это бывает.

Унтер-офицеру было задано несколько простых вопросов:

- Сколько времени вы состоите на военной службе?
- Десять лет.
- И произведены в унтер-офицеры?
- Точно так.
- Вы были дежурным в тот день, когда вы и подсудимый задержали дезертира?
- Точно так.
- Вы стояли рядом с ним и разговаривали в то время, когда сдача лежала на вырубке?
- Точно так.
- Трогал он деньги?
- Я этого не видал.
- Мог он взять деньги так, чтобы вы не заметили?
- Нет, не мог.

За этим последовала характеристика подсудимого свидетелями защиты. Но это не было лубочное изображение канатного плясуна в пестрых тряпках и блестках, а простое изображение обыкновенного человека в будничном платье; эта характеристика сама по себе отводила, так сказать, место вероятностям и невероятностям дела; защитник не пытался играть на слабостях присяжных; его рисунок обращался только к их здравому смыслу; и, вняв здравому смыслу, они, после краткого совещания, вынесли ответ: не виновен.

После окончания дела старший местный полицейский чиновник высказал предположение, что Шатун не пошел сразу за полицейским, как значилось в актах предварительного расследования, из опасения, чтобы тот не арестовал его по подозрению в этой же краже, а это могло бы кончиться для него не слишком хорошо.

Как бы то ни было, в свидетельских показаниях заключалось существенное разноречие, и это обстоятельство, наряду с другими, и привело к успешному концу.

Коль скоро есть возможность, что деяние, вменяемое в вину вашему клиенту, было совершено другим лицом, вы стоите на перекрестке двух дорог; почти все зависит от того, какой

вы изберете путь; а это зависит от того, что у низших животных называется «непогрешимым инстинктом». У людей это называется рассудком, и рассудок часто ошибается.

3. ДЕЛО ПЕРЕПЛЕТЧИКА

Следующее дело имеет совсем другой характер, но кажется не менее полезным примером. Сами по себе улики не столь решительны, но они опасны своим сочетанием. Здесь можно сказать в виде общего замечания о косвенных уликах, что, хотя часто говорится, будто косвенные улики не лгут, они, однако, еще более опасны, ибо нередко вводят в заблуждение своей кажущейся правдивостью. Эти улики, как факты, которые не могут быть никакими нынешними усилиями устранены из действительности, иногда бывают опасно обманчивы и лживы по своей мнимой связи с обвинением. Перекрестный допрос не может устранить из действительности факт; но вы можете изменить вид факта; можете снять с него обманчивую оболочку или неестественную окраску; можете внимательно рассмотреть его и выяснить его качественное значение и, самое главное, можете взвесить его. Один внешний вид может придавать ему кажущуюся прочность и вес; на самом деле оно может оказаться легче мыльного пузыря.

Обращаюсь теперь к обстоятельствам упомянутого выше дела.

Один почтенный ремесленник, которого я назову Марксом, обвинялся вместе с неким другим лицом,— назовем его Пинчером,— в краже и укрывательстве восьми накладок, представлявших заглавия книг, нашиваемые на корешки переплетов, и около двадцати тетрадок сусального золота. Частный обвинитель был владелец большого переплетного заведения; Пинчер состоял у него на службе. Объяснения потерпевшего сводились к следующему: «Я купил десять накладок на распродаже. На них имеется особая пометка. Я купил все, какие были в продаже. В их числе были некоторые из накладок, предъявленных суду. На предъявленных трех или четырех тетрадках сусального золота имеются частные отметки, сделанные булавкой; эти отметки были сделаны, потому что у нас стал пропадать товар». На некоторых других накладках обвинитель опознал свои штемпеля, сделанные попорченным инструментом и потому сохранившие неточность в оттиске. Таких накладок в продажу не поступало; инструмент, которым делались штемпеля, был представлен к делу. Пинчер сознался в краже как накладок, так и сусального золота, и по его указанию агент сыскной полиции произвел обыск у Маркса. Перед этим он нашел на столе в помещениях частного обвинителя слова золотого заголовка, изготовлявшегося подсудимым Марксом по полученному им заказу.

Войдя в квартиру подсудимого, агент сказал:

Мне надо взглянуть на книги комиссии ABC, которые сданы вам в переплет.

Какие книги? — воскликнул Маркс.— У меня никаких книг нет.

Агент сказал:

— Ввиду вашего заявления я приступлю к обыску.

В это время к Марксу зашел посетитель, и Маркс предложил ему выпить стакан пива в соседнем трактире. Агент пошел за ними, и они вернулись втроем. «Тут,— объяснял агент,— я видел, как Маркс посмотрел на своего сына с особенным выражением, я высказал ему это и прибавил, что обыщу весь дом». Он произвел обыск и нашел большое количество накладок с надписями, в том числе и те, которые были приобщены к делу и признаны обвинителем по штемпельным оттискам попорченного инструмента.

Когда агент нашел эти наклейки, Маркс сказал:

— Эти наклейки у меня находятся около четырех или пяти лет.

Было доказано, что инструмент был поврежден не более пяти или шести месяцев тому назад. Подсудимый явно солгал.

Были найдены и другие наклейки с упомянутыми выше особыми отметками; потерпевший утверждал под присягой, что это те самые, которые были куплены им на распродаже. Спустившись в подвальное помещение, агент заметил огонь в печи и, отодвинув поднос, прислоненный к очагу, увидел в золе несколько горевших листов сусального золота; несколько золотых обрывков валялось на полу.

— Это что такое? — спросил агент.

— А мы собираемся чай пить,— сказала одна из работниц.

— Что ж, у вас чай из золота пьют? — игриво спросил агент.— Не дорого ли

Он вынул золото из печки; там оказались три или четыре тетрадки с упомянутыми выше частными отметками потерпевшего. Маркс был арестован.

Таковы были данные со стороны обвинения: цепь сильных улик. Выдержит ли она на перекрестном допросе?

На вопросы защитника потерпевший показал следующее:

«Пинчер работал у меня переплеты и надписи на корешках. Он употреблял попорченный инструмент. Он не имел права работать на чужую мастерскую, хотя бы в свободные часы; если бы я знал, что он этим занимается, я бы уволил его». Но Пинчер был искусный мастер, и если он

работал для кого-нибудь другого, он мог воспользоваться попорченным инструментом и сделать им оттиски на чужих накладках. Это было, конечно, ясно само по себе, но было вполне целесообразно подчеркнуть это словами самого обвинителя.

Таков был первый шаг вперед со стороны защиты, и, надо признать, довольно удачный; одна улика уже потеряла силу, если только присяжные станут на ту точку зрения, к которой, естественно, будут склоняться их благоприятные отзывы свидетелей о подсудимом, и если нам удастся справиться с другими сильными уликами, особенно с золотым чаем.

Следующий вопрос касался накладок с особой приметой; последняя заключалась в том, что одна золотая черта имела изъян, по-видимому, вследствие порчи другого инструмента; эти наклейки, как уже сказано, были куплены на распродаже — на распродаже в магазине г-на Мередита. Но на перекрестном допросе выяснилось, что г-н Мередит был банкрот, после признания его несостоятельным весь товар его склада был продан с молотка. Его мог покупать всякий, кто хотел, в том числе и подсудимый; заявление потерпевшего, что он купил все наклейки, бывшие на распродаже, не удовлетворило защитника; некоторые из его вопросов показали, что некоторые другие товары того же качества и выработки и с той же приметой могли быть проданы еще до аукциона, а следовательно, могли быть куплены и г-ном Марксом. Сам потерпевший не мог отрицать, что такая покупка была возможна; а присяжные как будто склонялись к тому, что она была и вполне вероятна. Как я уже говорил, возможность легко переходит в вероятность. Еще шаг, и шаг огромный на пути к благополучному исходу дела для подсудимого.

Оставался золотой чай — тетрадки сусального золота с пометками потерпевшего, найденные в топившейся печи! Что тут можно сделать? Посмотрим.

— Когда книжки горели, были ли в подвале подсудимый или его сын?

Агент говорит: нет.

— Был ли подсудимый под арестом во все время, пока продолжался обыск?

— Да.

— Ясно, что он не мог бросить тетрадку в огонь и не мог поручить это кому-либо другому.

— Говорилось ли вообще о сусальном золоте до той минуты, когда оно было найдено агентом?

— Нет.

— Искали ли сусальное золото во время обыска?

— Нет.

Этот вопрос мог быть предложен только в уверенности, что ответ будет отрицательный. Он был бы в высшей степени рискованным при других условиях; вот почему: если бы во время обыска уже упоминалось о тетрадках, домашние знали бы, что разыскивается золото, и подсудимый мог подать знак, или домашние могли бы сами сжечь тетрадки, а это указывало бы на заведомое укрывательство. Это очевидно. Но вопрос имел большое значение; он устанавливал два обстоятельства: во-первых, он устранял предположение, что домашние, узнав, что именно разыскивается, поспешили уничтожить улику; при иных условиях заведомое укрывательство становилось очевидным; во-вторых, вопрос установил, что похититель, указавший на место хранения похищенного, не сказал агенту, что украл между прочим сусальное золото, иначе обыск был бы направлен и на обнаружение тетрадок.

Итак, оба эти обстоятельства были твердо установлены. Похититель не признавался в краже тетрадок, и тетрадки не разыскивались полицией. Но все еще оставались штемпеля потерпевшего и огонь. Штемпеля сами по себе указывали, что тетрадки принадлежали потерпевшему; не указывал ли огонь на то, что это было известно подсудимому? Нет, если только они не были брошены в огонь по его приказанию. Итак, я вправе сказать, что штемпеля потерпевшего имеют лишь условное значение: если можно доказать, что они могли попасть к подсудимому без его ведома, он, несомненно, должен быть оправдан: все улики утратили свое значение. В доказательство этого защитник заявил в своей речи, а выставленные им вполне благонадежные свидетели удостоверили, что, хотя это и было крайне предосудительно, Пинчер, как искусный мастер, был нанят подсудимым для вечерней работы в его мастерской по оттиску заглавий на корешках переплетов; что Пинчер всегда приносил с собой свои инструменты, в том числе и попорченный инструмент. Было установлено, что, когда нужно было золото для работы, подсудимый давал своим рабочим деньги на его покупку и что иногда они приносили золото, не получив еще денег на покупку; что Пинчер работал поздно по ночам и, как другие, также получал от подсудимого деньги на покупку золота. После этого простой здравый смысл подсказывал каждому, что, хотя Пинчер и получал деньги на покупку, он крал тетрадки у своего хозяина, вместо того чтобы покупать и платить за них на стороне. А если это было так, то со стороны подсудимого не могло быть заведомого укрывательства.

Остается, однако, нахождение тетрадки в топящейся печи. Хотя уже установлено с

несомненностью, что ни подсудимый, ни сын его не могли приказать бросить их в огонь, все-таки факт сам по себе слишком необычайный и подозрительный. Надо найти ему объяснение.

Присяжным особенно желательно выяснить это обстоятельство, если только возможно объяснить его. Они не теряют надежды и на это, вспоминая, какими неотразимыми уликами представлялись им первоначально два других сомнительных обстоятельства. Они убедились воочию, что сама невинность может в руках энергичного и умного полицейского превратиться в воплощение преступности, достойное Гая Фокса (глава Порохового заговора). «Золотой чай» нельзя объяснить иначе как свидетельскими показаниями. Защита приводит лучших свидетелей, каких только можно придумать,— рабочих, которые растопили печь золотыми тетрадками. Они допрашиваются порознь и единогласно устанавливают следующие три обстоятельства: что никто не приказывал и не предлагал им бросать тетрадки в огонь, что было время обычного чаепития и что огонь был разведен, чтобы вскипятить воду, что сыщик в своем усердии шарил повсюду, разыскивая что-нибудь, из чего можно было бы состряпать улику; что он заглянул между прочим на полки, устроенные прямо над печкой; на этих полках валялась старая бумага и разный хлам; агент смахнул на пол небольшое количество этой сорной бумаги, среди которой было и несколько негодных листов сусального золота; женщины подобрали этот сор и бросили в огонь; бумага запылала! Да, этот огонек в очаге чуть не погубил человека. Присяжные улыбаются, да и как не улыбаться! Улики, казалось, черны, как ад, а разлетаются, как пыль, и ничего от них не остается. Они видят в защите не одно искусство; это было бы плохим противовесом против фактов; да и вообще искусство мало помогает делу, коль скоро становится заметным. Оно всегда должно оставаться скрытым, подобно механизму, от которого исходит электрический свет. Они видят правдоподобие. Объяснение, данное защитником, представляется естественным, и чем больше всматриваться в него, тем оно кажется более естественным. Ученые сказали бы: это «протоплазма»; оживите ее характеристикой, и она сложится в определенную форму и получит настоящую жизнь. Выступают один за другим не менее двенадцати свидетелей, дающих о подсудимом лучшие отзывы; кажется, что каждый из них прибавляет немного к сумме вероятностей его невинности. В конце концов предположение, что такой человек мог опуститься до столь жалкого преступления, превращается уже в величайшую несообразность, и присяжные говорят: «Не виновен».

Полиция находит особое удовольствие в том, чтобы «закопать» честного купца или ремесленника. Они гордятся этим подвигом, как астроном, уловивший блуждающую комету, или натуралист, накинувший шляпку на редкостную бабочку. Этим объясняется и необыкновенное усердие, проявляемое в подобных делах свидетелями обвинения. Пользуйтесь же этим усердием на пользу подсудимого. Он создал его, пусть же он и пожнет его плоды.

Прибавлю еще одно замечание касательно свидетелей о нравственных качествах подсудимого. Те или иные приемы допроса их оказывают величайшее влияние на ценность их показаний. У одного адвоката их отзывы будут иметь огромный вес при оценке улик; у другого — никакого; присяжные отбросят их, как негодную подделку. Один не умеет перенести достоинства подсудимого в совещательную комнату, другой ни на минуту не выпустит их из нее.

Приведенный пример подтверждает также одно правило, высказанное судьей лордом Брамвелем, но до сих пор еще не воспринятое в надлежащей мере ни судьями, ни адвокатурой, а именно: что оговор, сделанный одним подсудимым против другого, хотя бы и в его присутствии, не есть улика; равным образом то, что сказано одним подсудимым полицейскому чиновнику или другому лицу и затем передано, хотя бы самым точным образом, другому подсудимому, также не есть улика против последнего. Если бы это было так, один вор мог бы посадить в тюрьму полсотни честных людей. Если его слова не составляют улики, когда сказаны в отсутствие подсудимого, как могут они обратиться в улику, будучи повторены при нем? Разве сущность их может измениться от такого повторения? «Уликой,— сказал судья,— служит поведение подсудимого в то время, когда другой подсудимый дает объяснение против него или когда ему передают содержание оговора; то, что он возразит по этому поводу, может быть уликой: если он отрицает сказанное против него, оно теряет всякое значение и должно быть исключено из суммы доказательств».

Пример этот, кроме того, служит подтверждением и сказанного выше о вопросах, клонящихся к выяснению оснований показаний и к толкованию фактов. Если бы агент был подвергнут так называемому строгому перекрестному допросу, некоторые из его ответов оказались бы, по всем вероятностям, очень неблагоприятными для подсудимого и оправдание сделалось бы в высшей степени трудным, если не невозможным. Обычный вопрос (при разногласии в показаниях на суде и при полицейском расследовании): «Отчего вы раньше не показывали этого?» — всегда вызывает невыгодный, а иногда и прямо роковой ответ.

Заметим также, что некоторые вопросы допускают два противоположных, одинаково правдивых или одинаково лживых ответа, смотря по тону спрашивающего или по ударению на отдельном слове. Недостаточно поэтому взвесить выражения, в которых может быть предложен

вопрос; необходимо еще, чтобы тон и ударение спрашивающего были рассчитаны так, чтобы вызвать в точности именно тот ответ, который вам нужен.

Мне приходилось наблюдать, как присяжные на обращенный к ним вопрос адвоката громко и с иронией говорили: «Мы вам скоро скажем, что об этом думаем». Однако под влиянием нескольких новых соображений их отношение к уликам изменялось, и они выносили оправдательный вердикт вместо несомненно сложившегося уже утвердительного ответа о виновности.

При некоторой опытности адвокат научится понимать настроение присяжных, если не всех, то некоторых, и будет угадывать не только то, считают ли они его доводы остроумными и правдоподобными,— этого мало, но также и то, совпадают ли они с направлением их собственных мыслей или указывают им такое решение дела, с которым они могут согласиться.

4. РЕШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДЕЛЕ О ПРЕДУМЫШЛЕННОМ УБИЙСТВЕ

Несколько лет тому назад один молодой адвокат выступал обвинителем по делу о преднамеренном убийстве, и нет сомнения, что Королевское человеколюбивое общество имело полное основание наградить его медалью за спасение погибающих. Не знаю, принято ли обществом поощрять спасение от виселицы, как и от воды.

Подсудимый совершил необыкновенно жестокое убийство (помнится, он убил жену), и главной уликой против него было «предсмертное заявление» его жертвы. Так как это заявление было сделано ею в отсутствие подсудимого, то оно могло быть оглашено на суде только по удостоверении того, что было сделано «с полным сознанием приближения смерти».

В подтверждение обстоятельства, необходимого для оглашения этого заявления, был вызван врач. Его показание должно было неизбежно отправить подсудимого на виселицу. Человеколюбивый обвинитель спросил:

- Она боялась смерти?
- Нет,— сказал врач.

Юный спасатель посмотрел на своего стряпчего, заглянул в свои заметки, посмотрел на свидетеля.

Врач был совершенно спокоен, как и подобает быть врачу за свидетельской решеткой; он знал очень хорошо, что от него требовалось. Но он ждал соответствующего вопроса.

Однако остроумный молодой обвинитель повторил свой первый вопрос:

- Боялась она смерти или нет? Ответ:
- О нет; нимало. Судья:
- Заявление покойной не может быть оглашено; садитесь, свидетель. А вы, г-да присяжные заседатели, не можете признать преднамеренного убийства; остается убийство неумышленное.

Так и пришлось ответить присяжным. Вот назидательный урок для начинающих: спрашивать о чем следует, а не о посторонних вещах; хороший урок для всех присутствовавших молодых адвокатов (а равно и для тех, которым придется прочесть эти строки) — уметь воздержаться от перекрестного допроса. Один вопрос со стороны защитника — и подсудимый попал бы на виселицу. Это было вполне справедливо (я не склонен к чрезмерному человеколюбию), но это не входило в обязанности адвоката, защищавшего этого негодяя.

Это случилось на первых порах моей адвокатской деятельности, но я как теперь вижу эту сцену. Беспомощный взгляд обвинителя; тонкая улыбка судьи, видимо, ожидавшего, что за первым вопросом последует тот, который был необходим для обвинения; быстрый, пронизывающий взгляд свидетеля; он стоял перед судом, облокотившись на решетку с небрежно сложенными руками, и на его лице было то выражение, с которым смотрит на вас собеседник, задавший загадку, когда ваш ответ и очень близок, и вместе с тем бесконечно далек от разгадки,— все это стоит передо мной как живое. Помню, с каким напряженным нетерпением я ждал, будет ли предложен нужный вопрос. Я был огорчен, что этого не случилось, ибо, по моему убеждению, если когда-либо подсудимый заслуживал всех последствий предсмертного заявления, это был тот зверь, который тогда избег петли благодаря ошибке неумелого адвоката.

Вот живой красный омар. Врач, вне всякого сомнения, говорил и правду, и неправду. По прямому смыслу слов, это была правда, по существу вопроса — неправда: ибо женщина несомненно сознавала свой близкий конец. Но это был случай, когда жизнь или смерть зависят от одного слова, и я думаю, что врач был прав, отвечая по буквальному смыслу слов.

Боялась ли она смерти, знала ли, что умирает, сознавала ли, что приближается смерть, все эти вопросы могли выражать одну и ту же мысль. Вне суда, они может быть, одинаково достигали бы цели, но на суде слова — те же оковы: они замыкают дела и мысли людские в твердые границы. Как было бы хорошо, если бы человеческая речь всегда точно передавала человеческую мысль! Половина всех наших споров, особенно споров судебных, происходит от свойственной нашим словам способности расширять свой смысл до того, что одно и то же

выражение обнимает собой вещи, прямо противоположные.

5. ДЕЛО О КРАЖЕ ЛОШАДИ

Это дело разбиралось на выездной сессии; защита, как увидит читатель, в значительной степени была основана на юмористическом освещении фактов. Подсудимый обвинялся в краже лошади. Он был задержан полицейским в ту минуту, когда верхом на чужой лошади въезжал в провинциальный городок, где происходила ярмарка. Это было в расстоянии трех или четырех миль от того места, где паслась лошадь. На суде было установлено, что в изгороди, окружавшей выгон, был пролом, выходявший на большую дорогу. Лошадь шла крупной рысью, когда полицейский остановил ее.

Догадливый свидетель от избытка усердия показал, что подсудимый ехал страшно скоро. На шее у лошади был недоуздок, за который держался подсудимый. Он не остановился, когда его окликнул полицейский.

- Не остановилась ли лошадь?
- Нет, сэр.
- А лошадь, кажется, знала город? Хозяину приходи лось оставлять ее там на постоялом дворе для корма?
- Не могу знать, сэр.
- Не можете знать; вы никогда об этом не слыхали?
- Слышать слыхал, а наверное не знаю.
- Вы сказали, что подсудимый не объяснил вам, каким образом при нем оказалась лошадь.
- Никак нет.
- А не говорил ли он, что с утра долго шел пешком?
- Это говорил.
- Не говорил ли он, что ходил искать работы в го род Г.?

Свидетель улыбается и, поглаживая подбородок, отвечает:

- Этого, кажется, не говорил.
- Кажется, не говорил. Вы уверены, что не говорил?
- Наверное сказать не могу, сэр. Он как будто упоминал, что ходил искать работы.
- Так; и что работы не было?
- Так точно.
- И что идет обратно в В.?
- И это сказал, сэр.
- А куда он ходил за работой?

Полицейский колеблется и опять берется за подбородок, на этот раз с большим успехом:

- Помнится, он действительно сказал, что ходил в Г., сэр.

Присяжные улыбаются и покачивают головами. Это уже очень походит на увливание от ответов со стороны свидетеля.

- Как велико расстояние между городом Г. и городом В.?
- Около четырнадцати миль, сэр.
- Не говорил ли он, что шел все время пешком?
- Так точно.
- И что устал?
- Может быть, и это говорил.
- Говорил или нет?
- Кажется, говорил.
- И что лошадь паслась на дороге?
- Да; кажется, сказал.
- Кажется; а вы не помните, что сказал?
- Ну, сказал.
- И что у лошади был недоуздок на шее?
- Кажется, что-то вроде этого говорил; наверное только и этого не могу сказать.
- Почему же нет? Попытайтесь-ка. Надо правду говорить.
- Ну, сказал.

- И что сел верхом, чтобы прокатиться? Свидетель наконец видит, к чему клонится допрос, и улыбается; за ним улыбаются присяжные, улыбается и судья. Судья:

- Сказал он это или нет, свидетель?
- Пожалуй, что и сказал, милорд.
- А конь его и увез?

Общий хохот. Блюстителю порядка качает головой.

- Ведь он ускакал? Вы сами сказали.

- Ускакал, это верно.
- Кто ускакал?

Свидетель погружается в размышление и долго поглаживает подбородок. Хохот продолжается.

- Должно быть, конь.
- А не объяснял ли вам подсудимой, что он не мог остановить лошади, потому что недоуздок бы у нее на шее, а не на морде?
- Кажется, говорил; только не наверное.
- Отчего же не наверное? Ведь сказал? Свидетель (с силой):
- Ну, сказал, коли вам нужно.

Я не могу, конечно, передать тон этих вопросов; но все вместе взятое привело присяжных в самое благодушное настроение.

Судья в своем напутствии не слишком настаивал на уликах. Подсудимый был механик, временно потерявший заработок. Можно думать, что кражи и на самом деле не было, как бы подозрительны ни казались факты. Его знали в округе за честного рабочего; с другой стороны, выяснилось, что у лошади было большое знакомство в том городе, где происходила ярмарка.

А самое главное, у подсудимого было безупречное прошлое, у лошади — сомнительное.

Нет, не виновен.

6. ИСК ОБ УБИТКАХ, ПРИЧИНЕННЫХ ЛОЖНЫМ ДОНОСОМ

Некий г-н Золотой познакомился с неким г-ном Цветистым; из медоточивых речей последнего он узнал об изобретенном им чудодейственном способе приготовления диетических и пищеварительных бисквитов и лепешек. Цветистый очень желал получить от Золотого все то неопределенное количество свободного капитала, которое могло бы у него оказаться за все время операций общества лепешек и бисквитов.

Со своей стороны, Золотой, сгорая желанием содействовать улучшению производства бисквитов и лепешек на пользу народа, но мечтая вместе с тем оградить себя от материальной ответственности в качестве участника предприятия, купил книгу, признанную за лучшее руководство для вывода адвокатов домашними средствами. Книга эта называется «Я могу обойтись без адвоката!» Следуя указаниям этого руководства, Золотой стал пускать судебные ростки и рос в своем собственном парнике не по дням, а по часам. Нет ничего удивительного, что он очень скоро созрел. Оставалось только срезать его и отправить на рынок. Этот рынок носил название «Национальное общество для производства диетических и пищеварительных лепешек и бисквитов».

Приобретенные юридические сведения внушили ему мысль заключить с Цветистым договор о ссуде, который исключал всякое предположение о его участии в деле на правах товарищества, с одной стороны, а с другой — всякую возможность требовать от Цветистого возврата переданных ему сумм. Во исполнение этого договора он на первый раз передал своему контрагенту 260 фунтов стерлингов. Эта сумма была тем яйцом, из которого при надлежащем уходе Цветистого, как паровой цыпленок, должно было вылупиться «Национальное общество для производства диетических и пищеварительных лепешек и бисквитов». Следует также иметь в виду, что Золотой выговорил себе по договору право ссужать обществу деньги в неограниченном количестве, не стесняя себя никакими обеспечениями.

Он сделался не только своим собственным поверенным, но и поверенным Цветистого. Последний великодушно предоставил ему полную свободу к приисканию денег в любую нужную для него, Цветистого, минуту. При этом было установлено, что проценты будут определяться соразмерно доходности предприятия; о сроке уплаты их не упоминалось.

Когда Цветистый явился в банк с чеком Золотого, чтобы открыть текущий счет на имя «Национального общества для производства диетических и пищеварительных лепешек и бисквитов», банкир разумно указал ему, что для образования общества недостаточно одного лица. Послали за счастливым обладателем искусства обходиться без адвоката. Тот явился, и Цветистый объяснил ему откровенно, что «в виде простой формальности» ему необходимо числиться одним из «владельцев» знаменитого «Национального общества для производства диетических и пищеварительных лепешек и бисквитов». За 260 фунтов стерлингов скоро последовала целая тысяча; Цветистый подыскал управляющего, некоего Утешительного. Утешительный по своей профессии не был специалистом по бисквитной или иной съедобной части; у него была контора объявлений, в которой он торговал бессмертной известностью. Утешительный проявил необыкновенные способности в ведении дела и в несколько недель успел настолько расширить операции общества, что понадобилось еще полторы тысячи фунтов стерлингов. И эта сумма также перешла в руки Цветистого на указанных выше договорных условиях и была израсходована до последнего пенса. Несмотря на это, из яйца ничего не вышло; не вышло даже лепешки. В эту минуту Утешительный обнаружил, что пятьсот фунтов стерлингов

исчезли неизвестно куда, не оставив за собой ни малейших следов. Не будь общепризнанной частности всех участников дела, можно было бы подумать, что деньги просто украдены. Это обстоятельство открыло глаза Утешительному (до того они, по-видимому, оставались закрытыми), и он пришел к мудрому решению отказаться раз и навсегда от заведования делами общества, если только ему не будет предоставлена чековая книжка лично на его имя. Цветистый долго не решался согласиться на это, но Золотой, как человек, столь же решительный, как и дальновидный, убедил его передать бразды правления в более опытные руки Утешительного.

Дело снова двинулось вперед, на новых основаниях. Золотой дал еще денег, и Утешительный (получавший тридцать шиллингов в неделю) согласился ссудить обществу 200 фунтов стерлингов из своих собственных средств с личным ручательством Золотого за возвращение ссуды в дополнение к обязательству общества. Надо заметить, что, когда денежный фонд был переведен на имя Утешительного, Золотой еще раз расписался в банковых книгах как «владелец» предприятия.

Прошло немного времени, и Утешительный опять убедился, что денег нет, и, ссудив еще 50 фунтов стерлингов, решил обратиться за все вообще долги общества на Золотого. Он предъявил ему требование об уплате 200 фунтов стерлингов. Золотой уплатил; Утешительный потребовал с него уплаты 50 фунтов стерлингов, как с участника предприятия; Золотой отказался платить.

Он объявил Цветистого несостоятельным, предъявив к нему взыскание на сумму 300 фунтов стерлингов. Утешительный подбил некоторых других кредиторов национального общества обратиться свои взыскания на имущество Золотого, как участника предприятия. Первый иск разбирается в местном суде. Утешительный удостоверяет самым решительным образом под присягой, что Золотой никогда не отрицал своего участия в предприятии. Цветистый подтверждает это показание. Суд признает иск подлежащим удовлетворению. Умение «обойтись без адвоката» погубило клиента. После этого все кредиторы накинулись на Золотого; к несчастью, однако, им пришлось предъявить свои иски в суде высшей инстанции. Золотой, разуверившись в своем «умении», нанял живого адвоката, и все иски кредиторов были разбиты наголову, несмотря на категорические присяжные показания Утешительного, выступавшего в качестве главного свидетеля по каждому из этих исков к Золотому. Он проиграл и свой собственный иск в сумме 50 фунтов стерлингов.

Тем временем против Утешительного было возбуждено уголовное преследование за дачу ложного показания под присягой в местном суде. Полицейский судья прекратил дело, но Золотой перенес его в камеру предания суду (Grand Jury), настаивая на обвинении своих бывших друзей в предъявлении к нему недобросовестных исков (Vexacious Indictment). Цветистый и Утешительный были преданы суду, но оба были оправданы присяжными.

На тучной почве всех этих гражданских и уголовных разбирательств вырастает в конце концов иск Утешительного к Золотому об убытках, причиненных ложным доносом. Нельзя не сказать, что на первый взгляд недобросовестность обвинения представлялась явной и несомненной; где было искать оснований к добросовестному заблуждению? Делец-стряпчий, конечно, назвал бы это «хорошим делом», вроде того как юные врачи называют «прекрасным случаем» какой-нибудь особенно сложный перелом костей или иное тяжкое телесное повреждение. Дело представлялось настолько безнадежным, что единственным благополучным исходом для Золотого казалось мировое соглашение с истцом, иными словами — ему оставалось броситься в море, чтобы облегчить груз своего корабля.

Как же быть, Джонс? — сказал старший поверенный своему младшему товарищу. — Что скажете? Придется проиграть дело?

Кажется, придется, — ответил Джонс с грустной покорностью судьбе. — Разве испытать последнее средство.

Какое?

Перекрестный допрос Утешительного.

И вы думаете, что с таким мошенником можно что-нибудь сделать. Ведь это Утешительный! — И старший покачал головой с самым безутешным видом.

Случилось так, что в исковом прошении в числе прочих оснований иска были указаны два обстоятельства: убытки от бесчестья и от потери места. По собранным сведениям, это последнее обстоятельство оказалось мифом. Когда Утешительный появился у свидетельской решетки в полной боевой готовности, первый же вопрос ударил его и в нос, и в корму.

- Вы утверждаете, что потеряли место вследствие возбужденного против вас уголовного преследования?
- И да, и нет.

Ответ довольно странный, но он объясняется тем, что его хозяин стоял рядом и Утешительный оставался у него на службе до самого суда.

Заметив опасный боковой маневр противника, поверенный истца храбро бросился к нему

на помощь и, спасая его, едва не столкнул его в море.

- Милорд,— воскликнул он,— мы отказываемся от требования убытков от бесчестья и от потери места, мы требуем только возмещения издержек по производству в уголовном суде.
- Так что бесчестья не было, г-н Утешительный, а место осталось?
- Я отказываюсь от взыскания за бесчестье,— повторил поверенный истца.
- И за потерю места? — прибавил его противник.— Значит, вы не лишались его?
- Я не ищущ...
- Как же не ищите? А что же сказано в исковом прошении?
- Весь груз, провизия, снасти уже были выброшены за борт; судно значительно облегчилось. Посмотрим, как оно пойдет дальше.
- Вы заведовали делами общества, когда пропали 500 фунтов стерлингов?
- Да, я заведовал делами общества.
- Ответчик вложил в дело 1 500 фунтов стерлингов?
- Кажется, так.
- И не получил обратно ни полушки?
- Об этом я ничего не знаю.
- Неужели?
- По-видимому, это было так... Я его денег не считал. Я только заведовал делами.
- И деньгами?
- Я ссудил общество капиталом.
- Сколько вы получали жалованья?
- Тридцать пять шиллингов в неделю.
- Вы показали под присягой, что Золотой никогда не отрицал своего участия в предприятии?
- Нет, я этого не показывал.
- Но если бы показали, это была бы правда?
- До некоторого времени, да.
- И в ваших интересах было бы показать это на суде?
- Это могло быть в интересах дела.
- А также и в ваших собственных?
- Это почему?
- Да потому, что, удостоверив его ответственность по долгам общества, вы обеспечили бы себе уплату ваших пятидесяти фунтов.

(NB. Если ваш свидетель задает вопрос поверенному противной стороны, вы всегда рискуете получить неприятный ответ.)

Это был удачный ответ. Присяжные теперь знают:

что никакого бесчестья не было,

что истец не лишился места,

что он искал убытков и за бесчестье и за потерю места.

Дальнейший допрос выяснил и другие обстоятельства, но приведенные выше вопросы уже открыли присяжным глаза на истинный смысл фактов, установленных перекрестным допросом. Далее последовали собственные объяснения Золотого, и, несмотря на обвинительное напутствие председателя, присяжные отказались поверить человеку, искавшему убытков за бесчестье, которого не было, и за потерю места, которого он не терял, и признали иск недоказательным.

Из этого видно, что иногда бывает полезно разоблачить перед присяжными тайные расчеты, побудившие истца к возбуждению дела.

Глава XIII

Разбор вступительной речи сэра Александра Кокбурна по делу Пальмера, обвинявшегося в отравлении г-на Парсонса Кука (1856)

Я хочу теперь предложить читателю несколько отрывков из речей наших лучших ораторов, чтобы показать, что приведенные выше замечания мои по разным отраслям адвокатского искусства находят себе подтверждение в их устах. Я не знаю лучшего образца ясного и изящного изложения фактов, чем вступительная речь Александра Кокбурна по делу Пальмера, осужденного 1856 г. за отравление Джона Парсонса Кука.

Нельзя не заметить с самого начала изящной риторической простоты вступления: «Г-да присяжные. Вы призваны исполнить важнейшую из всех обязанностей, когда-либо выпадающих на долю человека,— призваны рассмотреть и разрешить дело, от решения которого зависит жизнь другого человека, преданного суду вашему за величайшее из всех преступлений, караемых земной властью».

Вдумавшись в эти слова, читатель, может быть, скажет, что нельзя было найти более

подходящего обращения к присяжным, чтобы внушить им надлежащее представление о важности совершаемого суда и о грозном характере дела, требующего непрерывного, напряженного внимания с их стороны. Нет более важных, могущих быть возложенными на человека обязанностей, как обязанности судьи, и нет более тяжкого преступления перед человеческим судом, чем убийство. После немногих слов о предвзятом мнении и виновности или невиновности подсудимого обвинитель обращается к присяжным с торжественным призывом (весь мир знал о преступлении Пальмера; оно вызывало бесчисленные толки и споры, и среди присяжных могли быть люди, предубежденные как в ту, так и в другую сторону): «Ваш долг, ваш безусловный долг состоит в том, чтобы разобрать это дело по тем данным, которые будут представлены на судебном следствии, и только по ним. Вы должны устранить из своей памяти все то, что вы слышали или читали об этом деле, забыть свое мнение о нем, если оно сложилось у вас. Если по обстоятельствам дела вы придете к убеждению в виновности подсудимого, вы исполните свой долг перед обществом, перед своей совестью и перед своей присягой, смело признав это в вашем решении; но, если представленные вам улики не приведут вас к разумной уверенности в его вине,— не дай Бог, чтобы весы правосудия склонились против подсудимого предубеждениями или предвзятыми взглядами».

Призвав таким образом присяжных к смелому исполнению долга, какие бы ни были его последствия, оратор, если можно так выразиться, выводит на сцену действующих лиц драмы. Они узнают, что подсудимый был врачом и в течение нескольких лет занимался врачебной практикой в местечке Ружли, в Страффордшире. Далее следует внушительное замечание, введенное в повествовательной форме, но, как мне кажется, искусно рассчитанное на то, чтобы вызвать у присяжных тревожные размышления: «Позднее, однако, он увлекся скаковым спортом и понемногу забросил свои профессиональные занятия. Два или три года тому назад он передал свое дело своему бывшему помощнику, некоему Тирльби, который и доныне продолжает его».

Только что перед этим генерал-атторней предупредил присяжных, что обстоятельства дела несколько запутаны, что они раскинуты на значительном промежутке времени и что им необходимо познакомиться не только с ближайшими к обвинению событиями, но и с фактами более отдаленными.

Как бы ни были сложны или многочисленны факты, в представлении присяжных уже с самого начала был закреплен один — а именно, что подсудимый оставил вполне почтенную профессию, променяв ее на занятие по меньшей мере сомнительного характера и такое, которое часто приводит и даже толкает на преступление.

Предлагаю начинающему адвокату обратить внимание на слова, следующие за указанием оратора на необходимость изложить перед присяжными события отдаленного прошлого:

«Я могу, однако, смело сказать, что я по совести убежден, что среди тех фактов, к которым я призываю ваше терпеливое внимание, нет ни одного, который не имел бы непосредственного и крайне важного отношения к существу настоящего дела».

Итак, лишнего в речи не будет; как бы ни были отдалены между собой факты, как бы далеко ни уходили они в прошлое, все они должны идти в одном направлении, тяготея к общему центру.

Присяжные узнают затем, что в своих занятиях спортом Пальмер сблизился с тем человеком, смерть которого составляет предмет настоящего разбирательства,— г-ном Джоном Парсонсом Куком.

Это неожиданное указание на катастрофу представляется мне мастерским приемом. Небрежное отношение к врачебной деятельности, окончательное прекращение ее, увлечение спортом, близкое знакомство Пальмера с Куком и смерть последнего — все это как бы приподнимает завесу над страшной последней сценой драмы.

Кто был Кук — это разъяснено в немногих словах; он был молод и имел наследственное состояние; он держал скаковых лошадей, играл на скачках; эти занятия сблизили его с Пальмером. Теперь мы узнаем, что «подсудимый обвиняется в предумышленном убийстве г-на Джона Парсонса Кука; Пальмер обвиняется в том, что отравил его».

Перчатка брошена. Следует теперь объяснить присяжным «обстоятельства, в которых находился Пальмер, и его отношение к покойному Куку».

За этим следует быстрое изложение существа всего дела в немногих сжатых выражениях: «Обстоятельства, вменяемые в вину Пальмеру со стороны государственного обвинения, заключаются в следующем: я утверждаю, что он был в безвыходном положении, что ему грозило неминуемое разорение, позор и уголовная кара, что избавиться от всего этого он мог только посредством денег; что он воспользовался своей близостью с Куком для того, чтобы после крупного выигрыша последнего на скачках свести его в могилу и завладеть его деньгами; обстоятельства, в которых тогда находился Пальмер, создали то, что мы называем мотивом преступления».

Вот почему эти обстоятельства, в том числе и очень отдаленные, имеют столь важное

значение: из них создается мотив к ужасному преступлению; а мотив к преступлению есть уже в некоторой степени его вероятность. Как будет указано впоследствии, «если есть налицо сильные мотивы, мы тем скорее готовы допустить вероятность совершения преступления; где нет мотивов, вероятность клонится в противоположную сторону».

Обращаю теперь внимание читателя на указание генерал-атторнея о хронологическом порядке изложения: «В этом деле мотив преступления требует строгого обсуждения; и так как обстоятельства, создавшие, как мы сказали, мотив, являются первыми по порядку времени, я остановлюсь на них, прежде чем перейти к тому, что составляет непосредственный предмет нашего расследования. Мне кажется всего удобнее соблюдать хронологическую последовательность событий; этого порядка я и буду держаться в своем изложении».

Далее присяжные узнают, что уже в 1853 году Пальмер был в стесненных обстоятельствах и занимал деньги под векселя. В 1854 году его положение стало еще хуже; он был должен нескольким лицам крупную сумму денег. Среди векселей, выданных им в 1854 году, был один на сумму 2 тыс. фунтов стерлингов, учтенный им у г-на Падвика. Этот вексель имел бланк матери Пальмера, г-жи Сары Пальмер. Бланк этот был подложный. Были и другие подложные бланки. В 1854 году долги его достигали крупной суммы; в сентябре этого года умерла его жена, жизнь которой была застрахована в 13 тыс. фунтов стерлингов; он получил эту сумму от страхового общества и погасил некоторые из наиболее неотложных своих обязательств. Для этого он воспользовался услугами некоего стряпчего Пратта, занимавшегося учетом векселей. Этот господин получил от Пальмера 8 тыс. фунтов стерлингов и распределил их в уплату по векселям, находившимся в руках его клиентов. Некто г-н Райт из Бирмингама, также ссужавший деньги подсудимому, получил 5 тыс. фунтов стерлингов, и этим путем было всего погашено долгов на сумму 13 тыс. фунтов стерлингов; но несмотря на это у Пальмера оставались еще другие значительные обязательства; в том числе был и упомянутый выше долг по векселю в 2 тыс. фунтов стерлингов, учтенному Праттом.

В том же году Пальмер застраховал жизнь своего брата и под обеспечение страхового полиса выдал еще несколько векселей, учтенных Праттом из шестидесяти процентов, причем полис, как дополнительное обеспечение, остался в руках Пратта. Общая сумма векселей, выданных в этом году, достигала 12 тыс. фунтов стерлингов. В марте 1855 г. подсудимый учел еще 2 векселя, на 2 тыс. фунтов стерлингов каждый; на полученные деньги он купил двух скаковых лошадей, Нетель и Чикина. В июне эти векселя были переписаны: срок платежа по первому был 28 сентября, по второму — 2 октября; в эти сроки они были переписаны вторично.

Далее следует перечень операций подсудимого по векселям вплоть до ноября, т. е. до дней скачек в Шрюсбери. «Его давил долг в 11 тыс. фунтов стерлингов, и не было ни единого шиллинга на уплату, давило еще более сознание того, что, как скоро он потеряет возможность продолжать займы и взыскание будет обращено к его матери, его подлоги будут раскрыты и ему грозит кара уголовного суда за эти подлоги». «В августе 1855 г. брат подсудимого умер; жизнь его была застрахована, и полис был передан подсудимому, который, конечно, рассчитывал, что страховая сумма даст ему возможность расплатиться с его кредиторами; но общество отказалось выдать ему страховую сумму, и он не мог воспользоваться этими деньгами». За этим следует рассказ о некоторых менее значительных обстоятельствах, среди которых Кук принял участие в одной или в двух вексельных операциях. Продолжая нуждаться в деньгах, Пальмер предложил Пратту принять в заклад двух лошадей Кука, Полстара, взявшего приз на скачках в Шрюсбери, и Сириуса. Кук подписал залоговое условие на имя Пратта и должен был получить ссуду, обеспеченную этим залогом; ссуда была дана в сумме 375 фунтов стерлингов наличными и в виде накладной на вино на сумму 65 фунтов стерлингов. Пальмер устроил так, что и деньги и накладные были переданы ему, а не Куку. Пратт выдал чек на имя Кука, Пальмер подделал подпись последнего и получил деньги. «Кук так и не видал этих денег, и, как вы узнаете на судебном следствии, срок платежа по векселю, выданному по этому случаю, наступал через десять дней после смерти Кука; в это время неизбежно обнаружилось бы, что деньги были получены Пальмером посредством подлога подписи на чеке».

Далее следует рассказ о том, как Пальмер убедил некоего Бэтса застраховать свою жизнь в 25 тыс. фунтов стерлингов, причем заявление о страховании было составлено при участии самого Пальмера как врача, Кука и упомянутого Тирльби. Это заявление было подано сначала в одно страховое общество, потом в другое, с уменьшением страховой суммы, но оба общества отказались принять страхование.

«Все эти обстоятельства,— сказал генерал-атторней,— имеют важное значение для дела: они указывают на те отчаянные попытки, к которым в рассматриваемое время прибегал подсудимый».

Затем были оглашены письма Пратта к Пальмеру с настоятельными требованиями уплаты по многочисленным векселям с бланками Сары Пальмер.

6 ноября Пратт предъявил ко взысканию векселя на 4 тыс. фунтов, обратив взыскание и к

Пальмеру, и к его матери. Но затем он приостановил взыскание. Пальмер между тем настоятельно требовал от него новых ссуд. 13 ноября Пратт письменно предложил Пальмеру приготовиться к уплате 1 тыс. фунтов стерлингов по вексялям, срок коих наступал 9 ноября.

«Таково было положение дел ко времени скачек в Шрюсбери,— говорит генерал-атторней.— 13 ноября Полстар взял приз гандикап; Кук имел на него крупные ставки. В этот день у него было при себе от 700 до 800 фунтов стерлингов. Кроме того, он должен был получить обратно свои ставки в сумме 380 фунтов стерлингов, а вместе с выигрышем всего 2 тыс. 50 фунтов стерлингов».

Таковы те обстоятельства, о которых генерал-атторней сказал, что они не имеют непосредственной связи с предметом обвинения, но требуют внимания присяжных. Из них создан мотив преступления, и они являются первыми в последовательности по времени. Упомянув о деньгах, которые Кук должен был получить после скачек, обвинитель делает короткое, но многозначительное замечание: «Через неделю после этого г-н Кук скончался». Затем, идя с неуклонной логической последовательностью к главной задаче обвинения, ни на минуту не упуская ее из виду, как бы ни были запутаны те обстоятельства, через которые ему необходимо провести присяжных, он говорит: «Теперь нам предстоит разрешить важнейший вопрос о причине его смерти: была ли она естественной или последовала от человеческой руки, и в последнем случае — от чьей руки».

Вот в чем существо дела.

После этого оратор упоминает о состоянии здоровья Кука перед его поездкой в Шрюсбери и за некоторое время до того; ничто не остается скрытым от присяжных, и поэтому перекрестный допрос не может установить ничего для них неожиданного.

Далее следует описание радостного возбуждения Кука от победы его лошади и крупного выигрыша, обеда, данного им в ознаменование события, и его последующее поведение; указывается состояние его здоровья перед сном; его занятия в течение следующего дня. Затем оратор указывает на «одно замечательное обстоятельство», предложенное вниманию присяжных в следующем отрывке: «Один из друзей Кука, г-н Фишер, и некий г-н Герринг также были на скачках; Фишер помимо спорта занимался также получением денег, выигранных на скачках, и получил деньги, причитавшиеся Куку по расчету его ставок; он занимал комнату рядом с покойным. Поздно вечером, зайдя в одну из комнат гостиницы, он застал Пальмера и Кука, пивших коньяк с водой. Кук угостил его и предложил Пальмеру выпить еще. Тот ответил: "Сначала допейте ваш стакан".— "Сейчас",— сказал Кук и выпил залпом, оставив около ложки на дне стакана. Не успел он проглотить напиток, как вскрикнул: "Боже мой! там что-нибудь было; оно жжет мне горло". Пальмер тотчас же взял стакан, допил его до конца со словами: "Вздор, ничего там нет", и, придвинув стакан к Фишеру и к другому, только что вошедшему лицу, сказал им: "Кук говорит, что в коньяке что-то есть; там ничего нет; попробуйте". Один из них возразил на это: "Что же нам пробовать? Вы все выпили". Кук быстро встал, вышел из комнаты и, вызвав Фишера, сказал ему, что чувствует себя серьезно больным. У него началась сильнейшая рвота, и его пришлось уложить в постель. Припадки рвоты продолжались с такой же силой в продолжение двух часов; пришлось послать за врачом».

Всю ночь он чувствовал себя плохо и передал на хранение Фишеру 800 или 900 фунтов стерлингов. На другой день ему стало лучше, и он поехал на скачки.

Далее идет объяснение денежных затруднений Пальмера в это время. Он занял 25 фунтов стерлингов на поездку в Шрюсбери. Его лошадь не взяла приза, и он проиграл несколько ставок. Он уехал из Шрюсбери вместе с Куком; прибыв в Ружли, Пальмер отправился к себе, а Кук занял комнату в гостинице «Talbot Arms», как раз против дома подсудимого. Далее приведено обстоятельство, имеющее связь с тем, что произошло в Шрюсбери; оно заключалось в следующем: «В этот вечер, около 11 часов некая г-жа Брукс, также игравшая на скачках и державшая жокеев, пришла к Куку, чтобы переговорить с ним по поводу скачек. Войдя в переднюю, она увидела Пальмера, державшего в руке стакан перед газовым рожком; рассмотрев стакан на свет, он ушел в другую комнату, но сейчас же вернулся со стаканом в руке и прошел в комнату, где был Кук и где они вместе пили коньяк, от которого, как вы, может быть, признаете, произошли припадки Кука».

Читатель заметит, что последовательность времени здесь соблюдена не вполне; это обстоятельство предшествовало моменту, когда Кук и Пальмер пили вместе; но нельзя не отметить эффектного указания на важное обстоятельство, которое, взятое само по себе, может быть в любую минуту отнесено к надлежащему месту и, несомненно, привлекает особое внимание благодаря намеренному перерыву в рассказе обвинителя.

«Я не хочу сказать,— говорит генерал-атторней,— что смерть Кука находится к какой-либо связи с причиной, вызвавшей эти припадки; но я докажу вам, что в течение последующего своего пребывания в Ружли он постоянно принимал различные напитки из рук Пальмера и что за это время его болезнь не прерывалась. Я докажу, что после его смерти в тканях тела его и в

крови была найдена сурьма,— она давалась ему в виде рвотного винного камня, повторные приемы которого вызывают болезненное состояние. Но не это было причиной его смерти. Обвинение утверждает, что сурьма только подготовила отравление, произведенное стрихнином».

До этих пор о стрихнине не упоминалось ни разу, и если у присяжных сложилось предположение, что Кук был отравлен сурьмой, неожиданное заявление обвинителя должно было сильно удивить их; удивление их должно было быть еще больше, и к нему присоединилось чувство удовлетворенного любопытства, когда они узнали, для какой цели употреблялась сурьма и каким ядом был на самом деле отравлен Кук. Не могу не сказать, что этот искусно рассчитанный риторический эффект заслуживает внимания.

За этим следует описание происхождения и свойств стрихнина и его действия на животный организм, причем оратор особенно выдвигает то обстоятельство, что доза от полуграна до трех четвертей грана вызывает смерть. Далее — описание нервной системы человека и смертельного действия на нее этого тонкого яда. В этом изложении оратор проявляет искусство и силу, заслуживающие самого внимательного изучения. Надо было разъяснить в понятных выражениях перед малообразованными людьми, каким образом действует этот яд, ознакомить их до некоторой степени с той удивительной тонкой системой в человеческом организме, которая называется нервной системой, и разделить ее на отдельные части так, чтобы присяжные были в состоянии усвоить самым точным образом значение предстоявших доказательств. Оратор говорит: «Нервная система человеческого организма может быть разделена на две главные части; нервы чувств, передающие мозгу сознание внешних воздействий на органы чувств, и нервы двигательные, являющиеся как бы посредниками между умственной и физической нашей деятельностью. Таковы два главных разветвления, зарождающиеся в непосредственном соседстве с центром всей душевной жизни человека; деятельность каждого из этих разветвлений имеет совершенно самостоятельный характер, и действие одной сети может быть парализовано, в то время как другая продолжает действовать беспрепятственно. Можно парализовать нервы чувств, оставив неприкосновенными нервы, управляющие двигательными мышцами, и можно, наоборот, вызвать паралич двигательных нервов и мышц, сохранив деятельность чувствующих нервов».

«Стрихнин поражает нервы, управляющие двигательными мышцами, но не оказывает никакого действия на нервы, служащие деятельности сознания, и необходимо помнить, что некоторые яды вызывают полную потерю сознания; яд, о котором я говорю, уничтожает только возможность произвольных телодвижений, но оставляет у отравленного вполне ясное сознание».

В этом, как будет видно ниже, заключался основной пункт обвинения; и это обстоятельство было извлечено оратором из массы следственного материала столь же искусно, как этот тонкий яд «извлекается искусством опытного химика из растительного продукта, называемого «*pux vomica*».

«Смерть, как последствие действия стрихнина на двигательные мышцы, происходит следующим образом; прием яда вызывает величайшее напряжение всех этих мышц, наступают сильнейшие судороги, спазмы, распространяющиеся по всему телу и заканчивающиеся столбняком; все мышцы сокращаются, а дыхательные мышцы становятся совершенно неподвижными; это останавливает дыхание, отсутствие которого ведет к смерти. Эти признаки обозначаются в науке термином *tetanus*. Существуют и другие смертельные формы этого состояния, происходящие не от отравления стрихнином, а от других причин; отдельные виды этого болезненного состояния настолько отличны между собой, что в этом не может быть ошибки». Чтобы устранить эту возможность, обвинитель разобрал перед присяжными *leiapsh* во всех его видах и описал признаки каждого из них в отдельности; одна форма называется травматической, другая идиопатической; один из признаков *tetanus'a*, вызываемого стрихнином, состоит в том, что «судороги сразу принимают угрожающий характер и смерть наступает в несколько минут среди ужасных страданий».

Объяснив свойства стрихнина и его действие, обвинитель указывает, что Пальмер, как врач, был знаком с ними, и предъявляет присяжным одну из его книг под названием «Руководство для начинающих», на одной странице которого рукой Пальмера написано: «Стрихнин убивает, производя титаническое сокращение дыхательных мышц».

Теперь, как видит читатель, все подготовлено для указания фактических улик против подсудимого.

Все подготовлено. Все группы фактов расположены в определенном порядке и все направлены к общему центру; присяжные знают, что Пальмер увлекался спортом, увлекался игрой; знают, что он сделал несколько подлогов от имени своей матери, что ему грозил уголовный суд; они более чем подозревают, что он отравил своего брата, хотел отравить Бэтса; подозревают, что 13 тыс. фунтов стерлингов, полученных им от страхового общества, были добыты ценой жизни его жены: знают, что Кук был слабхарактерный и легкомысленный человек, а подсудимый человек хитрый, жадный и беспринципный; знают, что Пальмер всыпал

сурьму в коньяк Кука; они хорошо знакомы с отдельным функционированием двигательных и чувствующих нервов; знают, что такое стрихнин, различают три вида столбняка (*e1апш), из коих два вида начинаются слабыми, постепенно нарастающими болезненными проявлениями, тогда как столбняк, вызванный приемом стрихнина, наступает сразу и быстро кончается смертью. Они не могут смешать травматический и идиопатический столбняк со столбняком от отравления. Простое перечисление признаков укажет им, с чем именно они имеют дело.

Ясно, что после этого оставалось только одно: не касаясь предстоящей остроумной системы защиты, доказать, что Кук умер от столбняка, причем известно, что прием стрихнина в самой незначительной дозе, «хотя бы в количестве от полуграна до трех четвертей грана», причиняет смерть от сокращения дыхательных мышц до совершенной неподвижности (услышав это, каждый из двенадцати присяжных невольно вздрогнул с таким чувством, как будто бы у каждого был по крайней мере гран в пустом зубе); что припадки Кука не соответствовали признакам травматического или идиопатического столбняка и, наконец, что стрихнин был дан покойному подсудимым, или, по крайней мере, привести такие факты, которые не допускали бы другого объяснения.

В течение нескольких дней Пальмер ухаживал за Куком, и во все это время болезнь последнего не прекращалась. Одна из служанок гостиницы попробовала бульон, присланный из дома Пальмеров, и немедленно почувствовала себя больной. В субботу послали за доктором Гамфордом, и Пальмер сказал ему, что Кук слишком много ел за обедом и у него был желчный припадок. Это была ложь, и ложь бесцельная, если Пальмер не был отравителем. Указав это соображение, генерал-атторней перешел к доказательству ложности этого заявления подсудимого; он указал, что за все время болезни Кука у него не было ни одного признака расстройства желчи. В четыре часа в присутствии Пальмера больному подали кофе; у него началась рвота; в шесть часов принесли другое питье; Пальмера не было, и больного не рвало; в восемь часов Пальмер опять был у его постели; больному дали каши, и опять появилась рвота.

«Все это может быть простым совпадением,— говорит генерал-атторней,— но это факты, и какое бы толкование им ни придавалось, они заслуживают вашего внимания».

В понедельник, 19-го числа, Пальмер уезжает в Лондон, предварительно дав больному какого-то сиропа, также вызвавшего рвоту. После его отъезда и до его возвращения больному стало значительно лучше.

Оставив Кука в его комнате вставшим с постели и одетым, в разговоре с двумя жокеями, явившимися для переговоров о других предстоявших скачках, генерал-атторней идет за Пальмером в Лондон, чтобы проследить за ним там и сообщить присяжным, чем он там занимался. Это естественный и правильный порядок изложения, и я не стал бы напоминать об этом, если бы не имел в виду тех, кто еще не достиг совершенства в крайне трудном искусстве простого повествования о фактах. Пальмер, по-видимому, «написал письмо некоему Геррингу, чтобы условиться о встрече с ним в Лондоне; Герринг также играл на скачках; был и на скачках в Шрюсбери».

Мне хотелось бы обратить внимание читателя на особый оборот речи, часто встречающийся в устах генерал-атторнея; столь часто, что можно думать, это делается с намерением. Он не говорит: «Написал письмо некоему Геррингу, также игравшему на скачках» и т. д. Он говорит: «Герринг также играл на скачках» и т. д. Мне представляется, что последний оборот достигает несравненно большего эффекта в изложении приведенного обстоятельства; мысль как бы прерывается на минуту, и некоторая отрывочность изложения подчеркивает замечание оратора.

Пальмера спрашивают о здоровье Кука; он говорит, что ему хорошо; что он принял каломель и не выходит, и «я приехал к вам, чтобы выяснить его расчеты». Для этих расчетов Кук обыкновенно пользовался услугами некоего Фишера, но Пальмер не называл последнего. Пальмер предъявил Геррингу список сумм, которые должен был получить Кук, и указал имена тех лиц, от которых должны были поступить деньги, всего на сумму 1 тыс. 20 фунтов стерлингов. Пальмер предложил Геррингу удержать в свою пользу 6 фунтов стерлингов и выплатить некоему Шелли 30 фунтов стерлингов, прибавив: «Если увидите Вильяма, скажите, что Кук заплатит ему в четверг или в пятницу»; он спросил, сколько останется за вычетом упомянутых денег; Герринг сказал: 984 фунта стерлингов, Пальмер подтвердил это: «Я дам вам 16 фунтов стерлингов; всего 1 тыс. фунтов стерлингов; удержите себе 200 фунтов в уплату моего векселя; заплатите Падвику 350 фунтов и Пратту 450 фунтов», обратив, таким образом, деньги Кука в уплату своих долгов. «Это установлено бесспорно»,— заметил генерал-атторней. Затруднительный факт для подсудимого. При этом свидании он, кроме того, выплатил Геррингу свой незначительный долг ему (5 фунтов стерлингов), разменяв для этого бумажку в 50 фунтов стерлингов. Письма, отправленные затем Геррингом на имя Кука по поводу этих расчетов, были перехвачены начальником почтового отделения по просьбе подсудимого.

В 9 часов вечера Пальмер вернулся в Ружли; он зашел к Куку и от 10 до 11 часов то

входил, то выходил от него. В эту минуту, как раз в то время, когда Пальмер так близок к Куку, присяжные узнают, что в тот же вечер он был у некоего Ньютона, служившего фельдшером у врача Сальта, и взял у него три грана стрихнина; зная Пальмера за врача, Ньютон без всяких колебаний передал ему яд. «В этот день д-р Бамфорд прислал те же пилюли, которые давались больному в субботу и в воскресенье. Доктор, по-видимому, лично приносил пилюли в гостиницу и отдавал их экономке; она передавала их наверх; но после этого приходил Пальмер и каждый вечер собственноручно давал лекарство больному. Нет сомнения, что в понедельник вечером Кук принял пилюли. Были ли это пилюли, приготовленные д-ром Бамфордом, т. е. те же, какие он принимал в субботу и в воскресенье, или Пальмер подменил их другими, в которых был стрихнин,— это должны решить присяжные».

В 12 часов в комнате больного раздались крики; у него начались судороги, но он был в сознании; присяжные твердо помнят, что это один из признаков столбняка, вызываемого стрихнином. К нему входит Пальмер, дает ему какое-то лекарство; оно вызывает рвоту. Больной несколько успокоился и просил женщин растирать ему ноги. Женщины заметили, что ноги у больного были холодные, окоченелые (другой признак столбняка от стрихнина).

«На следующее утро, между 11 и 12 часами,— продолжает оратор,— произошло нечто чрезвычайно замечательное. Пальмер явился в аптеку некоего г-на Гокинса в Ружли. Он не имел с ним дела за последние два года, ибо в течение этого времени покупал все, что ему было нужно, в аптеке г-на Тирльби, бывшего помощника г-на Гокинса, занявшегося затем собственным делом». Пальмер, как мы знаем, передал ему свою практику. «На этот раз, однако, Пальмер обратился в аптеку г-на Гокинса. Вынув из кармана бутылку, он сказал, что ему нужно две драхмы синильной кислоты. В то время как ему готовили заказанное, в аптеку вошел и Ньютон, тот самый, у которого перед тем он брал стрихнин; Пальмер схватил его за руку и сказал, что должен сообщить ему нечто очень важное, поспешно вывел его на улицу и продержал его там некоторое время, разговаривая о самых ничтожных вещах» (которые теперь оказываются чрезвычайно важными). «В эту минуту к ним подошел некий г-н Брассингтон, и г-н Ньютон вступил с ним в разговор. Пальмер воспользовался этим, чтобы вернуться в аптеку, и потребовал еще шесть гран стрихнина и некоторое количество опиума в растворе. Получив то и другое, он ушел. Вслед за тем в аптеку зашел г-н Ньютон и, удивленной по-, сещением Пальмера (вот незначительное обстоятельство, приведенное не без расчета и не лишенное значения впоследствии), спросил, из простого любопытства, что брал Пальмер в аптеке. Ему сказали».

Здесь, как бы в назидание для людей менее опытных, перед обвинителем возникло некоторое затруднение. «Я должен отметить одно обстоятельство, не лишенное значения по отношению к показанию г-на Ньютона. При допросе у коронера он упомянул только о первом случае покупки стрихнина Пальмером; и только вчера, с всяческими выражениями сожаления о том, что ранее не умел объяснить всего, ему известного, он сообщил властям, что Пальмер брал у него стрихнин в понедельник вечером».

Очень сомнительное обстоятельство. Защита, конечно, имеет в виду воспользоваться им. Нельзя было допустить, чтобы присяжные узнали это лишь на перекрестном допросе, ни даже на первоначальном; это было бы слишком опасно для обвинения. Надо, чтобы они узнали о нем от самого обвинителя; надо признать его значение и прямо сказать, что им нельзя не считаться с ним. Было заранее очевидно, что придется сдать это орудие неприятелю; следовательно, надо было заклинить его. Посмотрим, что сделает оратор.

«Вы должны сами решить, г-да присяжные заседатели, насколько заслуживает доверия показание этого свидетеля; но вы не должны терять из виду, что, как бы ни отнеслись вы к словам г-на Ньютона, другой свидетель, г-н Роберте, правдивость которого не допускает и тени подозрения, установил перед вами факт покупки яда подсудимым в аптеке Гокинса во вторник».

При наличности этого показания разногласие в словах г-на Ньютона можно оставить в стороне; оно уже не опасно для обвинения; но с ним не так легко было бы справиться, если бы генерал-атторней не коснулся его во вступительной речи. Устранив это маленькое затруднение, оратор возвращается к своему рассказу:

«Кук должен был получить деньги, выигранные им в Шрюсбери. Пальмер посылает за Чеширом, начальником почтового отделения, которому был должен 7 фунтов стерлингов. Чешир, рассчитывая на уплату долга, приносит заготовленную расписку, но вместо платежа Пальмер, сообщив ему, что Кук по своему болезненному состоянию не может писать, просит его написать чек на фирму Ветерби в сумме 350 фунтов на имя Пальмера. Чешир заполняет текст чека с припиской: "Прошу выданную сумму отнести на мой счет". Пальмер говорит при этом, что надо будет дать чек Куку для подписи. Куда девался затем этот чек, генерал-атторней не знает, и это обстоятельство не входит в предмет спора; известно только, что в ту же ночь Пальмер отправил в контору Ветерби чек, по которому контора отказалась выдать деньги. Был ли это чек с подлинной подписью или, как многие документы, проходившие через руки Пальмера, подложный — это скажете вы».

Подчеркнув таким образом новую улику, оратор предоставляет ее оценку присяжным, уверенный, что они не забудут ее.

Оставив на время больного, чтобы изложить присяжным эти обстоятельства, не нарушая последовательности событий во времени, обвинитель «возвращается к Куку» и объясняет присяжным, что в течение следующего утра

Пальмер присылал ему кофе и бульон и что то и другое вызвало обычные последствия, т. е. рвоту, и рвота продолжалась в течение целого дня до вечера.

Теперь «на сцене появляется новое лицо». Это новое лицо — друг Кука, врач Джонс. Пальмер написал ему письмо в котором весьма неосмотрительно сообщал, что «Кук страдал тяжким желчным припадком, сопровождающимся поносом», и говорил: «Желательно, чтобы вы приехали сюда как можно скорее». Это обстоятельство, по словам обвинителя, «заслуживает внимания». Он говорит: «Следует ли придать этому приглашению смысл, благоприятный для подсудимого, или это является указанием на глубоко обдуманый расчет подкрепить предположение, что Кук умер естественной смертью,— несомненно одно: что сообщение о том, будто Кук страдал желчным припадком и поносом, было совершенно ложно».

Это факт, и такой, с которым нелегко будет справиться защите.

Джонс сразу убедился, что никакого желчного припадка у больного не было. В семь часов заехал д-р Бамфорд; состояние Кука было удовлетворительно. Врачи устраивают совещание, в котором, конечно, участвует и Пальмер; они слышат восклицание несчастного Кука: «Больше никаких пилюль, ни лекарства я сегодня принимать не стану; так и знайте». Ясно, что он не верил в эти лекарства. Пальмер настаивал на продолжении приемов пилюль и с особой заботливостью предложил «не говорить ему, из чего они составлены: он боится, что боли повторятся»; боли, вызванные стрихнином, как знают присяжные. Д-р Бамфорд отправился к себе в кабинет, чтобы приготовить пилюли; Пальмер сопровождал его и просил его дать записку с указанием приема. «Д-р Бамфорд, хотя и не мог понять, для чего это нужно», написал, что пилюли должны быть приняты на ночь. Пальмер унес их и в ту же ночь дал больному либо эти самые пилюли, либо какие-нибудь другие. Далее следует одно «замечательное» (только «замечательное») обстоятельство: «Между его уходом из кабинета д-ра Бамфорда и моментом, когда он принес Куку пилюли, прошло полчаса или три четверти часа». Придя, наконец, в комнату больного, он обратил особенное внимание д-ра Джонса на надпись на коробке с пилюлями, высказав удивление твердости почерка восьмидесятилетнего старика.

«Если он виновен,— сказал генерал-атторней,— то возникает естественное заключение, что это замечание было сделано подсудимым с целью показать, что это были те самые пилюли, которые он получил от д-ра Бамфорда, и тем отклонит подозрение от себя».

Но если он не виновен, г-н атторней, то это дает возможность защите сделать другое естественное заключение. Теперь половина одиннадцатого часа вечера. Больному предлагают пилюли; он отказывается принять их; он упрямится, как избалованный ребенок; вчера мне было хуже от них, говорит он. Однако Пальмер настаивал и в конце концов убедил Кука принять лекарство. Сейчас же начинается тошнота, но пилюли не выходят со рвотой. Джонс идет вниз ужинать. При допросе он удостоверит, что «до принятия пилюль Кук был весел и чувствовал себя хорошо; никаких болезненных признаков, ни тем менее признаков близкой смерти не было». Обстоятельство немаловажное, особенно если сопоставить его с тем, что будет дальше, и осветить его с достаточной силой. Лучшая картина теряет свою красоту при плохом освещении; надо поставить зрителя в надлежащее место. Именно это и делает генерал-атторней на каждом шагу. «Джонс лег спать в комнате Кука. Прошло минут пятнадцать, двадцать, и он был разбужен страшным криком Кука; больной поднялся в постели с возгласом: "Пошлите немедленно за доктором; у меня опять начинается то же, что и вчера"». Как не вспомнить тут присяжным поучительных указаний, полученных ими в начале речи? Они знают и не могут не вспомнить мгновенно, что «можно вызвать паралич двигательных нервов и мышц, сохранив деятельность чувствующих нервов», и что «стрихнин поражает нервы, управляющие двигательными мышцами, но не оказывают никакого действия на нервы, служащие деятельности сознания». Им было сказано, что они должны запомнить это. Горничная идет за Пальмером; тот мгновенно показался в окне. Ему говорят, что Куку опять худо. Через две минуты он был у постели больного и безо всякого повода высказал странное замечание: «Я никогда в жизни не одевался так скоро». — «Вам, г-да присяжные заседатели, предстоит решить, пришлось ли ему одеваться в эту минуту или нет». Если нет, присяжные, пожалуй, придут к заключению, что Пальмер ждал наступления катастрофы.

Можно почти сказать, что это именно и подразумевает генерал-атторней.

Теперь следует описание признаков болезни, от которых зависит все существо дела. Они должны быть указаны со всей точностью, ибо столбняк, если только это столбняк, может быть травматический или идиопатический. «Кук был в том же состоянии, с теми же болезненными признаками, как в прошлую ночь; он задыхался, страшно кричал; все тело было в судорогах;

шея окоченела. Он просил Пальмера дать лекарство, которое облегчило его накануне. Пальмер собирается идти за лекарством; одна из женщин говорит, что больному так же худо, как было вчера; Пальмер возразил: "Вчера было в пятьдесят раз хуже". Потом: "Сколько ночей идет эта игра!" Подлинно, игра! Такой игры присяжные еще не видали. Он принес две пилюли и утверждает, что в них была сурьма, хотя генерал-атторней утверждает, что сурьма требует долгого приготовления и с трудом превращается в пилюли».

Самое маленькое указание, заслуживающее, однако, внимания и не лишенное значения; оно растет при сопоставлении с другими данными дела, и так как защита не может опровергнуть его, оно в конце концов становится подавляющим фактом! Он успевает одеться в мгновение ока, он успевает приготовить пилюли в несколько минут, включая в этот промежуток времени уход в свой кабинет и 300

Все мы видали драматическое изображение смерти на сцене в игре великих трагиков. Посмотрим, как умирает человек в устах искусного рассказчика, подготовившего воображение слушателей описанием окружающей обстановки и пояснением фактов: «Тогда наступило нечто ужасное. У него сразу начались сильнейшие судороги; тело постепенно окоченело; потом он стал задыхаться. В страшных мучениях он просил несколько раз, чтобы его подняли в постели. Люди пытались поднять его, но не могли. Его тело закооченело, как кусок железа. Тогда он сказал: «Поверните меня». Его повернули на правый бок. Он не мог дышать, не мог больше говорить. Еще несколько мгновений, он успокоился — жизнь быстро угасала. Джонс наклонился, чтобы прислушаться к биению сердца. Понемногу пульс затих,— все было кончено,— он был мертв!»

Теперь следует главное положение, вытекающее из этой тяжелой картины:

«Я докажу вам, что смерть его могла произойти только от столбняка, вызываемого стрихнином, а не от какой-либо другой формы столбняка».

Я мог бы ограничиться этим; но так как не все читатели знакомы с отчетом судебного заседания, то бесполезно будет указать вкратце последующее содержание речи. Все теперь идет по прямому пути, но все последующие обстоятельства отмечены с величайшей точностью; не опущено ничего, что могло бы бросить свет на предыдущие события. Пальмер поручает женщинам снять тело с постели: они видят, что он ищет в карманах его платья и роется под подушками. На камине лежали письма; они исчезают; исчезают также его приходо-расходные книги, записная книжка об игре. Пальмер посылает за Чеширом и предъявляет ему расписку Кука в том, что по его поручению было учтено векселей на 4 тыс. фунтов стерлингов, причем подсудимый не получил какого-либо комиссионного вознаграждения за учет. «Таково было содержание документа, на котором Пальмер не позадумался предложить Чеширу расписаться в качестве свидетеля сорок восемь часов спустя после смерти Кука». На отказ Чешира исполнить это предложение Пальмер сказал: «Это не важно; едва ли кто станет оспаривать подпись; я думал только, что с вашей подписью оно будет правильнее». Приезжает отчим Кука, г-н Стевенс; Пальмер показывает ему расписку. Тот в крайнем изумлении объясняет, что для оплаты векселей не найдется и 4 тыс. шиллингов. Пальмер очень торопит погребение, заказывает гроб и дроги, прежде чем г-н Стевенс успел подумать о них. Ищут и не находят записной книжки об игре на скачках; Пальмер говорит: «Не стоит искать; раз он умер, все сделки по игре недействительны». Г-н Стевенс настаивает на поисках, Пальмер возражает: «Книжка найдется». Стевенс уезжает в Лондон и, вернувшись обратно, говорит Пальмеру, что потребует вскрытия трупа. Пальмер предлагает указать врача для этой цели. Стевенс отказывается от этого дружеского предложения. Тогда Пальмер просит д-ра Бамфорда выдать удостоверение о причине смерти. «Как? ведь вы сами лечили его»,— восклицает тот. Но Пальмер настаивал, и Бамфорд кончил тем, что написал удостоверение, указав как причину смерти «удар».

Это было обстоятельство, неблагоприятное для обвинителя; генерал-атторней поэтому немедленно разбирает его возможное значение: «Д-ру Бамфорду более восьмидесяти лет, и я надеюсь, что этот непростительный поступок объясняется каким-нибудь болезненным старческим расслаблением. Как бы то ни было, он будет здесь в качестве свидетеля и он скажет вам, что апоплексия никогда не производит столбняка».

Таким образом, этот свидетель явится своим собственным противоядием. Не думаю, чтобы генерал-атторней поступил лучше, выставив свидетелей в опровержение подписанного им удостоверения.

Пальмер посылает за Ньютоном и на этот раз почему-то спрашивает, сколько нужно стрихнину, чтобы отравить собаку, и сколько окажется его в сосудах и кишках после смерти. Вопросы, с которыми защите нелегко будет справиться. Ньютон ответил, что яда во внутренностях не окажется. «Но по этому поводу,— говорит генерал-атторней,— я представлю существенные доказательства». Пальмер заявляет врачу, руководившему вскрытием, что Кук страдал апоплексическими припадками; что «в сердце и в мозгу должны быть следы застарелых заболеваний»; что «бедняга был весь болен», что «у него были всякие болезни». Все эти заявления были решительно опровергнуты вскрытием. Печень, легкие и почки оказались

нормальными. Никаких указаний на причину смерти не было; не было найдено и указаний на яд ни при первом, ни при вторичном вскрытии, произведенном позднее, с извлечением тела из могилы. Пальмер был в восторге и, повернувшись к д-ру Бамфорду, воскликнул: «Нас еще не повесили, доктор!» (Пока еще нет, но ждать уже недолго.) Желудок и кишки были опущены в банку; Пальмер толкнул ее, чтобы пролить содержимое, но это не удалось ему. Банка была закупорена пузырем, завязана и опечатана; к общему удивлению, эта банка неожиданно исчезла, «один из врачей обернулся и, заметив, что банки нет, спросил, куда она девалась. Банка оказалась в стороне, у двери, но не у той, через которую входили и выходили посетители. Пальмер сказал: "Это я поставил ее туда, чтобы вам было удобнее захватить ее с собой" (очень любезно, но и очень подозрительно). Взглянув на банку, присутствовавшие убедились, что в пузыре было сделано два надреза ножом. Но надрезы были чисты, следовательно, с какой бы целью ни было это сделано, несомненно, что из банки ничего удалено не было». Затем Пальмер вступает в пререкание с д-ром Бамфордом, утверждая, что они не должны допустить, чтобы банки были увезены. Это — новая улика. «Если бы он был человеком несведущим в этих делах,— говорит генерал-атторней,— не знакомым с обычным порядком дальнейшего исследования, это могло бы объяснить его поведение; но вам придется спросить себя, не должен ли был Пальмер, как врач, знающий, что содержимое банок будет подвергнуто химическому анализу, положиться на достоинство и честность людей своей собственной профессии. Вы должны решить, не объясняется ли его противодействие врачам сознанием совершенного преступления».

«Но это еще не все,— говорит он.— Банки должны были быть отвезены на железнодорожную станцию мальчиком-почтальоном. Пальмер спрашивает его, берет ли он с собой банки. Мальчик отвечает утвердительно. Пальмер говорит: "Их незачем везти туда; мало ли что могут там в них положить (какое до этого дело мальчику?). Сумеешь ты опрокинуть повозку так, чтобы банки разбились? Я дам тебе 10 фунтов стерлингов и все улажу". Почтальон отказался».

Это — последняя существенная улика; но «есть еще другие, менее важные, которых я должен коснуться, ибо в поведении человека, сознающего, что над ним тяготеет подобное подозрение, все имеет значение». Оратор переходит поэтому к разбору дальнейшего поведения подсудимого.

За вскрытием последовало дознание коронера, и Пальмер под разными предложениями посылает коронеру два или три подарка. Д-р Тайлор, производивший анализ содержимого желудка, пишет г-ну Гарднеру о результатах анализа; Пальмер через посредство начальника почтового отделения узнает о содержании письма и пишет коронеру, что д-ра Тайлор и Рис не обнаружили присутствие яда. «К чему было писать об этом,— спрашивает обвинитель,— если бы не было тревоги у него в душе?» Удачный вопрос. К чему? Никто, по-видимому, не интересовался этим вопросом, кроме одного Пальмера. «Я не хочу преувеличивать значение этих обстоятельств, но вы должны уделить и им долю вашего внимания. Я забыл сказать, что перед скачками в Шрюсбери подсудимый сильно нуждался в деньгах, а после них, можно сказать, сорил ими».

Это был хороший прием для того, чтобы закрепить важное обстоятельство в памяти присяжных. Но они уже могли сообразить это из сделанного заблаговременно указания на то, что он вынужден был занять 30 фунтов стерлингов на поездку в Шрюсбери.

Так изложено дело во вступительной речи обвинителя; эта одна из лучших, если не лучшая речь этого рода; чтобы оценить ее по достоинству, необходимо прочесть ее от начала до конца. За этим следует краткое, логически сжатое гезшпе всего сказанного; быстрый перечень обстоятельств, рисующих безвыходное положение Пальмера и объясняющих, как решился он на подлоги векселей. «Вы скажете, г-да, перед лицом неминуемого разорения имел ли он достаточно сильные побуждения к преступлению». Но было и другое обстоятельство: «претензия к Куку на 4 тыс. фунтов стерлингов, связанная, по его утверждению, с учетом векселей; его желание стать владельцем выигравшей лошади»; и еще: «тот факт, что Кук был замешан в страховании жизни Бэтса, может вызвать подозрение, что ему были известны тайны, связанные с теми крайними способами, к которым прибегал этот человек, чтобы добывать деньги. Предоставляю вам судить, могли ли все эти побуждения привести его к преступлению, ему вменяемому. Все это имеет значение, если считать, что обвинение основано только на вероятностях; но, если вы признаете заслуживающими доверия показания свидетелей о том, что произошло между понедельник и вторник; если вы считаете доказанными припадки, бывшие у больного в понедельник, его агонию в четверг, я докажу, что в оба эти дня подсудимый заставил его принять лекарство из своих рук с такой убедительностью, которая почти переходит в несомненность».

Генерал-атторней останавливается затем на том обстоятельстве, что во внутренних Кука не оказалось стрихнина, и объясняет, что яд не всегда может быть обнаружен, что это зависит от различных условий; он объясняет, что стрихнин должен быть усвоен организмом,

чтобы вызвать смерть; что если он принят в жидком виде, то усваивается быстро; в противном случае последствия наступают медленнее. Затем излагаются результаты опытов для выяснения признаков отравления стрихнином и указывается, что при смертельном исходе яд должен быть найден у одного животного и не найден у другого.

«Говорилось и повторялось много раз, что ученые, изучавшие это дело, пришли к заключению, что присутствие стрихнина не может быть обнаружено ни одним из средств, известных науке. Это глубокое недоразумение. Они никогда не говорили этого. Они утверждают следующее: нахождение яда в трупе может быть очень сомнительно в тех случаях, когда прием яда никаких сомнений не допускает. Было бы поистине роковым заблуждением подтвердить существующее мнение, будто стрихнин, данный человеку, чтобы отравить его, не оставляет никаких следов в трупе умершего. Слишком печально уже то, что его так трудно найти. К счастью, Провидение, давшее в руки человеку эту роковую силу, отметило действие ее характерными признаками, которые наука умеет различать среди всяких иных явлений в природе. Вам предстоит решить, не приводят ли показания тех свидетелей, которые будут допрошены перед вами о признаках болезни покойного, к заключению, что смерть его последовала от яда, данного ему подсудимым. Одно обстоятельство бросает яркий свет на эту сторону дела. За несколько дней до смерти покойный постоянно страдал рвотой. Анализ его внутренностей не мог установить присутствия в них стрихнина, но установил присутствие сурьмы. Врачи не давали сурьмы больному. Сурьма, если только она не принята в значительном количестве, не оказывает действия на организм и быстро растворяется. Это возбуждающее средство, вызывающее те самые признаки, которые установлены в настоящем случае. Покойный был болен в течение недели, и во внутренностях его была обнаружена сурьма. С какой целью давалась ему сурьма? Возможно, что первоначально хотели отравить его сурьмой; возможно, что это делалось

для того, чтобы вызвать признаки мнимой болезни и тем объяснить его смерть. Здесь истина скрыта от нас. Но вопрос заключается в том, можете ли вы сомневаться, что ему был дан стрихнин в понедельник, и особенно во вторник, когда последовала смерть? И если те доказательства, которые будут вам представлены по этому поводу, окажутся для вас убедительными, вам придется решить, не было ли это сделано рукой подсудимого. Я представлю вам доказательства каждого из указанных мной положений; это займет, вероятно, немало времени; но это расследование необходимо для дела, и я уверен, что вы отнесетесь к нему с самым терпеливым вниманием. Я знаю, что защитником подсудимого является один из самых способных и красноречивых людей, когда либо украшавших собой нашу адвокатуру, и все, что можно сделать для него, будет сделано. Если в конце концов все приведенные доказательства не создадут у вас уверенности в его виновности,— не дай Бог, чтобы пострадал невинный. С другой стороны, если факты приведут вас к заключению, что он виновен, все высшие интересы общества требуют его осуждения».

ГЛАВА XIV

Примеры возражений, заключений и т. п.

Примерами перекрестного допроса и передопроса могут служить следующие отрывки из того же процесса. Джон Томас Гарланд, врач из Страффорда, высказался в том смысле, что внутренние органы Кука были здоровы и находились в нормальном состоянии и что в позвоночнике не было никаких указаний на причину смерти.

При перекрестном допросе он сказал: «У основания языка я нашел несколько увеличенных слизистых мешочков. Это были не гнойные образования, а застарелые увеличенные слизистые мешки. Их было довольно много, но я не думаю, чтобы они беспокоили больного. Они могли причинять боль, но лишь в незначительной степени. Не думаю, чтобы это были увеличенные железы. Я не скажу, что легкие больного были в болезненном состоянии, но они не были и нормальны. Легкие были переполнены кровью, а сердце было пусто... Если бы мы нашли размягчение позвоночника, не думаю, чтобы это могло объяснить смерть г-на Кука. Размягчение позвоночника не могло бы вызвать столбняк. Оно могло бы вызвать паралич. Как врач, исследующий причину смерти, я не думаю, чтобы было нужно тщательное исследование позвоночника. Не знаю, по чьему предложению произведено было исследование позвоночника спустя два месяца после смерти, При исследовании позвоночника мы нашли некоторые признаки разложения, но я не думаю, что это могло помешать нашему исследованию. Я осмотрел труп, чтобы убедиться, не было ли указаний на венерическую болезнь. Я нашел некоторые указания этого рода- и следы старых зарубцованных язв».

В объяснениях этого эксперта, таким образом, не было указаний на повреждения, могущие вызвать столбняк.

При передопросе его генерал-атторнеем он показал: «Указаний на раны или ссадины,

которые могли бы вызвать столбняк, не было. В легких не было изменений, которые могли объяснить наступление смерти. Сердце было здорово, и я объясняю его пустоту действием спазмов. Коль скоро сердце оказалось пустым, конечно, должна была наступить смерть. Конвульсивные сокращения мышц, удостоверенные показанием г-на Джонса, должны были, по моему мнению, вызвать пустоту сердца. В мозгу не было никаких болезненных изменений, а если бы и были, я никогда не слышал и не читал, чтобы болезнь мозга могла вызвать столбняк. Описанные признаки болезни Кука не могут также быть объяснены и каким-либо растяжением позвоночника. Такого явления вообще не существует, и я не знаю такой болезни спинного мозга, которая могла бы вызвать столбняк».

В числе свидетелей был лаборант Лондонского университета, производивший первое вскрытие. Его допрашивал г-н Гров. Он установил следующее: «Тетанические судороги происходят от расстройства спинного мозга. Эти расстройства не всегда поддаются наблюдению. При исследовании внутренностей человека, если существует предположение о смерти от tetanus'a, необходимо прежде всего исследовать позвоночник. При первом вскрытии было исследовано около полувершка позвоночника ниже отверстия черепа».

Барон Альдерсон остановил допрос замечанием: «Мне казалось бы благоразумнее воздержаться от допроса студента, когда здесь собраны лучшие врачи столицы».

Так, по-видимому, и смотрели на дело обвинители. Этого свидетели не подвергали ни перекрестному допросу, ни передопросу. Я упоминаю об этом в виде указания на ценность собираемых доказательств. Добросовестность этого свидетеля не возбуждала никаких сомнений; но недостаток опыта делал его объяснения ничтожными по сравнению с предстоявшими отзывами величайших медицинских авторитетов. По всем вероятностям, этот свидетель вовсе не был бы вызван, если бы не присутствовал при первом вскрытии. Его отсутствие могло бы быть истолковано защитой в неблагоприятном смысле для обвинения. Нередко приходится вызывать свидетеля при полном сознании, что как его показания о фактах, так и оценка фактов в его словах никакими уликами служить не могут.

Чтобы судить о том, о чем надо спрашивать свидетеля и что следует предоставить присяжным, можно указать на следующий пример.

При перекрестном допросе сэра Вениамина Броди защитник, sergeant Ши, спросил его: «Если принять во внимание, что случаи смерти от столбняка крайне редки, то признаете ли вы, что описание, сделанное простой горничной и провинциальным врачом, наблюдавшим только один случай этой болезни, могут быть достаточным основанием для вашего заключения?»

Сэр Броди: «Я должен сказать, что описание, сделанное свидетелями, представляется мне изложенным вполне ясно».

Г-н Ши: «Если бы их показания разошлись между собой, которое из двух было бы принято вами?»

Барон Альдерсон: «Такой вопрос едва ли может быть предложен эксперту; вы можете говорить об этом как защитник, независимо от мнения врача».

Я уже перешел за границы, которые наметил себе для этой книги; поэтому ограничиваюсь лишь одним примером возражения на защиту, это отрывок, взятый из того же процесса, а именно — разбор заключения д-ра Ненелли. Он указывает, что можно сделать перекрестным допросом, и вместе с тем составляет образец изящности, краткости и силы:

«Говорят, что Кук был человек слабого сложения, впечатлительный, что у него было что-то в груди; что, кроме того, у него была и какая-то болезнь горла; и, сопоставляя все это вместе, заявляют, что, если он простудился, у него мог быть идиопатический столбняк. Здесь нас бросают в целое море догадок и предположений. Д-р Ненелли, явившийся сюда, чтобы внушить вам, что было нечто вроде идиопатического столбняка, перечисляет вам вереницу предполагаемых болезней Кука, рассуждает о его нервной раздражительности, о слабой груди, о болезни горла и говорит, что все это предрасполагало бы покойного к идиопатическому столбняку, если бы он простудился. Но где же указания на простуду? Их в деле нет. Нет ни малейшего намека на то, что он жаловался на простуду или что его лечили от простуды. Я не могу не сказать, что это факт, недостойный ученого и почтенного сословия, когда перед судом являются люди с такими предположениями и догадками, с ложным толкованием фактов, с необоснованными софистическими выводами из них,— когда все это делается для того, чтобы ввести в заблуждение присяжных заседателей. Я глубоко чтю науку, никто не уважает ее больше, чем я. Но я не могу не высказать своего негодования и возмущения, когда вижу, что ее искажают, ею торгуют в ущерб истине на суде».

Речь Цицерона за Росция, обвинявшегося в отцеубийстве, и некоторые из защитительных речей Эрскина могут служить авторитетным подтверждением того, что было сказано мной о ведении уголовной защиты.

Я уже привел образец краткого и сильного закл. Укажу еще одно: заключение Эрскина по делу епископа Баторского; оно может быть поучительно и в более широком смысле:

«Я считая бы для себя унижительным бороться с призраками, придавать значение тому, что представляется мне совершенно ничтожным; если бы я бросил хотя одно слово на одну чашу весов, когда вижу, что другая пуста, я тем самым признал бы, что обвинением установлено что-либо, требующее возражения. Не знаю, согласятся ли с этим те, кто вверил мне это дело; об этом не нам судить; но не придется и спорить, если, в чем я не сомневаюсь, здравый смысл и совесть ваша теперь же положат справедливый конец возбужденному против подсудимого обвинению».

Глава XI

Еще один необыкновенный случай перекрестного допроса

Следующий случай неудачного перекрестного допроса пояснит многие из сделанных выше замечаний по этому предмету.

К арендатору дома был предъявлен иск об убытках за оставление здания без ремонта; убытки были указаны в сумме около 300 фунтов стерлингов. Свидетели истца дали вполне удовлетворительные показания; они установили, что стены расхотелись и протекали, подтвердили еще несколько таких же неисправностей. Всякий молодой адвокат мог бы выиграть дело, если только сумел бы воздержаться от соблазна блеснуть своим искусством в перекрестном допросе. Но, как это ни странно, немногие умеют устоять от этого опаснейшего искушения. Свидетели, выставленные ответчиком, не повредили бы истцу, если бы его поверенный захотел ограничиться несколькими несущественными вопросами. Присяжным пришлось бы принять в соображение показания свидетелей с обеих сторон, и они признали бы иск доказанным в среднем размере между чрезмерно низкой оценкой ответчика и чрезмерно высокими требованиями истца.

Однако смелый поверенный последнего решился показать, если можно так выразиться, необыкновенный акробатический фокус при перекрестном допросе и, рассчитывая сделать двойное *salto mortale*, опустил на арену головой вниз. В суде это бывает.

Один из свидетелей ответчика показал, что текущий ремонт дома производился удовлетворительно.

Перекрестный допрос

В. Так что дом был в блестящем состоянии? (Прошу читателя оценить остроумие этого вопроса после сдержанного заявления свидетеля.)

О. Я не говорил, что дом в блестящем состоянии. Я сказал, что ремонт производился удовлетворительно.

В. Значит, все, что здесь говорили свидетели со стороны истца, это чистое воображение?

(Это было похоже на прыжок в область метафизики; несомненно, что этим открывалось широкое поле для самых разнообразных исследований.)

О. Насчет чистого воображения мне известно; а что все дело дутое, это я знаю. (Смех.)

Читатель заметит, что свидетель, как искусный диалектик (несравненно более искусный, чем его противник), восстановил границы спора, устранив неверный термин в возражении.

Он не желает пускаться в ненадежные отвлеченности. Рассуждение о духовных способностях человека, о силе фантазии, все это — не его ума дело. Так что дальновидный искусник, при всей своей жажде знания, не узнает ровно ничего, кроме того, что ведет дутое дело. Смысл ответа свидетеля можно выразить так: «Я не знаю, что такое чистое воображение или что такое поэтическая способность и т. п.; но, если вы на самом деле хотите узнать мое мнение о представленных вами доказательствах, то, хотя ваш вопрос и выражен двусмысленно, я могу ответить».

Смех присутствующих был вызван несоответствием между искусственно отвлеченным вопросом и простым здравым смыслом ответа.

Тогда поверенный истца, желая показать, что он нимало не встревожен и не огорчен провалом своего дела, заявляет: «Это нас не смущает. (Смех.) Мы от этого не проиграем; я только думаю, что для ответчика было бы лучше, если бы вы совсем не являлись сюда и не вызвали общего смеха своими нелепыми замечаниями». (Смех; все так рады узнать, что провал дела не огорчил молодого человека.)

Вы, конечно, заметили и трогательную заботливость этого истца к интересам его противника; больше чем заботливость — это была щедрость. Он, впрочем, ошибся в своих соображениях, ибо лучше того, что сделал для ответчика свидетель, не мог бы сделать никто. Присяжные поверили его показанию. Хотя истец и не видал нанесенного ему удара, на самом деле получил значительные внутренние повреждения, и с этой минуты его дело уже было безнадежно.

Присяжные признали убытки доказанными лишь в той ничтожной сумме, в которой признал их сам ответчик.

Одно слово свидетеля провалило дело.

Мыльные пузыри

Диккенс пишет в своих «Американских заметках»: «Почтенный адвокат, как многие его английские собратья, говорил безо всякой передышки и выказывал поразительную способность повторять без конца одну и ту же мысль. Главная сила его речи заключалась в словах: "Варнер, исполнявший обязанности машиниста"; этот Варнер являлся на выручку в каждой новой фразе оратора. Я послушал около четверти часа и, выйдя затем из зала заседания без малейшего представления о возможном решении дела, почувствовал себя, как дома».

Мне кажется, будет поучительно и небезынтересно привести здесь содержание речи, которая часто произносится в нашем гражданском суде и при незначительных изменениях пригодна для всякого рядового дела, гражданского или уголовного. Можно даже сказать, что ее главное достоинство заключается именно в этой приспособляемости; если бы вам удалось вдохнуть в нее некоторую долю пафоса, она вполне пригодится, например, для иска о неисполнении обещания жениться; конечно, придется старательно обходить все указания на «скорость движения повозки», ибо это обстоятельство могло бы нарушить чувствительный тон, приличествующий делу такого рода. Возможно, что на бумаге эта речь будет несколько походить на нелепицу, но в устном изложении она всегда бывает очень внушительна, и, если читателю удастся убедить приятеля прочесть ее вслух точь-в-точь так, как она здесь написана, он, по всем вероятностям, признает, что это не преувеличение. Ручаюсь за точность правописания, если только чтец будет внимательно следить за ним.

Речь

(этот отрывок изложен автором посредством своеобразного звукового правописания, передающего нелепые сочетания, свойственные грубой скороговорке. Он пишет: «Милорд. Гзда псяждатели. Мой почтен противник выстнесссвидетелей в доказатеесствоштыстец...» и т. д.)

Милорд. Г-да присяжные заседатели. Мой почтенный противник выставил нескольких свидетелей в доказательство того что истец проезжал по улице Флит в половине десятого часа утра и что (я должен теперь же сказать вам г-да присяжные заседатели что я вовсе не хочу сказать чтобы это было явной нелепостью со стороны моего почтенного противника тем более что он несомненно обязан был подчиниться данным ему указаниям) отнюдь нет но наоборот я повторю что я вовсе не хочу сказать что свидетели выставленные моим почтенным противником (хотя я может быть и не решился бы сказать что преклоняюсь перед этими свидетелями с восхищением) при шли сюда для сознательного и хладнокровного и гнусного лжесвидетельства под присягой но те кто давал такие указания моему почтенному противнику г-да присяжные заседатели (и я без малейшего колебания готов сказать и скажу без страха ответственности за сказанное каковы бы ни были или не могли быть последствия г-да присяжные заседатели что это была явная нелепость) конечно г-да присяжные заседатели всякий может сказать что повозка истца ехала со скоростью пяти миль в час и г-да присяжные заседатели как граждане города Лондона как люди жизни и люди здравого смысла (я впрочем представляю вам свидетелей в удостоверение того) и если только все эти свидетели не явились сюда для самой гнусной лжи. под присягой (но я ни на одну минуту не допускаю мысли чтобы двенадцать граждан города Лондона как люди жизни) я сказал что я представлю вам этих свидетелей (один из них как мне известно со слов моего стряпчего это г-н Скинфлинт член весьма почтенной фирмы Скинфлинт и Блидем (Sk'nflnt and Bleedem, т.е. skin, flint, and bleed them: скребите, пустите кровь, сдерите шкуру) занимает видное положение в городе Лондоне (ибо он состоит церковным старостой в своем приходе) человек пришедший насколько мне известно в Лондон с несколькими шиллингами в кармане и эти свидетели удостоят вас (если только имеющиеся у меня сведения соответствуют истине) (вы впрочем сами оцените степень их достоверности когда выслушаете их показания перед судом) но по имеющимся у меня сведениям вместо пяти миль в час повозка истца (вы помните как он стоял перед вами за этой решеткой) (сильное ударение на слове: этой) (и я смею думать — это появление вызвало не слишком высокое представление о нем в ваших глазах г-да присяжные заседатели) я докажу вам что вместо пяти миль в час он ехал по крайней мере четырнадцать миль в час и бил своих лошадей кнутовищем и мало того — пять миль в час г-да присяжные заседатели ведь это нелепость это явная нелепость это смешно это оскорбительно говорить двенадцати гражданам города Лондона что повозка ехала пять миль в час когда г-н Томкинс — очень почтенный человек — (вы увидите его в качестве свидетеля и сами оцените его показание) и сами скажете явился ли он сюда для сознательного и хладнокровного и гнусного лжесвидетельства под присягой или нет у него нет ни малейшего интереса в этом деле ровно столько сколько у любого из вас г-да присяжные заседатели и я утверждаю что мой почтенный противник при всем своем умении (и я отнюдь не отрицаю что мой почтенный противник обладает известным умением в делах этого рода может быть даже больше чем всякий другой) но вы г-да присяжные заседатели ведь будете решать дело не по таланту моего почтенного противника а по тем доказательствам которые будут вам представлены в качестве беспристрастных граждан города Лондона и (если только вам будут представлены те доказательства которые по имеющимся у меня сведениям несомненно будут вам представлены) я

не сомневаюсь что ваш ответ будет в пользу ответчика если только вы не придете к заключению (на лице оратора появляется самая язвительная, неотразимая усмешка) (и я уверен что вы очень и очень призадумаетесь прежде чем прийти к такому заключению) я могу сказать (и если только мой клиент не давал здесь самого возмутительного ложного показания которое когда-либо было дано свидетелем перед судом) те факты которые будут установлены перед вами показаниями достовернейших свидетелей (по имеющимся у меня сведениям) выяснят без малейшего какого-либо рода сомнений что было бы явно нелепо утверждать как утверждал здесь за этой решеткой (сильное ударение на слово этой) истец что повозка ехала пять миль в час ваше знание людей г-да присяжные заседатели скажет вам что значит обыкновенная скорость (мой почтенный противник утверждает что обыкновенная скорость тут ни при чем) — нет г-да присяжные заседатели (новая язвительная усмешка) (мой почтенный противник совершенно верно указывает что эта не была обыкновенная скорость) это была очень необыкновенная скорость я в этом отношении вполне согласен с моим почтенным противником (я разумеется не могу поставить этого в вину моему почтенному противнику ибо он конечно действовал согласно указаниям его клиента так же как и я и так же как мы все) но когда мой почтенный противник говорит о пяти милях в час—это явная нелепость это смешно и я скажу вам почему у всякого из вас г-да присяжные заседатели есть какой-нибудь свой экипаж может быть это простая тележка как думает мой почтенный противник (хотя я не думаю чтобы это была особенно остроумная догадка ибо я считаю что тот кто ездит в простой тележке имеет такое же право на уважение как и те кто ездит в самых роскошных каретах а может быть и больше! (Аплодисменты в публике.) Несомненно больше! (удар кулаком по пюпитру) я не боюсь этого шума он не может оказать влияния на ваше решение я не сомневаюсь что он скоро убедится что телега не хуже кареты годится для моего умозаключения и будь то карета или тележка или всякая иная повозка г-да присяжные заседатели вы как люди опыта сами знаете что значит пять миль в час да пять миль в час г-да присяжные заседатели (я считаю прямо насмешкой над вашим здравым смыслом пояснять здесь что это значит) — это значит все что угодно (еще страшный удар по пюпитру — волнение в публике) — это значит что все это дело вздуто от начала до конца это иск подстроенный стряпчим для того чтобы набить себе карман и неужели вы думаете что если бы иск был признан доказанным если только вы можете вынести столь нелепое бессмысленное идиотское решение — (но я слишком высоко уважаю вас чтобы допустить возможность чего-либо подобного) — что истец получит хотя одну полушку? (сдержанное волнение в зале) я не хочу сказать ничего оскорбительного — напротив того я скорее хотел прийти к миролюбивому соглашению но я спрашиваю вас (я полагаю если бы мой почтенный противник или лучше сказать если бы его свидетели увидели экстренный поезд летящий на всех парах если только это соответствовало бы их интересам (здесь усмешка) они нашли бы что он идет пять миль в час (смех в публике) что впрочем было бы вероятно г-да присяжные заседатели (тонкая улыбка) если зачеркнуть ноль (смех) но из таких нолей г-да присяжные заседатели складывается жизнь и вы как торговые люди не можете добросовестно вычеркнуть их как не можете безнаказанно вычеркнуть ничего другого (одобрение в публике) но я не стану более утруждать ваше внимание я смею думать что задержал вас лишь настолько насколько это было необходимо для того чтобы точно и ясно изложить перед вами факты дела и предложить вам те выводы которые естественно и логически вытекают из них и если только вы не признаете что мой клиент явился сюда для самого наглого лжесвидетельства под присягой и я уверен что этого как граждане города Лондона вы не признаете никогда иск моего противника остается ничем решительно ничем решительно ничем на свете не доказанным (судебный пристав тщетно старается остановить аплодисменты присутствующих).

Эта речь, произнесенная с большой стремительностью, всегда производит сильное впечатление, чему немало способствуют вставные предложения оратора. Она имеет, однако, и свою обратную сторону, ибо в большинстве случаев приводит присяжных к тому самому решению, явную нелепость которого с таким красноречием доказывал оратор. На бумаге она действительно не кажется образцом красноречия, но мне не раз приходилось слышать убежденную похвалу такому упражнению: «Вот это речь так речь! Как им фамилия будет, сэръ?»

ГЛАВА XVI

Несколько слов об учреждении должности государственного обвинителя

(в настоящее время эти должности уже существуют)

Мне хотелось бы высказать здесь одно соображение по вопросу, тесно связанному с деятельностью адвокатуры, а именно: по поводу давних споров о целесообразности учреждения должности государственного обвинителя. Мне всегда казалось, что недостаток существующей системы заключается в обстоятельстве, ускользающем от общего внимания. Доводы в пользу изменения действующего порядка уголовного преследования исходят в большинстве случаев из предположения, что виновные часто ускользают от наказания за отсутствием преследования со

стороны частных обвинителей; получив деньги, последние отказываются от обвинения. Но при этом, по-видимому, совершенно упускают из виду, что угрозы уголовным преследованием часто являются средством для вымогательства денег у ни в чем не повинных людей; что всякий бесчестный человек имеет власть пустить в ход силу уголовного закона единственно ради этой цели; и что действующий порядок является обильным источником ложных доносов и вымогательства.

Было бы интересно узнать, сколько жалоб уголовного характера возбуждается в течение года и как велико число

тех, которые получают дальнейшее движение. У одного человека есть грошовое взыскание и большое озлобление против другого. Он идет к остроумному стряпчому, исправляющему, так сказать, обязанности машиниста по уголовному судопроизводству, и тот одним движением пальца пускает в ход всю систему.

Простое торговое обязательство покрывается уголовной оболочкой, хотя бы самого прозрачного свойства, и честный и уважаемый человек, с его женой, детьми и всем достоянием, оказывается во власти какого-нибудь бессовестного негодяя, которому нечего терять. Ясно, что чем меньше вины за обвиняемым, чем значительнее его общественное положение, тем больше оснований рассчитывать на его готовность подчиниться вымогательствам «обвинителя». Привожу один из многих случаев, известных мне по собственной практике. Человек, пользовавшийся большим уважением в обществе, был держателем денежного обязательства другого лица. Он предъявил документ в суд; решение состоялось в его пользу. Немедленно за этим, но до обращения решения к исполнению, ответчик возбудил против истца обвинение в лжесвидетельстве под присягой. Представьте себе, если можете, душевное состояние человека, все существование которого как коммерсанта зависит от его честности и доброго имени! Он приходил в ужас при одной мысли о необходимости явиться в полицейский суд, чтобы там доказывать свою невинность. Он готов был заплатить все, что угодно, лишь бы избавить себя от такой пытки, и кончил тем, что согласился заплатить тысячу фунтов стерлингов (таковы были скромные условия миролюбивого соглашения, предложенные стряпчим «противной стороны» за прекращение дела. Из этой суммы 300 фунтов стерлингов должны были поступить в руки упомянутого выше машиниста за управление ходом машины. К счастью, однако, для обвиняемого, прежде заключения мирового соглашения ему пришлось обратиться за некоторыми указаниями к стряпчим, ведшим первоначальное дело. Это были честные люди; они с негодованием восстали против наглого вымогательства и настояли на том, чтобы обвиняемый смело выступил против обвинения. Он явился в суд, и, как и следовало ожидать, дело было немедленно прекращено.

Если бы это был единичный случай, он, конечно, не мог бы служить показанием против общего установленного порядка; к несчастью, порядок этот, благодаря страхам и слабостям людским, поощряет подкупы, вымогательства и обманы.

Когда вопрос о действии общественного правосудия обсуждается теми, кто по долгу своему обязан заботиться о том, чтобы закон был исполнен до конца, мне кажется, что охрана честных людей от тех, «кто смеет чинить законом зло», заслуживает не меньшего внимания, чем забота о наказаниях тех, кто закон нарушает.

ГЛАВА XVII

О сохранении обряда предания суду присяжными заседателями

Отмена обряда предания суду через присяжных была бы шагом назад в деле политической свободы. Они составляют единственное независимое судебное учреждение в Англии; одни они могли бы сохранить независимое положение между правительством и частными лицами в эпохи больших политических или, если хотите, революционных волнений. Благоприятное влияние их сказывается на каждой столичной или выездной сессии. Не один честный человек избежал позора и страданий публичного суда благодаря своевременному прекращению дела в стадии предания суду присяжными.

Но законодателю надлежало бы принять меры против злоупотребления властью этого учреждения в целях вымогательства или личной мести. Одно недавнее дело ярко выдвинуло вперед этот вопрос перед общественным мнением. Сотни людей скромного положения могли быть неправильно преданы суду, и никто никогда не подозревал бы о совершенной несправедливости. Но когда ошибки существующей системы затрагивают свободу человека, имеющего возможность пользоваться ею в более широких размерах, они привлекают к себе внимание общества.

Возьмите проступки, перечисленные в «акте о недобросовестном обвинении», этом законе, как бы нарочито созданном против спокойствия честных людей. После того как дело было рассмотрено компетентным судом при участии обеих сторон и прекращено в законном порядке, обвинитель переносит его в камеру предания суду; там, в отсутствие обвиняемого, представляет свои односторонние объяснения и добивается определения о предании его суду со

всеми последующими терзаниями его жертвы. Это не что иное, как злостная травля; это — невозможная несправедливость. Мы любим спорт, но любим, чтобы игра велась добросовестно; мы не стреляем по сидящему зайцу.

Чтобы положить предел этим злоупотреблениям, стоит только установить, что всякое лицо, коему угрожает предание суду, может, если пожелает, требовать, чтобы предварительно были выслушаны его объяснения против обвинения; по крайней мере, чтобы частным лицам не было предоставлено право вносить дело в камеру предания суду за спиной их жертвы иначе как с разрешения полицейского судьи или какой-либо иной власти, подобной надзору государственного обвинителя. Особенно важно преградить эту возможность после того, как обе стороны дела уже подвергнуты оценке судебного места. Могут сказать, что после такого рассмотрения дела и обряд предания суду присяжными особого состава является лишним. Я не разделяю этого взгляда. Возможно, что при первоначальном разбирательстве были лжесвидетели, которые не решатся повторить свои ложные показания перед присяжными особого состава; возможно, что среди лиц, входящих в их состав, найдутся люди, которые сумеют опровергнуть непрочные предположения обвинителя, имея к тому средства, которых не было у полицейского судьи; возможно даже, что двадцать три человека окажутся разумнее одного или двух; они могут признать, что в деле нет оснований подвергать обвиняемого позорищу судебного следствия; и, мне кажется, мы можем положиться на правильность их суждения, так же как и на их добросовестность в этом отношении.

Как бы то ни было, мне представляется благоразумным исправить, а не уничтожать одну из главных гарантий нашей гражданской свободы.

Подумайте об этом, г-н стряпчий, кто бы вы ни были: виг, тори, консерватор или либерал, какой бы политической окраски ни были ваши перья; вот дело для честного человека. Во имя человеколюбия и правосудия, во имя здравого смысла уничтожьте и эту гарантию, если не можете уничтожить злоупотребление ею. Если бы люди знали закон так, как закон того требует, произвол, связанный с действующим порядком предания суду, скоро привел бы к террору над всеми честными и мирными людьми. Он может быть превращен в своего рода инквизицию, поощряющую злобу к доносам против честности и к терзанию неповинных людей на суде. Вот работа, г-н стряпчий, если не для политического деятеля, то для человека. При правильной постановке дела этот порядок мог бы быть охраной свободы. В том виде, как он у нас существует, нельзя придумать ничего более пригодного для ударов против нее в руках тех, кому это выгодно.

Сумеете ли вы найти столь же широкие способы улучшить недостатки нашего гражданского процесса, как те, которые существуют для удобства преступников?

Как бы желательно было ввести какое-нибудь ускоренное производство для гражданских тяжб! Как далеко до этого теперь! Гражданские дела должны лежать без движения, для того чтобы какой-нибудь тунядец, объявивший войну закону и правам, мог быть судим со всеми изобретенными для него удобствами!

Таковы наши шаги на пути к судебным реформам!

Можно было бы одним коротким законом разметать все гражданские дела, разбираемые в Лондоне, по всему государству, но это было бы нежелательной для общества переменой. Первое требование правосудия заключается в доверии общества к суду; и лучшая гарантия правильного отправления правосудия состоит в том, чтобы суд творили лучшие люди по уму и по знаниям; если вы можете обеспечить участие таких людей в местных судах, — тем лучше; мы не можем требовать необыкновенных судей, а если бы и требовали, то не могли бы их найти. Но есть нечто, чего не могли бы дать и самые лучшие местные судьи, заседающие на значительном расстоянии друг от друга и не собирающиеся в коллегиальные заседания для обсуждения и пересмотра своих решений, — это единообразие. Ливерпуль и Бирмингем будут иметь одни и те же статуты, но разные законы.

ГЛАВА XVIII

Тактика

Указания, изложенные по различным вопросам в предыдущих главах этой книги, составляют отдельные части той великой системы, которая называется адвокатским искусством. В настоящей главе я намерен дать несколько кратких указаний о применении этой системы в целом ее объеме, ибо в этом именно, конечно, и заключается сила нашего искусства; сила, не поддающаяся измерению как в самой себе, так и по своим последствиям. Она может решать государственный спор или спор о дамской собачонке, судьбу целой династии или благополучие недобросовестного сборщика податей.

В каком виде представить дело суду — вот вопрос, от которого может и, вероятно, будет зависеть его исход. Изучая знаменитые процессы и в особенности речи лучших адвокатов, мы убедимся, что удачный исход дела во многом зависит от того, в каком виде оно было

представлено судьям. Это особенно заметно в защитах Эрскина; его речи получают особую силу благодаря искусному распределению материала и порядку изложения.

Недостаточно уметь «вымотать» свидетеля или сказать интересную речь. Вы можете все-таки оказаться только звонкой погремушкой; и, когда перестанете звонить, перед присяжными ничего, кроме погремушки, не останется.

Возможно, что при всех способностях и всем умении вашем вы не могли извлечь нужных данных из показаний ваших свидетелей. Никакое воображение не в силах создать фактов. Вы можете убедиться к концу следствия, что дело стоит невыгодно для вас. Что же из этого? Надо ли отчаиваться? Никоим образом, если только вы усвоили некоторое умение в искусстве, которому служите. Хороший адвокат при плохих шансах часто оказывается сильнее плохого адвоката с хорошими шансами. Искусство заключается в умении приспособлять свой материал к поставленной себе задаче. Если вы сумеете сделать это так, чтобы в общем ваши данные казались верными, вы должны выиграть. Можно расположить факты так, что они будут казаться значительнее, чем они есть на самом деле, ибо все вещи вообще кажутся большими или малыми по сравнению. Неблагоприятные факты могут принять незначительный вид в силу контраста или, будучи отодвинуты в тень, могут стать совсем незаметными. Возможно, что вы усвоили известную прямоту в обращении к присяжным; что вы не позволяете себе таких доводов, которые могли бы им показаться «недоброкачественными», ваша привычка говорить без обиняков, «напрямик» подчиняет их; вы избегаете всего, что могло бы придать вашим словам вид остроумной игры с фактами, зная, что такое остроумие ценится на суде так же, как чудеса фокусника,— т. е. признается ловким обманом; вы не стараетесь затуманить дело непонятными выражениями, а предоставляете фактам говорить за себя; одним словом, вы говорите простыми словами перед простыми людьми, зная, что задача честной речи в том, чтобы быть понятной слушателями, и что чем легче им вас понимать, тем честнее вы им кажетесь.

Ни закон, ни природа человека не суть точные науки. Считая свидетелей по пальцам, можно сказать, что дважды один будет два, но в судебной арифметике дважды один может быть нуль; мало того, может оказаться единицей против вас.

И присяжные заседатели, взятые в целом, также представляют из себя величину, не поддающуюся точному и безошибочному исчислению. Возможно, что право на вашей стороне, но это еще не есть безусловное основание к тому, чтобы они признали его за вами. Факты могут быть заложены так глубоко, что верхние пласты совсем скрывают их присутствие от рядового наблюдателя. Ваша задача будет в том, чтобы цепью рассуждений и естественных выводов добраться до них через длинные судебные следствия.

Если бы присяжные представляли из себя машину, можно было вложить в нее факты с одного конца и вынуть их из другого в виде готового ответа; все было бы совершенно просто. К сожалению, решения присяжных не создаются этим путем. Прежде всего, надо представить ваши доказательства в правдоподобном виде, затем убедить присяжных, что факты представлены верно или что они могут принять их за верные. Это далеко не так просто, как кажется с первого взгляда. Здесь уже чувствуется первая трудность, если не почувствовалась уже немного ранее. Судья иногда делает попытку согласить стороны еще до судебного следствия. Он может предложить вам не возражать против удаления одного из присяжных или указать иной компромисс, не удовлетворяющий ни вас, ни вашего противника. В таких случаях надо руководиться собственным здравым умом. Вы знаете дело много лучше, чем судья, успевший только пробежать его. Никогда не поступайте принципом или интересами вашего доверителя хоть на полущку ради того, чтобы заслужить благоволение председателя, и, главное, помните, что, раз дошло до суда, лучший путь к миру — это бой.

Мне пришлось слышать слова одного необыкновенно проницательного и дальновидного судьи, обращенные к старшему адвокату: «М-р Джонс. По вашей вступительной речи я думал, что истец был вор; теперь вижу, что ответчик дурак; ему придется заплатить; стоит ли затягивать дело дальше?»

Иск был об убытках за противозаконное лишение свободы! Нужно ли говорить, что как первая, так и вторая догадка почтенного председателя оказались неверными. Если у вас нет шансов выиграть дело, вы, конечно, с готовностью пойдете на мировое соглашение; если шансы за вас, вы с безупречной любезностью отклоните всякие предложения.

Следует всегда помнить, что одна из самых трудных сторон адвокатского искусства состоит в умении распознавать побуждения человеческих поступков, а между тем эти побуждения в значительной степени являются руководителями адвоката. Если вам не удастся открыть их, вы будете работать в темноте, и если выиграете дело, то только благодаря какой-нибудь случайности.

Если бы мы могли заглянуть в душу каждого из двенадцати присяжных заседателей, мы, вероятно, нашли бы не менее двенадцати различных оснований их ответа. Этот заранее готов был верить одному свидетелю, тот — другому; третий не верил ответчику, потому что у него был

«сомнительный вид»; четвертого подкупило обращение истца; пятый слышал что-то не к чести одной из сторон,— и так далее, вплоть до двенадцатого, который подал голос «уже заодно со всеми», просто потому, что он очень приятный и любезный человек.

Многое может зависеть от утреннего завтрака или от пищеварения присяжного. У многих присяжных, наперекор всем данным дела, существует представление, что истец всегда должен получить что-нибудь с ответчика. Иные думают, что он должен быть прав, ибо иначе не стал бы возбуждать дело, так же, как подсудимый должен быть виновен, ибо иначе не стоял бы за решеткой.

В большинстве судебных процессов, если не во всех, существует какое-нибудь основное обстоятельство, от которого зависит решение дела.

Это основное обстоятельство надо найти прежде всего и отвести ему надлежащее место. Все доказательства и все факты должны быть подчинены ему. Иногда случается, что место главного обстоятельства занимает другое мнимое существенное обстоятельство. Нечего говорить, что такая ошибка бывает роковой для тех, кто не умеет уберечься от нее.

Возможно, что противник сумеет искусственно сузить предмет спора. Если вы поддадитесь этой уловке, вам будет очень трудно вернуться к первоначальному спору; это вернейший признак, что вы не усвоили азбучных правил судоговорения.

В глазах молодого гения это кажется столь невероятной ошибкой, что никто никогда не мог бы сделать ее. Не ошибается, однако, только тот адвокат, который ничего не делает. Вести судебные дела не так просто, как бить в барабан; если бы можно было рассказать все ошибки опытных адвокатов, то начинающий сказал бы, что опыт оставляет их очень несовершенными и что наше искусство скорее притупляет, чем развивает наши способности. Ошибки более всего сознаются теми, кто уже почти не делает их. Несомненно одно: совершенство недоступно для адвоката; все, что мы можем сделать,— это научиться немногому, отучившись от очень многого.

Оратор может идти разными путями во вступительной речи. Прямой путь ближе всего ведет к решению. Известный навык в риторике, необходимый для того, чтобы самая речь была приятна присяжным, и умение расположить доказательства так, чтобы все намеченные вами обстоятельства казались верными,— вот признаки искусного вступления.

Примут ли присяжные ваше толкование фактов или нет, это почти всецело зависит от вашего умения; чтобы достигнуть этого, надо согласовать между собой собранные доказательства и придать вашим толкованиям вид действительных фактов; художник сказал бы — это искусство мешать краски.

Представим себе молодого адвоката, достигшего великого успеха в умении добиваться ответов от свидетелей на свои вопросы. Такие молодые мастера далеко не редкость. От него, однако, не будет большой пользы, если он станет высыпать свои доказательства перед присяжными, как сор из тележки. Надо, чтобы доказательства являлись перед присяжными в таком порядке, чтобы вывод ясно складывался из фактов. Например: есть ли смысл в перекрестном допросе о добросовестности свидетеля, когда указанные им факты удостоверены людьми несомненно добросовестными? Вы можете быть и «жестоки», и «сильны» с ним сколько угодно,— присяжные скажут, что вы губите дело. Жестокость не есть сила, и сила редко бывает жестокой.

Правда, в заметках стряпчего сказано, что надо «вывернуть свидетеля наизнанку»; допустим, что это удалось вам; но кто дал вам право во имя сомнительной нравственности свидетеля ломать ноги истцу?

Это — плохая тактика. Чем больше «жестокой силы» будет в вашем допросе, тем больше окажется сумма убытков.

Предположим, однако, что, несмотря на молодость, наш адвокат разумный человек и не станет выворачивать свидетеля. Он попытается сделать что-нибудь более искусное.

Этот свидетель имеет особую ценность для нашего адвоката: за его правдивость поручилась противная сторона. Все, что вам удастся извлечь из него в опровержение показаний других свидетелей вашего противника, будет иметь огромное значение. В этом отношении указания на его сомнительную добросовестность могут вам пригодиться. Ваше обращение с ним входит в тактику судебного боя, и, смотря по тому, будете ли вы с ним обходительны или резки, вы сделаете его свидетелем за вас или против вас.

Есть один способ вести дело, который почти безошибочно ведет к проигрышу. Это — игривый способ. Адвокат, который, выражаясь грубо, ломает дурака, кончит тем, что оставит в дураках своего доверителя. Истцу мало проку от ваших шуток: ему не смех нужен, а возмещение понесенных убытков, а со стороны ответчика шутки — плохое возражение против фактов. Я часто слышал, что можно вышутить дело на суде, но никогда не видал, чтобы кто-нибудь это сделал. Ни один судья не допустит этого, если только не ставит шутковство выше правосудия, и я никогда не встречал таких шутов и присяжных, которые были бы способны просмеять права тяжущегося человека. Правда, вы легко можете вышутить свое собственное дело, и если у вас нет шансов на

успех, пожалуй, лучше провалить его со смехом, чем со слезой; но смех не должен быть причиной провала.

Этими указаниями я отнюдь не хочу умалить значение юмора, о силе которого говорил выше.

Заметим также, что серьезное отношение к делу не должно переходить в похоронное обращение. Умение заключается в том, чтобы найти непринужденную середину между указанными крайностями. Нет нужды держаться так, как будто вы шествуете под заглушенный барабанный бой траурного марша; присяжные любят быстрый ход и свежий воздух. Держите их в бодром настроении, если хотите получить изрядную сумму убытков. Помните, что они раздадут не свои деньги, а чужие, и чем больше бодрости вы сумеете внушить им, тем щедрее они будут в своем решении; убытки иногда растут под влиянием некоторого обаяния адвоката над присяжными.

Не могу не сказать нескольких слов о том, что постоянно выглядывает из портфеля адвоката, как бы тщательно ни старался он его захлопнуть; это — слабый пункт вашего иска; что бы вы ни делали, вам не спрятать его. Если вы хотите, чтобы он принес вам как можно больше вреда, предоставьте вашему противнику извлечь его напоказ. Если хотите, чтобы он предстал перед присяжными в наиболее для вас благоприятном виде, укажите на него сами. Человек всегда относится с большей нежностью к своим, чем к чужим слабостям.

При умелом обращении слабый пункт может иногда быть обращен в преимущество. Насмешка противника над бедностью или несчастьем вашего доверителя послужит к его облегчению, нравственному и материальному. «Но,— скажет с негодованием иной юноша, по своей невинности еще не знающий ошибок,— кто же станет смеяться над такими вещами?»

Погодите, пока не увидите иска какого-нибудь бедняка к железной дороге; или человека, который много лет тому назад имел несчастье попасть под суд. Это ошибка, хуже которой быть не может, но это не значит, что ее не бывает. Это больше, чем ошибка; это самое подлинное издевательство; но существуют клиенты, которые и за это готовы платить деньги. Попытки вызвать предубеждение обыкновенно вызывают сочувствие. Ничто так не вредит речи или перекрестному допросу, как раздражительность.

Люди часто говорят: «Адвокатское искусство есть природный дар; его нельзя создать по заказу». Это верно; это во многих смыслах дар; все ваши способности суть дары природы. Средняя пригодность к ведению судебных дел есть дар, но умение вести их сообразно правилам искусства не есть дар. Это — плод тщательных наблюдений и работы над собой. Надо знать, на что «охотнее идут» присяжные; какой слог сильнее действует на них; какое обращение им любезнее, какие рассуждения всего для них доступнее. Если вы не величайший мастер перекрестного допроса в мире, из этого вовсе не следует, что вы должны задавать свидетелям опасные вопросы; если вы не величайший оратор, это не значит, что вы имеете право говорить не то, что надо, или просто заниматься пустословием. Горе клиенту, если его поверенный без нужды оскорбит чувство свидетеля! Если даже необходимость заставляет вас задать тягостный для свидетеля вопрос, присяжные будут смотреть на вас с неудовольствием; и если вы не сумеете смягчить содержание вопроса вашим обращением, они будут смотреть на вас, как на жестокого врача, находящего удовольствие в болезненной для больного операции, который, если бы пришлось, с такой же жестокостью обошелся бы и с каждым из них.

Но как быть с противником, который сам не щадит? Ответ простой. Отвечайте ему суровым молчанием. Не подражайте ему, чтобы не лишиться тех выгод, которые принесли вам его недостойные приемы. Пусть присяжные видят ваше терпение в тяжелом положении: они своевременно дадут награду вашей сдержанности перед судом.

Если же вы признаете разумным коснуться нападков противника, сделайте это так, чтобы затронуть не только негодование, но и сострадание присяжных; ни в каком случае не увлекайтесь желанием отомстить за своего клиента личными нападками на противника: вините во всем наставления, навязанные поверенному, а не его самого. Это прямая дорога к карману его доверителя.

Есть другое обстоятельство, заслуживающее внимания. Адвокаты часто затрудняются перед вопросом: следует ли вызывать свидетелей? Скажу прежде всего, что это вопрос, который поверенный должен решить сам. Стряпчий может только помешать ему в этом. Он должен только отметить, что могут показать свидетели. Вызов их зависит от адвоката. Не бойтесь обычных нареканий: «Отчего не спросили наших свидетелей?» Вопрос решается безошибочным критерием: «Безусловно ли необходимы их показания?» Если нет, никогда не следует жертвовать правом возражения. Есть и другое соображение: если даже они могут быть полезны, не будучи безусловно необходимы, могут ли они выдержать испытание перекрестного допроса? Они могут казаться превосходными на бумаге и, тем не менее, могут провалить вас на суде. Свои свидетели всегда представляют известную опасность, особенно если их больше, чем нужно.

В виде общего правила можно сказать, что показание их не имеет значения во всех тех

случаях, когда можно спорить о том, нужно их вызывать или нет.

Но, если свидетели вызваны, может ли иметь значение порядок их допроса? — Несомненно, и значение большое. Вы можете проиграть дело по недостатку связи и последовательности в их показаниях. Одни и те же вещи имеют очень неодинаковый вид, когда расставлены в порядке и когда брошены в кучу.

Надо сделать все, что в ваших силах, чтобы произвести желательное впечатление. На сцене все мелочи бывают рассчитаны самым тщательным образом; если этого не сделано, характеры действующих лиц и эпизоды драмы получают лишь слабое изображение. Зрители будут разочарованы в своих ожиданиях; и если в дополнение к неудачному распределению эпизодов ваши актеры будут появляться на сцене без твердо намеченного порядка, я сомневаюсь, чтобы слушатели могли следить за ходом развития пьесы, как бы ни было на самом деле хорошо ее содержание.

Следует, конечно, вызывать свидетелей в таком порядке, в котором их показания должны произвести наибольшее впечатление на присяжных. Для этого надо разместить отдельные обстоятельства, хотя бы самые ничтожные, сообразуясь с общей задачей. От этого зависит все; в том, что входит в вашу работу, случаю не следует уступать ни единой частицы. Ваш труд может завершиться стройным зданием или создать бесформенную кучу, смотря по тому, сумеете ли вы привести в порядок или перемешаете установленные вами данные.

Можно также принять за правило, что в тех случаях, когда вашего клиента изобличают в какой-нибудь ошибке или высказывают против него такое предположение, которое нельзя не опровергнуть, — он не только должен быть допрошен раньше всех других свидетелей, но и его возражение против приписываемого ему поступка должно быть сделано им при самом начале его объяснений перед судом. Отсрочка будет казаться желанием уклониться от возражения, а такое желание — сознанием вины. То, что составляет главный пункт в вашем плане ведения дела, должно, по общему правилу, быть выдвинуто вперед главным действующим лицом. Основания этого требования понятны для всякого; впечатление, произведенное на присяжных с самого начала, будет сильнее и более прочно, ибо этим самым от него будет соответственно отдалено возражение противника.

Я уже говорил о том, как важно соблюдать последовательность во времени; не менее важна последовательность по значению обстоятельств. Установив основной факт в центре, следует представить свидетелей; их показания должны не только подтвердить этот факт, но и скрепить его так, чтобы данные дела, плотно примыкая одно к другому, взаимно поддерживали себя, как части искусно построенного свода, способного выдержать всякую тяжесть.

Цель ваша при представлении доказательств не ограничена подтверждением основной мысли; вы можете сделать еще нечто другое, если выступаете со стороны ответчика. Всмотревшись в доказательства, представленные другой стороной, вы можете расположить свои с таким расчетом, чтобы они не только были в контрасте с теми, но и казались бы более правдоподобными.

Все это, конечно, мелочи, но мелочи иногда имеют огромное значение в искусстве, а в суде их ценность бывает неисчислима.

Говоря о ценности свидетельских показаний, не следует забывать, что, если, выставляя ваших свидетелей после доказательств вашего противника, будь то истец или ответчик, вы начинаете с лучших и постепенно будете спускаться до самого худшего, ваши шансы будут уменьшаться в той же постепенности и в конце концов будет казаться, что исход дела находится в зависимости от оценки показаний ничтожнейшего из ваших свидетелей. Ваши доказательства, так сказать, сойдут на нет перед глазами присяжных, а вы будете только недоумевать, отчего они так качают головами.

Люди, мало знакомые с превратностями судебного заседания, думают, что председатель исправит все это. Это возможно, но тот, кто надеется, что председатель сделает за него его дело, — плохой адвокат. Ибо в сущности вещей председатель есть не что иное, как тринадцатый присяжный, и не властен утверждать или отвергать силу доказательств.

Показание свидетеля может быть очень сильным, хотя бы он утверждал только один факт, и очень слабым, хотя бы он утверждал их полсотни. Если вы измеряете ценность его объяснений по количеству сообщаемых им фактов, то можете с таким же успехом по его росту определить силу его показаний.

Если с вашей стороны будут один за другим являться плохие свидетели, присяжные придут к заключению, что ваши требования или возражения недостаточно обоснованы; это ослабит и более сильные показания других свидетелей; поэтому, если между вашими свидетелями есть и надежные и плохие, начинайте со слабейших. Последовательность времени или логический порядок могут заставить вас уклониться от этого соображения; но вообще следует всегда стараться, чтобы за слабым следовало сильное.

Предположим, что с обеих сторон выставлены свидетели приблизительно одинаковой

ценности и нет необходимости соблюдать последовательность времени; есть ли основания к тому, чтобы один свидетель был спрошен раньше другого? Без сомнения. Не все в равной мере готовы выдержать перекрестный допрос. Если вы начали с одного из более слабых в этом отношении и он под влиянием волнения начинает заикаться и бормотать, вы уже оказали по крайней мере две плохие услуги своему клиенту: вы почти погубили его дело в глазах присяжных и вы дали столько бодрости вашему противнику, что он будет допрашивать следующих с удвоенной энергией; если, наоборот, вы начнете со свидетеля, умеющего выдержать перекрестный допрос, вы получите противоположные последствия. Как ни обидна бывает неудача в перекрестном допросе чужих свидетелей, еще обиднее неудача своих перед перекрестным допросом противника.

Еще соображение, которое не следует забывать. Рассказ, переданный по частям, несколькими свидетелями, убедительнее, чем тот же рассказ, повторенный каждым из них. Он будет казаться более правдивым и даже будет иметь вид безусловно верного; тогда как его повторение, особенно с передачей подробностей, часто придает ему вид лжи. Рассказ по частям имеет еще одно преимущество: он суживает площадь приложения перекрестного допроса.

В одной из предыдущих глав я уже говорил о борьбе против предвзятых мнений в среде присяжных; здесь будет нелишним сказать, что, если ваш противник пытается вызвать в них предубеждение, вам придется прибегнуть к некоторым особым манерам, чтобы противодействовать этой довольно обычной тактике. Вы не должны приносить своего клиента в жертву недобросовестным адвокатским приемам. Если ваш противник играет на слабостях присяжных, вы сделали бы ошибку, положившись всецело на силу их здравого рассудка.

Одно может затронуть их интересы, другое шевельнет в них сочувствие. Надо брать людей такими, какие они есть, особенно на скамье присяжных. Если при указанных условиях вы не станете считаться со свойственными им наклонностями и будете обращаться только к их разуму, вы окажетесь в положении простака, у которого вытащили часы, пока он смотрел на воздушный шар.

Случается слишком часто, что против вас в составе присяжных соединяются, хотя и в неравных силах, невежество, предубеждение и чувствительность. В победе над ними — величайшее искусство и величайшая заслуга адвоката.

Много говорят о «последнем слове» (здесь разумеются возражения поверенного в гражданском споре, а не объяснения подсудимого), но никто не станет спорить о том, как много оно значит в устах настоящего адвоката. В нем и созидательная, и разрушительная сила. Поле битвы свободно, противодействия нет. Оно может вырвать с корнем доводы противника, рассеять его доказательства, смести все, им созданное; но оно не может и дать последние законченные черты его картине. Все зависит от знания адвоката. В этом отношении знание еще важнее, чем талант; знание обнимает как самые доказательства, так и умение представить их в наиболее выгодной системе. Если за вами последнее слово — все: доказательства, доводы, предубеждения, симпатии, все в вашей власти; насмешка, укоры, убеждения готовы служить вам. При равенстве прочих условий нужно очень плохо знать адвокатское искусство и человеческую природу, чтобы не выиграть дела.

Это наводит меня на другой предмет, не лишенный значения в наше время, при проявившейся склонности к замене присяжных коронными судьями.

Пусть не удивится читатель, если я скажу, что коронный судья больше поддается предубеждениям, чем присяжные заседатели. Хотя милорд никогда не поверит в возможность подобной слабости с его стороны, он, однако, будет стараться выказать себя свободным от предубеждений, и в этом спасение адвоката. Предубеждения присяжных сглаживаются некоторого рода умственным трением; они могут даже вполне нейтрализовать друг друга. Всякое прямое нападение на предрассудок заранее обречено на неудачу. Предубеждение неуязвимо для логики; но это не значит, что в вопросах, решаемых на основании доказательств, было бы бесплодно обращаться к рассудку. Надо помнить, что судья проникнут высоким чувством чести и хочет казаться беспристрастным. В этом защита против тех слабостей, которым не чужды бывают и благороднейшие умы.

Остается, однако, вопрос: в каком виде представить ему дело? Нужны ли здесь другие приемы, чем перед присяжными?

Я отвечаю: безусловно, нет. Для судьи дважды два четыре, как и для присяжного. Если есть разница, то только тогда, когда присяжные определяют убытки по чувству и поддаются желанию быть щедрыми в ущерб справедливости. Надо говорить так, чтобы судья мог отчетливо видеть ваши факты, усвоить ваши соображения и согласиться с вашими выводами. В этом отношении задача легче перед ним, чем перед присяжными, потому что его ум, благодаря долгому опыту, изощрен в разборе доказательств и в оценке их значения для дела; от вас требуются ясность, сжатое изложение и расчет в распределении материала.

Заметим, что он скорее сумеет различить, представляете ли вы факт таким, каков он на

самом деле, или придаете ему ложную окраску; присяжных легче провести в этом отношении. В чистом деле всегда следует держаться первого приема; второй с несомненностью покажет, что, хотя дело честное, вы не умеете честно вести его. Это плохой прием.

Поле рассуждений шире перед присяжными, чем перед судьей.

В первом случае вы ограничены только одним условием: вы не должны говорить о вещах, не имеющих отношения к делу; во втором — лучше сдерживать свои рассуждения в более строгих границах того, что требует неумолимая логика.

Присяжные представляют более тяжеловесное целое, чем судья, — и, чтобы привести их в движение, нужно большее усилие. Но, раз толчок получен и движение началось, они сметут многие незначительные препятствия, которые перед более критически настроенным умом потребовали бы объяснения.

Из этого следует, что как перед судьей, так и перед присяжными искусное распределение доказательств наряду с ясными выводами из простых рассуждений суть лучшие средства на пути к цели.

«Последнее слово» также имеет не менее значения перед судьей, чем перед присяжными. Милорд во многом, очень многом, остается таким же человеком, как и все; он не одарен ни способностью интуитивного прозрения во мраке, ни сверхъестественным откровением о данных дела. Бывает, что и для его разума оказываются нелишними услуги вашего рассудка.

Следует также сказать несколько слов о том, что называется *le redicule* (смешное). Это незаменяемое средство против недобросовестных аргументов; оно действует с такой быстротой, что противник оказывается разбитым вдребезги, прежде чем успел сказать: была молния!

Умение сделать противника смешным не следует смешивать с поношением или бранью.

Чтобы позволить себе этого рода роскошь, надо быть очень уверенным в прочности своего дела. «Ругай чужого поверенного, когда нет своих доказательств» — это правило есть вернейший путь к тому, чтобы уничтожить свою репутацию как адвоката и отказаться от надежды когда-либо составить себе такую, которую стоило бы сохранить.

Когда оратор пышет пламенем, клиент заслуживает сожаления. Это паровоз, который пыхтит с шумом и с силой, но вращает только маховое колесо, не двигая поезда. Чтобы уметь изящно издеваться, надо обладать тонкой впечатлительностью к несообразностям и способностью сопоставлять их в смешном контрасте. Это создает юмор, а иногда вызывает и негодование и презрение к изображенному.

Образцом этого умения могут служить некоторые отрывки из речи лорда Лоборо по законопроекту Фокса о распространении противоправительственных произведений (*Fox Libel Akt 1792г.* См. *I.Stevens, Hist. of the Crimin. Law, II, 298* и след. Слово *Libel* переведено здесь в том значении, которое соответствует частному случаю), предоставившему присяжным решение вопроса о составе преступления в делах этого рода. Судьи были против проекта, ограничившего в известной доле присвоенную им власть. Лорд Лоборо сказал: «В борьбе председателя и присяжных за право судить о составе преступления они забывают вопрос о вине или невиновности подсудимого, и присяжные легкомысленно выносят оправдательное решение, чтобы показать судье, что они сильнее его. Необходимо предоставить им право входить в обсуждение цели печатного произведения: иначе всякое свободное рассуждение о политических предметах и даже о текстах Св. Писания может быть подведено под понятие противоправительственного произведения... Неужели судьи должны сказать присяжным: "Вы должны признать подсудимого виновным, ибо доказано, что рассматриваемое произведение напечатано им, а когда мы будем объявлять приговор, вы узнаете, есть ли в его деянии состав преступления..."? Вы говорите, присяжные не в состоянии различить истинный характер произведения, признаваемого преступным, и этот вопрос должен быть предоставлен просвещенной оценке судей. В суде *Old Bailey* альдермен г. Лондона заседает в составе присутствия рядом с верховным судьей Королевства. Мало того, дела этого рода в графствах разбираются помощниками, сведущими только в борзовой охоте, без всякого участия настоящих судей. Одна нелепость влечет за собой другую; всем известно, что в числе присяжных особого состава, которых вы признаете непригодными, большая часть — те же судьи, и вы хотите отнять у них всякую власть на скамье присяжных, предоставляя им за судейским столом и решение о виновности, и приговор о наказании».

«Не повторяйтесь». Это хорошее правило. Еще лучше: устраняйте себя из дела вообще. Но необходимо повторять ваши соображения, пока присяжные не усвоят их. Это надо делать, меняя выражения и оборот мыслей. При этих условиях повторение будет приятно, а не утомительно. Нет ничего привлекательнее разнообразия, ничего более занимательного, как обозрение интересного предмета с разных сторон, особенно когда вы хотите составить себе общее представление о нем, заслонив вместе с тем некоторые его части.

Но, позвольте, скажет встревоженный читатель, как могу я узнать, поняли присяжные или нет? Ответить нетрудно: следите за поплавком!

Что может быть скучнее, как ехать по давно знакомой дороге? Уже второе путешествие теряет интерес и оставляет гораздо более слабые впечатления, чем первое. Но как же повторять, не повторяясь? Подражайте великим мастерам и, когда хотите высказать существенное положение, ведите к нему присяжных. Подготовьте слушателей к тому, что хотите запечатлеть в их представлении. Надо задержать их внимание, задеть их ожидание, оживить воображение, поддразнить любопытство; и этого мало; вы должны одарить их приятным ощущением удивления. Но как же сделать все это? Иной раз — одним вопросом; в другой раз — возгласом, паузой, жестом, изменением голоса. Как — это не важно; лишь бы было достигнуто нужное впечатление; а раз оно произведено, оно уже не требует повторения.

Не теряйте времени на несущественные подробности; «терзая неохотное ухо сонного человека», вы можете только вызвать в нем раздражение и сделать его неспособным ко вниманию, когда перейдете к существенному. Вы не в силах пробудить его ослабевшее внимание, и дело, которое могло быть выиграно при умелом его ведении, будет проиграно из-за несоблюдения азбучных требований искусства.

«Грациано говорит бесконечное количество пустяков... Его рассуждения похожи на два зерна пшеницы в двух четвериках отрубей; ты будешь целый день искать, пока найдешь их, а когда нашел, увидишь, что не стоило их искать» (Шекспир. Венецианский купец, I, 1).

Говорить о ненужных подробностях — большая ошибка; еще хуже вызывать ненужных свидетелей, ибо это опасная ошибка. Они могут впасть в противоречие между собой, а противоречие в пустяках оставит в присяжных такое же впечатление, как если бы оно касалось существенных обстоятельств; они бросят тень сомнения на все дело. Замечу, что, разбирая показания свидетелей противника в первой речи или в возражении, часто бывает целесообразно идти от последнего к первому, при том условии, конечно, что они были представлены им суду в известной логической последовательности. Можно заранее сказать, что последний свидетель даст сильное показание против вас и произведет известное впечатление на присяжных. Он в некотором роде замок свода. Начинайте же с него. Торопитесь уничтожить произведенное им впечатление; всякий удачный удар против него будет иметь большое значение; он иногда поможет справиться и с другими, а вместе с тем, по мере хода вашей речи, грозное показание будет все более теряться из виду, пока, наконец, при успешном развитии ваших рассуждений, не исчезнет совсем. Мне часто приходилось видеть, как адвокат напоминал присяжным улику, забытую его противником. Это плохая тактика.

Что прошло, то прошло; никогда не следует останавливаться на обстоятельствах, не затронутых противником и не требующих опровержения. Вы можете тем самым безо всякой нужды придать им кажущееся значение.

Предположим, что в деле было несколько свидетелей второстепенной важности. Если вы станете разбирать их показания порознь, вы подтвердите за каждым некоторую долю значения. Скажите: «О прочих свидетелях не стоит говорить; они ничего не доказывают, а если бы и доказывали что-нибудь, их слова не стоят спора».

Не говоря уже о красноречии Эрскина, нельзя не восхищаться некоторыми особыми приемами в его речах. Возьмем для примера дело Томаса Гарди, судившегося в Лондоне за государственную измену в 1794 году.

Чтобы постепенно подготовить присяжных к своему требованию об оправдании подсудимого, он говорит:

«Государственная и правительственная власть страны опирается на всех подданных; я надеюсь, что мне никогда впредь не придется выслушать перед лицом суда, что мирное разъяснение народу его законных преимуществ есть посягательство против власти государя. Те, кто говорит это,— худшие враги короля. Нельзя не назвать в высшей степени опасной ту государственную теорию, которая утверждает, что верховной власти грозит крушение всякий раз, когда народ слышит правду о своих правах, что, созывая граждан для обсуждения этих прав, те, кто это делает, ведут к неизбежной гибели монарха».

В этом отрывке, как и во всех других рассуждениях оратора, основная мысль повторяется не повторением слов, а новыми изящными оборотами, и благодаря этому вместо одной мысли в словах его как будто слышны две или три.

В другом месте он говорит:

«Г-да присяжные. Я не обязан отстаивать каждое слово. Некоторые выражения нельзя не назвать неуместными; это опрометчивые, зажигательные выражения; но, рассматривая все в целом, допуская даже, что это написано подсудимым, я не вижу ничего, что изобличало бы в нем какие-либо преступные намерения».

По этим примерам можно видеть, с каким старанием и умением готовил свои защитительные речи великий адвокат. Вот настоящее искусство.

Считаю нелишним привести здесь одно место из «Жизнеописаний канцлеров» (сочинение лорда Дж.Кемпбелла «The Lives of Chancellors», касающееся речей, вызова свидетелей и

перекрестного допроса. Автор говорит о защите лорда Георга Гордона, обвинявшегося в государственной измене («State Trials» - официальный сборник).

«Выбор первого защитника,— говорит лорд Кэмпбелл,— был неудачен. Г-н Кеньон (впоследствии лорд Кеньон), будучи вполне сведущим в тонкостях вещного права и в практике гражданского процесса, не обладал ораторским талантом и совсем не знал конституционных законов. Возражая обвинителю, он произнес безукоризненно честную, но малоубедительную речь; когда он кончил, друзья лорда Георга были в отчаянии. По установившемуся обычаю, Эрскин должен был говорить немедленно за ним; но он, ссылаясь на один прецедент из "Государственных процессов", просил разрешения отложить свою речь до представления доказательств. Суд согласился; было допрошено множество свидетелей, но их показания о действиях подсудимого были значительно ослаблены перекрестным допросом о действительном характере беспорядков».

Привожу следующий отрывок ради контраста:

«Эрскин начал речь около полуночи и, разогнав мгновенно усталость присяжных, судей и всех присутствовавших, точно вдохновил их какой-то особой высшей жизнью; они слушали, как будто его устами говорил небесный разум, снисшедший на землю, чтобы разъяснить им дело».

Далее автор рассказывает, как оратор изложил действующие законы не для того только, чтобы передать их содержание, но и для того, чтобы «искусно приспособить выдвинутые им положения к тем фактам, о которых ему предстояло говорить».

Правда, это говорится о талантливейшем из адвокатов, когда-либо выступавших в английском суде; но я привожу эти отрывки не ради таланта оратора. Я хотел только показать на его примере и подтвердить ссылкой на высокий авторитет лорда Кэмпбелла, что умение, искусство представить обстоятельства дела имело здесь еще больше значения, чем даже несравненное красноречие оратора. Это умение Эрскин мог, конечно, приобрести только тщательным изучением великих мастеров, особенно Цицерона и Бурка. Чему научился Эрскин, тому могут научиться и другие; а те, кто не обладает каким-либо сверхъестественным ораторским талантом, могут, если только не вовсе лишены способностей, усвоить достаточную легкость речи для своих более скромных задач, изучая со вниманием те приемы, которыми он пользовался с таким успехом.

В заключение можно напомнить, что среди всех трудностей, окружающих адвоката, сдержанность будет его лучшим спутником, а здравый смысл — надежнейшим руководством.